РОССІЙСКІЙ ѲЕАТРЪ

или

Полное собранїе

всѣхъ

Россїйскихъ Ѳеатральныхъ

сочиненїй.

95119

Часть VIII.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академїи Наукъ,

1787 года.

ГОСУДАРСТВ... АКАДЕМ.
Ленинград... театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А.В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ДРАМЫ.

ПУСТЫННИКЪ

ДРАМА.

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

Представлена въ перьвый разъ на Императорскомъ театрѣ въ Санктпетербургѣ въ 1757 году.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЕВМЕНІЙ.

ДОМЕТІЯНЪ, отецъ ево, бояринъ Владимировъ.

МИНОДОРА, мать ево.

ПАРѲЕНІЯ, жена Евменїева.

ВИСАРІОНЪ, братъ ево.

АНФИНОГЕНЪ, комнатный дворянинъ.

ИСИДОРЪ, приятель дома Евменїева.

Дѣйствіе въ пустынѣ въ близости Кїева.

ПУСТЫННИКЪ

ДРАМА.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЕВМЕНІЙ *[одинъ]*

Пребуди суеты радѣтельно храня,
Лукавый свѣтъ забвенъ на вѣки отъ меня!
Къ тебѣ единому, я, Боже, прибѣгаю,
И только на тебя надежду полагаю!
Земля исполненна гоненія и лъсти,
Неправды, коея нѣтъ силъ моихъ несщи:
Пороки царствуютъ, а добродѣтель страждетъ,
Злодѣйство жаждетъ:
А здѣсь не вижу я смущеннаго часа;
Стремись моя душа, стремись на небеса!
Будь небомъ ушѣшенна,
И забывай, чево на свѣтѣ семъ лишенна!

Забавы здѣшнія ушоплены въ слезахъ,
И свѣтлостію тьма мечтуется въ глазахъ:
Вѣкъ кратокъ здѣсь, а смерть ужасна:
Прелестна жизнь; однако и нещастна.
Для насъ, не ради бѣдъ земля сотворена;
Но нашимъ промысломъ бѣдамъ покорена.
Повергли идоловъ въ странѣ мы сей прехвально;
Однако и поднесь еще живемъ печально.
Намъ чистый данъ законъ,
Но мы не дѣлаемъ, что предписуетъ онъ.
Грѣхами пораженны,
Мы въ тину прежнюю глубоко погруженны.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЕВМЕНІЙ, АНФИНОГЕНЪ И ИСИДОРЪ.

ИСИДОРЪ.

Меня прислалъ сюда Евменіевъ отецъ,
Упрямству твоему содѣлати конецъ,
Вѣщать тебѣ, чтобъ ты сталъ быть ему послушенъ,
И прервалъ вѣкъ такой, который столько скушенъ.
Что

Что дѣлаешь ты здѣсь?
Домъ весь,
Служители, твой братъ, отецъ, и мать,
супруга - - -

ЕВМЕНІЙ.

Престань тревожити безвиннаго ты друга!

ИСИДОРЪ.

Такъ больше стонъ отцевъ не трогаетъ тебя,
Ни слезы матери? Парѳенія любя - - -

ЕВМЕНІЙ.

Молчи.

ИСИДОРЪ.

Тобой горя Парѳенія рыдаетъ:
Не льзя изобразить, какъ жестоко страда-
етъ - - -

ЕВМЕНІЙ.

О боже!

ИСИДОРЪ.

Рвется - - -

ЕВМЕНІЙ.

Все то время пресѣчетъ.

ИСИДОРЪ.

Скоряе скорбь ее ко гробу привлечетъ.

ЕВМЕНІЙ.

Кто міромъ обладаетъ,
Кто могъ вселенную изъ милости создать,
Отраду страждущимъ легко тотъ можетъ
дать.

АНФИНОГЕНЪ.

Мной князь тебѣ гласитъ: изъ жизни тя
унылой
Я могъ бы возвратить ушедшаго и силой;
Однако не хочу;
Я можетъ быть тебя и волей возвачу;
Престань противиться природѣ:
Дамъ мѣсто первое тебѣ во всемъ народѣ.

ЕВМЕНІЙ.

Пускай старается другой о чести сей:
Ни что не искуситъ ужъ младости моей.
Когда преодолѣлъ я силу нѣжной страсти;
Такъ прелести ужъ нѣтъ надъ сердцемъ боль-
ше власти.

ИСИДОРЪ.

Что онъ тебѣ даетъ, нѣтъ болѣе сего.

ЕВМЕНІЙ.

Богъ болѣе всего.

АНФИНОГЕНЪ.

Не мысля отогнать возлюбленной напасти,
Пре-

Пребыти хочешь ты во вѣкъ неколебимъ!

ИСИДОРЪ.

И хочешь позабыть ту, кѣмъ ты толь любимъ!

[Отходятъ.]

ЕВМЕНІЙ.

Хотя не забываю;
Но въ мысляхъ я своихъ недвижимъ пребываю.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЕВМЕНІЙ и ВИСАРІОНЪ.

ВИСАРІОНЪ.

Лишившимся тебя родителямъ, мой братъ,
Днесь зрится быти пустъ многонародный градъ:
Мнѣ нѣтъ забавы въ немъ, Парѳенія - - -

ЕВМЕНІЙ.

О бремя!
Прошло уже мнѣ съ ней и съ вами быти время;
Не сѣтуйте о мнѣ:
Не приходите къ сей пустынной сторонѣ:

Болѣзни о себѣ моей не умножайте,
И прежнихъ дней моихъ вы мнѣ не вображайте.
Мной градъ оставленъ сталъ; но граду я служилъ;
Не тунеядцомъ я между Славяновъ жилъ:
Я часто отвращалъ враждебныя набѣги:
Свидѣтели тому, о вы, Днепровы бреги!
Котора безъ меня когда кончалась брань!
Отечество и князь мою имѣли дань;
Единый только Богъ во всенародномъ шумѣ
Не представлялся мнѣ въ мятежной ясно думѣ:
Въ всегдашнихъ суетахъ не можно ничево
На жертву принести за милости ево:
И всяка жертва
Предъ Богомъ мертва:
Едино только то угодно лишь ему,
Чтобъ слѣдуя уму,
Объ очищенїи сердецъ ево просили,
И чистыя сердца на жертву приносили.
Но кто надеженъ тѣмъ когда себѣ ласкать,
Когда между суетъ начнетъ того искать?

И въ мїрѣ льзя спастись; но только очень
трудно:
А въ треволненїе пускаться безразсудно,
Когда въ томъ нужды нѣтъ;
Безъ нужды на валы не отдается судно.
Я свѣту отдалъ долгъ, и оставляю свѣтъ:
Бѣгу мїрскихъ суетъ;
Чтобъ я Создателю еще былъ больше нравенъ,
Благодарить того, кѣмъ я въ народѣ славенъ.

ВИСАРІОНЪ.

Кто хочетъ Господа благодарить когда,
И въ мїрѣ учинить то можетъ онъ всегда;
Имѣть ево въ умѣ ни что не запрещаетъ,
Какъ мысли и сердца мїръ часто ни смущаетъ:
Тобою погубленъ родительскїй покой:
Всѣ сродники тебя вздыхая вспоминаютъ;
Твои ближайшїя терзаяся стонаютъ:
Любезную сразилъ ты вѣчною тоской.
Когда она тебя толь жарко полюбила:
Возможно ль быть тому, чтобъ послѣ позабыла?

Ее

Ее съ собою самъ ты люто разлучилъ:
За жаркую любовь ей муку приключилъ.
Ты въ винностяхъ своихъ предъ нею не исчетенъ:
И въ томъ предъ Богомъ быть не можешь безответенъ.

ЕВМЕНІЙ.

Сочетаваяся я съ ней не зналъ того,
Что послѣ буду рабъ я Бога одного.
Потребно, чтобъ она всѣ грусти умѣряла,
Когда любезнаго, за Бога, потеряла.
Не устрашаяся въ природѣ ничево,
Въ пучину и во огнь я ввергусь за нево.

ВИСАРІОНЪ.

Себя тотъ болѣе пустынника прославитъ,
Кто естьли ото дна премножества суетъ,
Въ святой прекрасной садъ на небеса взойдетъ.

ЕВМЕНІЙ.

Тотъ выше въ вѣчности еще себя поставитъ,
Кто для Создателя, утѣхи всѣ губя,
Преодолѣвъ себя,
Свое дражайшее сокровище оставитъ.

И

И кровь мою,
Я Творче за тебя съ охотою пролью!

ВИСАРІОНЪ.

Творецъ и ближняго любить повелѣваетъ,
И ону въ насъ любовь природою всѣваетъ:
А ты противишься и сердцу и уму,
Природѣ и Ему.

ЕВМЕНІЙ.

Противлюся природѣ,
И больше не хочу въ коварномъ жить народѣ:
А Богу никогда не воспротивлюсь я;
Ему посвящена на вѣки жизнь моя.
Я васъ люблю и оставляю въ плачѣ;
Вина тому, что я усерденъ Богу паче.

ВИСАРІОНЪ.

Не требуетъ отъ насъ суровства Божество,
Которымъ утѣснять, свирѣпо, естество:
Къ спасенью своему ты звѣрствомъ приступаешь:
Въ свирѣпствѣ противъ насъ безвинныхъ утопаешь:

Когда

Когда престалъ ты всѣхъ возлюбленныхъ любишь;
Тираномъ хочешь быть:
И въ обстоятельство вводя насъ само слезно,
Стремишься то губить, что должно быть любезно.
Ты смертный: изъ земныхъ какъ мы изшелъ ты нѣдръ;
Почто жъ такое ты имѣешь сердце твердо!
Всевышнїй щедръ,
И смотритъ съ небеси на смертныхъ милосердо.
Ищи, ищи ты райскаго вѣнца;
Лишь только ты войди въ стѣсненныя сердца
Всѣмъ чувствїемъ и мыслїю своею,
И во страданїе, зришь кое въ насъ теперь:
И грусть Парѳенїи любовїю измѣрь.
[Становится на колѣни.]
Когда не движешься ты прозьбою моею,
Воспомяни ее, и сжалься хоть надъ нею:
Воспомни, какъ она поднесь вѣрна тебѣ,
Вообрази ея мученїе себѣ,

Пред-

Представь, какія ты ей подалъ мысли люты
И провожденны съ ней дражайшія минуты.
Представь ее въ слезахъ любовію въ огнѣ,
Въ рыданіи, въ тоскѣ, въ печальной сторонѣ:
Явленны нѣжности ея къ себѣ исчисли,
И премѣни свои ожесточенны мысли!

ЕВМЕНІЙ.

Я чувствую, какой мнѣ сильный то ударъ;
И не исчезъ еще къ Парѳеніи мой жаръ;
Но Богъ сильняй ея мнѣ въ сердцѣ вкоренился;
И быть тому не льзя, чтобъ я перемѣнился;
Супротивляется любовная мнѣ страсть,
Но разумъ надо мной имѣетъ большу власть.

ВИСАРІОНЪ.

Останься въ варварствѣ ты жалости не зная:
А я иду отсель всей внутренней стоная.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЕВМЕНІЙ *[одинъ.]*

Воюютъ страсти всѣ противу силъ моихъ,
И больше ни какой надежды нѣтъ на нихъ.
Чтобъ я послѣдовалъ блаженной сей судьбинѣ,
Въ тебѣ, о Боже мой, моя надежда нынѣ!
Мятется весь мой духъ, шревожится вся кровь:
О вы родители! о братъ мой! о любовь!
Колеблющагося и тѣнь меня пугаетъ.
Парѳенія! - - увы мой духъ изнемогаетъ.
Парѳенія, поди изъ памяти ты вонъ!
Не воображайся мнѣ прошедшій сладкій сонъ,
И беспрепятственно пускай мои успѣхи:
Не представляй моей минувшія ушѣхи,
И дай забыти мнѣ мечтаніе сіе,
Которымъ напоилъ ты чувствіе мое!
Ты прелести мірской мнѣ въ сердце всѣялъ сѣмя:
Предай моя душа забвенію то время!
Не возбуждай моей сильнѣйшей страсти ты!
Исчезните въ умѣ заразы красоты,

Ко-

Которы до сего въ немъ долго обитали,
И чувство множествомъ пріятностей пи-
тали!
Гдѣ было жительство, о Творче мой, любви,
Единый у меня тамъ Боже Ты живи:
Наполни разумъ мой любовїю святою,
Чтобъ только плѣненъ былъ я сею красо-
тою:
Съ желанїемъ мое ты сердце согласи,
И мысли къ одному направи небеси:
Отвергни отъ меня тьму страшной адской
ночи,
И отврати мои на вѣкъ отъ мїра очи:
О согрѣшенїи подай мнѣ въ сердцѣ стонъ,
И дай хранити мнѣ божественный законъ:
О прежнемъ щастїи уже не сокрушаться,
И только лишь Тобой единымъ утѣшаться!

ЯВЛЕНІЕ V.

ЕВМЕНІЙ и ВИСАРІОНЪ.

ВИСАРІОНЪ.

Восхочешь ли узрѣть родителей своихъ?
Не огорчишся ли Евменїй видомъ ихъ?

95119
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ...ДЕМ
...ЛЕНИНГРАДСКАЯ ...
...ИМЕ... ...ЛО
ТЕАТРАЛЬНАЯ

Какъ люто ихъ сердца болѣзни не терзаютъ,
Они Евменія колебнуть не дерзаютъ.

ЕВМЕНІЙ.

О мой любезный братъ!
Колеблютъ ужъ меня; я чувствую сей ядъ.

ВИСАРІОНЪ.

Ты тако отвѣчаешь,
Когда возлюбленныхъ родителей встрѣчаешь!

ЕВМЕНІЙ.

Живущи къ нимъ во мнѣ почтеніе, любовь,
Благодареніемъ мою тревожатъ кровь.
Ты братъ мой, ты мой другъ, тобой гонима злоба;
Познай ты, какъ моя терзается утроба:
Познай, зря образъ мой, смятеніе сіе:
Познай, и ахъ, войди ты въ чувствіе мое!

ВИСАРІОНЪ.

И въ наше чувствіе войди хотя ты мало!
Веселье наше все тобою миновало;
Гдѣ жили радости, забавы безъ препонъ,
Тамъ нынѣ грусть, тоска и повсегдашній стонъ:
Гдѣ

Гдѣ прежде мы въ играхъ и смѣхахъ пребывали,
Тамъ нынѣ безъ тебя мы слезы проливали;
Противенъ намъ тотъ домъ, въ которомъ ты рожденъ,
И тѣ часы, какъ ты любовью побѣжденъ.

ЕВМЕНІЙ.

Не вспоминай ты мнѣ, для грустей нестерпимыхъ,
Прошедша времени, и мной очей любимыхъ! --
Скажи родителямъ, чтобъ шли они сюда.
[Висаріонъ отходитъ].

ЕВМЕНІЙ.

О люшая бѣда!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЕВМЕНІЙ, ДОМЕТІЯНЪ, МИНОДОРА и ВИСАРІОНЪ.

ДОМЕТІЯНЪ.

Ты видишь, о мой сынъ! терзаемыхъ судьбою,
Своихъ родителей стенящихъ предъ собою,
Просящихъ жалобно.

ЕВМЕНІЙ.

О чемъ меня просить?

ДОМЕТІЯНЪ.

О томъ, чево уже не можемъ мы сносить:
Чтобъ ты воспомянулъ родителей любезныхъ.

МИНОДОРА.

И насъ не принуждалъ потоковъ лити слезныхъ.

ЕВМЕНІЙ.

Я сынъ вашъ; но при томъ рабъ Богу моему.

ДОМЕТІЯНЪ.

Ожесточенному упрямству своему.

ЕВМЕНІЙ.

Упрямства моево родитель мой не видно;
Стараться угождать Создателю не стыдно.

ДОМЕТІЯНЪ.

Или живущи всѣ въ народѣ снидутъ въ адъ,
И обиталищемъ ты ставишь адскимъ градъ?

ЕВМЕНІЙ.

Къ пристанищу пути кратчайшія полезняй:
А тишина всево на свѣтѣ семъ любезняй.

ДОМЕТІЯНЪ.

Но что любезняе на свѣтѣ семъ отцамъ:
Какая большая родителямъ отрада,
Какъ чада?
А отъ тебя печали намъ.
Какія отъ тебя мы радости имѣли,
Которыхъ изрещи мы сами не умѣли!
Ты свой Создателю вѣкъ нынѣ посвятилъ;
Но Богъ не требуетъ, чтобъ ты нашъ духъ мушилъ.

ЕВМЕНІЙ.

Не требуетъ; но мы къ тому опредѣленны,
Чтобъ паче всей Ево любили мы вселенны.

ДОМЕТІЯНЪ.

Но Богъ родителей любити повелѣлъ:
И что бы сынъ отца и матери жалѣлъ.

ЕВМЕНІЙ.

Предъ міромъ всѣмъ я то сказать безъ лести смѣю,
Что жалость и къ отцу и къ матери имѣю.

ДОМЕТІЯНЪ.

Когда ты чувствуешь къ родителямъ любовь,
И вкоренила то въ твою природу кровь;

Внимая неба гласъ, внемли ты гласъ природы;
Самъ хочетъ Богъ того и всей земли народы.
Я знаю то и самъ, что наше естество,
Во основанїи имѣетъ Божество;
Но что и Самъ Содѣтель,
Въ сердца посѣялъ намъ святую добродѣтель:
Которa къ должности безбременной зовешъ:
Противу строгости на небо вопїешъ:
Вишь должность наша намъ на сердцѣ изъясненна,
И быть она не хочетъ утѣсненна.
Возри на скорбь мою!
Евменїй покажи ты къ намъ любовь свою:
Ко той, въ утробѣ кто Евменїя носила,
И щастїя въ тебѣ отъ Вышняго просила!
Веселья сродникамъ своимъ не запрети:
Парѳенїи своей утѣхи возврати!

ЕВМЕНІЙ.

Увы!

МИНОДОРА.

Ты насъ приводишь къ гробу:
Познай Евменїя носившую утробу:

Зри

Зри матери болѣзнь и горести ея:
Зри всѣ мученїя ты жизни моея!
О сынъ мой! я тебя душею нарицала,
И часто въ радости на небо восклицала:
Какова сына ты, о Боже, подалъ мнѣ:
Ты далъ защитника сей сѣверной странѣ.
О мой любезный сынъ, поди во градъ обратно!
Тобой теряемъ мы, что въ жизни намъ приятно:
Ты нашей старости отраду пересѣкъ,
И нашъ мученїемъ окончеваешь вѣкъ;
Подвигнися, мой сынъ, болѣзнїю моею,
И умилися ты надъ матерью своею!

ЕВМЕНІЙ.

Я рвуся зря тебя;
Но не могу ни чѣмъ преодолѣть себя.

ДОМЕТІЯНЪ.

Не можешь: и не дивно;
Коль съ нами обитать Евменїю пропивно.
Отдай законную своей природѣ власть,
И отврати отъ насъ несносную напасть!

ЕВМЕНІЙ.

Не рушьте моего желаннаго покою:
Не мучьте безъ плода своей меня тоскою:
И дайте мнѣ,
Безъ возмущенія, пребыти въ тишинѣ,
И гласу Вышняго послѣдовать успѣшно!
Престаньте обо мнѣ стенати безутѣшно.
Для васъ я въ свѣтѣ жилъ,
И обществу служилъ:
А нынѣ къ вѣчности открывъ себѣ дорогу,
Служу я Богу.

ДОМЕТІЯНЪ.

Такъ нѣтъ надежды намъ?

МИНОДОРА.

Ни утоленія очей моихъ слезамъ?

ЕВМЕНІЙ.

Я больше ничево уже не отвѣщаю;
Всю жизнь и мысли всѣ я Богу посвящаю.

ДОМЕТІЯНЪ.

Коль ты неколебимъ, Евменій; такъ прости.

МИНОДОРА.

Могу ль сіе, могу ль мученіе снести!

ДОМЕТІЯНЪ.

Прости, мой сынъ!

МИНОДОРА.

Прости!

ЕВМЕНІЙ.

Прибави, Боже, силы!
Родители мнѣ милы:
И паче ихъ люблю я жизни своея;
Но здѣсь останусь я;
Простите, и о мнѣ вы больше не стонайте:
Безъ слезъ, безъ жалости меня воспоминайте!

МИНОДОРА.

Нещастливая мать!

ДОМЕТІЯНЪ.

Нещастливый отецъ!

ЕВМЕНІЙ.

О ты вселенныя Правитель и Творецъ!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ЕВМЕНІЙ, ДОМЕТІЯНЪ, МИНОДОРА и ПАРѲЕНІЯ.

ЕВМЕНІЙ.

Терзайте душу вы, терзайте душу страсти!

ПАРѲЕНІЯ.

Скончай Евменій ты, скончай мои напасти!

ЕВМЕНІЙ.

Парѳенія забудь любезнаго на вѣкъ!

ПАРѲЕНІЯ.

Не можетъ быть того.

ЕВМЕНІЙ.

О бѣдный человѣкъ,
Колико ты нещастенъ:
Какимъ мученіямъ на свѣтѣ ты подвластенъ!

ПАРѲЕНІЯ.

Мученіе мое всѣ мѣры превзошло;
Нещастіе во мнѣ себѣ ту цѣль нашло,
Въ которой всѣ свои свирѣпства изъявляетъ;
Къ пощадѣ ничево оно не оставляетъ:

Въ

Въ тотъ часъ, какъ разлучилъ любезну
ты съ собой,
Всѣ скорби въ сердцѣ мнѣ вселилися тобой.
Я слезы лью, стеню, тоскую и рыдаю,
И безпрестанно я лишась тебя страдаю:
Озлюся на тебя, что я тобой терплю,
И въ тужъ тебя опять минушу я люблю;
Ни что мнѣ безъ тебя на свѣтѣ не угодно:
Твой зракъ въ умѣ моемъ и въ сердцѣ не
исходно.
Колико можно мнѣ престать тебя любить,
Толико можно мнѣ Евменія забыть.
Хотя мнѣ все превратно;
Тово, что толь приятно,
Ни какъ не льзя изъ сердца истребить:
А ты меня за то стараешся губить!

ЕВМЕНІЙ.

Любовь твоя ко мнѣ и прежде мнѣ извѣстна:
Ты взору моему Парѳенія прелестна:
И какъ возлюбленна ты сердцу моему,
Свидѣтель Богъ тому;

Вся

Вся рвется отъ тебя теперь моя утроба;
Но разлучилась ты съ Евменіемъ до гроба.

ПАРѲЕНІЯ.

Не разлучилася; оставленна тобой.
Мучитель мой,
Противъ ково дерзаешь!
Парѳенію терзаешь.
Ты слово данное любезной преломилъ,
За то, что ты ей милъ,
И въ совершенствѣ ты ее къ себѣ зришь вѣрну.
О какъ, ты Боже, зришь неправду пребезмѣрну!
Не мни, чтобъ Вышній лжи твоей не усмотрѣлъ:
Стращися молній ты, страшись громовыхъ стрѣлъ.
И воздухъ на тебя воздвигнетъ вѣтры нынѣ:
Убѣжища не дастъ тебѣ въ твоей пустынѣ;
Противъ тебя любовь, все, все вооружитъ,
Спокойство отъ тебя на вѣки убѣжитъ.

ЕВ-

ЕВМЕНІЙ.

Коль я тебя лишилъ всея твоей забавы,
И милъ тебѣ еще; тебѣ въ томъ больше славы;
Довольна ею будь,
Или забудь
Евменія ты вѣчно.

ПАРѲЕНІЯ.

О коль бесчеловѣчно
Имѣешь сердце ты!
Опредѣлилъ любезной,
Отъ младости пребыть до смерти въ жизни слезной!

ЕВМЕНІЙ.

Я слабъ противъ твоей любви и красоты;
Но твердъ, неколебимъ противу суеты:
И разлученъ я ею,
Съ возлюбленной своею.

ПАРѲЕНІЯ *[ломавъ кинжалъ.]*

Такъ вотъ конецъ мученья моево.

ЕВМЕНІЙ *[вырвавъ у нее кинжалъ.]*

Ты для ради тово

Меня

Меня любила,
Чтобъ тѣло ты мое и душу погубила.
Какой ты въ сердце мнѣ пустила люшый ядъ!
Отъ райскихъ я дверей * свергаюся во адъ! **

* *Поднимаетъ кинжалъ на себя.*

** *уклустивъ кинжалъ становится на колѣни.*

Спаси, о Боже мой, меня своей рукою,
И приведи меня къ желанному покою;
Тебѣ извѣстны всѣ спасенія слѣды:
Помилуй, отвраши ужасныя бѣды!

ПАРѲЕНІЯ.

Гласъ Вышняго и мнѣ уставъ уже вселяетъ,
И что исполнити, онъ то опредѣляетъ:
Евменій, слѣдуй ты блаженству своему:
А я послѣдую примѣру твоему:
Хотя по саму смерть тебя не позабуду;
Но въ удовольствіи съ Создателемъ жить буду,
И для скончанія неизреченныхъ бѣдъ
Оставлю и тебя, оставлю я и свѣтъ:

Не стану плакать болѣ:
Въ пустынѣ буду жить и я по Вышней волѣ.

ЕВМЕНІЙ.

Что здѣлалъ ты конецъ, о Творче мой, бѣдамъ,
Великій Боже, чѣмъ Тебѣ я то воздамъ!

ДОМЕТІЯНЪ.

Господь и мнѣ теперь отраду посылаетъ:
Послѣдуй ты тому, чево самъ Богъ желаетъ.

МИНОДОРА.

Какъ Вышній милосердъ,
Во добродѣтели таковъ, ты сынъ мой, твердъ;
Я грусти умѣряю,
Что я тебя теряю.

ВИСАРІОНЪ.

Не спорю я уже съ тобой, любезный братъ:
И больше не зову тебя съ собой во градъ.

ЕВМЕНІЙ.

Какъ я Парѳенія горѣлъ тобою страсно,
Такъ буду о тебѣ молиться я всечасно.

ПАР-

ПАРѲЕНІЯ.

И я доколѣ я жива,
Пребуду о тебѣ въ молитвахъ такова.

ЕВМЕНІЙ.

Творецъ отъ всѣхъ сѣтей мірскихъ меня избавилъ:
Имѣнье, кое я Парѳенїи оставилъ,
Раздайте нищимъ, вы родители мои,
И на сокровищи создайте домъ сїи
Убогимъ, кои кровь нещадно проливали,
Когда за свой народъ не робко воевали.
А я хотя васъ зрѣть не буду никогда,
Васъ буду вспоминать предъ богомъ завсегда.

КОНЕЦЪ.

РОССЫ

ВЪ

АРХИПЕЛАГѢ.

ДРАМА

сочиненїя

ПАВЛА ПОТЕМКИНА.

В

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
БИБЛИОТЕКА
ТЕАТР. ДРАМЫ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ ОРЛОВЪ, Предводитель Россїйскихъ войскъ, находящихся въ Архипелагѣ со особливымъ полномочїемъ.

СПИРИДОВЪ, Адмиралъ Россїйскаго флота.

ГРАФЪ ѲЕДОРЪ ОРЛОВЪ, младшїй братъ предводителевъ, Генералъ Порушчикъ, уполномоченный при нужномъ случаѣ.

КНЯЗЬ ЮРЬЯ ДОЛГОРУКОВЪ, Генералъ Маїоръ Россїйскихъ войскъ, бывшїй въ Морѣ съ Графомъ Ѳедоромъ Орловымъ.

ЕЛФИСТОНЪ, Контръ-Адмиралъ.

ГРЕЙГЪ, Контръ-Адмиралъ.

СОФРОНИМЪ, Старшина Греческаго народа изъ острова Гидры.

БУКОВАЛЪ, Старшина Греческихъ и Албанскихъ войскъ, воюющихъ совокупно съ Россїянами.

ОСМАНЪ, Начальникъ плѣнныхъ Турокъ.

ДВА ОФИЦЕРА.

Воины, нѣсколько Греческаго народа, плѣнники Турецкїе.

Дѣйствїе есть въ Архипелагѣ недалеко отъ Чесмы при берегахъ острова Хїоса.

РОССЫ
ВЪ
АРХИПЕЛАГѢ.
ДРАМА.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ ставку Предводителя Россійскихъ войскъ, берегъ морскій и нѣсколько Россійскихъ кораблей, на берегу къ морю небольшой пригорокъ.

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ ОРЛОВЪ *[одинъ.]*

Багряная заря покрыла небеса,
И солнце восходя блистаетъ сквозь лѣса;
Минула тишина. Способный вѣтеръ вѣетъ,
И море въ далекѣ волнуяся синѣетъ;

Направимъ къ ходу флотъ. О знаменитый
день!
Возвысь Россiйскаго Величества степень;
Умножь съ числомъ побѣдъ Монархини той
славу,
Которой Богъ вручилъ Россiйскую державу:
Дабы въ лицѣ Ея увидѣть свѣтъ возмогъ
Благоволенiя о насъ его залогъ.
Пойдемъ противъ враговъ, намъ время днесь
полезно.
О долгъ! усердiе! отечество любезно!
О честь! мать вѣрности, владычица сер-
децъ!
О слава! жизни сей Геройскихъ душъ вѣ-
нецъ!
Вы, коихъ смертные священнымъ чтутъ
предмѣтомъ;
Вы Россамъ спутствуя прославьте ихъ предъ
свѣтомъ!
Пойдемъ, воздвигнемъ громъ и моремъ по-
трясемъ,
Прославимъ Россiянъ и Грековъ всѣхъ спа-
семъ.
Прошедши всѣ моря и страшныя пучины,
Явимъ достойными себя ЕКАТЕРИНЫ.

Сей

Сей близкій къ смерти часъ не устрашитъ
въ насъ душъ:
Россіяне на смерть, средь моря, среди сушъ,
Для отчества летятъ и бѣдства презира-
ютъ,
Но только лишь о томъ обѣты простира-
ютъ,
Дабы хоть жизнію своей могли воздать
За изліянную имъ нынѣ благодать.

ЯВЛЕНІЕ II.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ и КНЯЗЬ ДОЛГОРУКОВЪ.

КНЯЗЬ ДОЛГОРУКОВЪ.

По повелѣнію мнѣ данному тобою,
Я плѣнныхъ Государь привезъ сюда съ собою.
Начальникъ оныхъ здѣсь: что повелишь?

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Мой другъ,
Иною мыслью мой обремененъ днесь духъ.
Въ пятнадцать дней, какъ я прибывъ сюда,
всечасно
Искалъ къ побѣдамъ средствъ удобныхъ, но
напрасно.

Се открывается намъ къ славѣ новой путь,
Ты видишь вѣтры днесь способны стали дуть:
Суди о радости мнѣ ввѣреннаго войска,
Ты знаешь сколь душа въ Россіянахъ Геройска,
Ты знаешь вѣрность всю, къ Монархинѣ сихъ чадъ:
Труды, опасности, хладъ, бури, жаръ и гладъ
Они съ весельемъ всегда переносили;
И случаевъ всегда къ сраженію просили,
Гдѣбъ жизнью жертвуя всякъ изъявити могъ,
Колико чтутъ они къ отечеству свой долгъ.
Суди, что видя то начальникъ ощущаетъ,
Сколь радуетъ его та ревность и прельщаетъ:
А тщась отъ всей души отечеству служить,
Колико долженъ былъ скорбить я и тужить,
Имѣя воинство толь храброе съ собою,
Удержанъ будучи противною судьбою,

То

То время, чтобы я побѣды простиралъ,
Плѣнялъ вновь острова, противниковъ каралъ;
И утѣсняемыхъ пріемля въ защищенье,
Пощады даровалъ всѣмъ ищущимъ прощенье,
Чтобъ славу сѣверной Монархини познавъ,
Въ побѣдахъ Оныя познали кроткой нравъ;
Когда умножить тщась, Россійскихъ войскъ трофеи,
Взялъ съ частью кораблей я брата изъ Морей,
И флотъ соединивъ, я всѣмъ его снабдилъ:
То время, къ горестямъ, я праздно проводилъ.

КНЯЗЬ ДОЛГОРУКОВЪ.

Съ желаньемъ сходствуя твоимъ и подчиненны,
Равно конечно тѣмъ всѣ были оскорблены,
Но скорби оныя не свѣдомъ мнѣ предмѣтъ;
Могу ли Государь спросить тебя: сей вредъ,
Который корабли отъ бури претерпѣли,
Довольноль времени исправить вы имѣли?

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Не много времени потребно для того.
Причиною не то смущенья моего:
Вседневна тишина въ противной намъ судьбинѣ,
Была виной тому.

КНЯЗЬ ДОЛГОРУКОВЪ.

Она минулась нынѣ.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Отвергнутъ съ оною и всѣхъ препятствъ оплотъ.

КНЯЗЬ ДОЛГОРУКОВЪ.

Но гдѣ находится невѣрныхъ нынѣ флотъ?

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Прибывъ сюда я сталъ всѣмъ нужнымъ запасаться;
Флотъ непрїятельскїй вездѣ намъ сталъ казаться.
Я тотчасъ повелѣлъ, чтобъ путь пресѣчь врагамъ,
Идущимъ частїю къ Асїйскимъ берегамъ;
Дабы ихъ общему скоряй принудить бою:
Но только лишь они узрѣли предъ собою,
Спѣ-

Спѣшащи корабли отнять ихъ нужный путь,
Предускорити тщась не смѣя насъ тронуть,
Всѣ парусы спустивъ вдругъ къ Чесмѣ побѣжали.
Колико ревность тѣмъ они здѣсь умножали!
Матросовъ, воинства, единодушный гласъ
Съ восторгомъ чрезъ весь флотъ швердился со сто разъ:
Пойдемъ ихъ истребимъ, пусть ихъ пожретъ пучина;
Намъ Богъ поборникомъ, намъ щитъ ЕКАТЕРИНА;
Пойдемъ, повержемъ всѣхъ, всякъ ревностно вѣщалъ;
Казалось въ нихъ во всѣхъ единый духъ пылалъ!

КНЯЗЬ ДОЛГОРУКОВЪ.

Ихъ ревность лучшее побѣды основанье.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Съ весельемъ внемля то являлъ я имъ признанье,

Предвозвѣщаючи тьмы будущихъ побѣдъ.
Межъ тѣмъ я флота часть послалъ за ними въ слѣдъ,
Но въ крайней робости преслѣдуемы нами,
Спасенїе нашли при Чесмѣ подъ стѣнами.
Доколь гонящихъ я обратно ожидалъ,
Весь флотъ при Хїосѣ я къ брани учреждалъ.
Уже нашъ вѣющь флагъ, въ дали намъ сталъ казаться,
Какъ море начало отъ Норда колебаться.
Увидѣвъ воздухъ весь покрытой тамо мглой,
Съ смущеньемъ внутреннимъ я ждалъ судьбины злой.
Вдругъ скрылся солнца лучь и небо потемнѣло,
Ударилъ съ вихремъ громъ и море закипѣло.
День мрачной ночью былъ, лишь молнїй свѣтъ блисталъ,
Всесильны небеса! какъ духъ мой встрепеталъ!
Еще воспомянуть я не могу безъ стона,
Несомы корабли отъ бури Ельфистона:

Вихрь

Вихрь воздухомъ крутя, дождь съ пылію мѣшалъ,
И зрѣнія пловцовъ къ спасенію лишалъ.
Я худо изъясню, тѣ чувствія душевны,
Какія я имѣлъ въ сіи минуты гнѣвны.
Мнѣ мнилось, адъ свой зѣвъ съ подземной отворилъ
И моря бездну всю во пламень претворилъ.
Казалось, корабли всѣ рушатся на части;
Гдѣ вихрь порывистый рвалъ парусы и снасти,
Кипяще море тамъ, во ярости валовъ
Вздымало оныя до самыхъ облаковъ,
И сверьху вдругъ по томъ, спуская ихъ въ пучину
Предвозвѣщало всѣмъ погибель и кончину.
Ревущій вѣтеръ трескъ громовый умножалъ
И ярость бурныхъ волнъ стремилъ и раздражалъ.
Такъ въ страшный оный часъ всѣ смерти ожидали,
Но горше смерщи всѣ терзались и страдали.
Взирая со бреговъ, при истощеньи слезъ,
Народъ стенаніе возвысилъ до небесъ.

Чего

Чего не предпрималъ мой духъ тогда смущенный,
Чтобъ обнадежить мнѣ толь войска устрашенны!
А тщася ободрять отчаянны сердца,
Съ безмѣрной скорьбью ждалъ нещастью я конца.
Но щедро божество пещась о ихъ судбинѣ,
И славу поруча сихъ дней ЕКАТЕРИНѢ,
Какъ будто крѣпость силъ хотѣло искусить,
Чтобъ скорби нѣкогда умѣли мы сносить.
Чрезъ часъ по томъ опять въ югъ вѣтры обратились,
Прозраченъ воздухъ сталъ и волны укротились,
Открылись небеса разгнавши бездну тучь,
И солнце ясное простерло всюду лучь,
Настала тишина; но что о томъ вѣщаю:
Я равное въ себѣ мученье ощущаю
Съ тѣхъ самыхъ поръ, мой другъ, какъ только корабли
Для исправленія мы въ гавань привели:

Съ

СЪ тѣхъ поръ пространство водъ стояло неподвижно.

КНЯЗЬ ДОЛГОРУКОВЪ.

Смущенье, Государь, твое мнѣ непостижно,
Какая скорбь чрезъ то Геройскій духъ томитъ.

ГРАФЪ ОРЛОВЪ.

Что я здѣсь трашилъ дни, коль слава всѣхъ гремитъ.
Простри взоръ мысленно ты на Геройски слѣды,
Сочти *Румянцова* ты многія побѣды.
Сражая съ славою безчисленныхъ враговъ,
Весь край онъ покорилъ Дунайскихъ береговъ.
Какіе важные для насъ чрезъ то примѣры
Гласятъ, что *Паниннъ* тамъ плѣнилъ уже Бендеры,
И Россамъ покорилъ сей неприступный градъ.
Вообрази теперь, что чувствуетъ мой братъ
Межъ тѣмъ, какъ славою оружье Росско блещетъ:
Онъ мысля обо мнѣ томится и трепещетъ,
Внимая

Внимая съ радостью торжественный сей
слухъ;
Единымъ только тѣмъ смущается въ немъ
духъ,
Что я поднесь его совѣтовъ не свершаю:
Я чувствую какъ симъ его я сокрушаю.
Всѣ жертвы воздаютъ Монархинѣ своей
Услугъ и ревности среди блаженныхъ дней:
Тамъ *Панинъ*, *Чернышевъ* и *Разумовской*
тщатся,
Для пользы общества услугой украшаться.
Являетъ плодъ трудовъ высокій весь со-
вѣтъ.
Голицынъ славою украшенной побѣдъ,
Приноситъ съ оными услуги вновь согласно.
Единый только я о пользѣ тщусь напрасно:
Я только лишь побѣдъ желанныхъ не и-
мѣлъ.

КНЯЗЬ ДОЛГОРУКОВЪ.

Довольно славою въ Европѣ ты гремѣлъ;
Морейскія дѣла и высоты Спезиски
Твердятъ, коль славенъ мечь тобою сталъ
Россійскій;

Межъ

Межъ Сидры, Андроса и многихъ остро-
вовъ
Побѣдами уже извѣстенъ сталъ Орловъ;
Тенедъ и Наваринъ уже намъ платятъ да-
ни.
Побѣдоносныя Россiйскихъ воевъ длани
Плѣнили весь почти во кругъ Архипелагъ,
Вездѣ съ почтенiемъ Россiйской видятъ
флагъ,
Родоссомъ, Сцирою всей Россы обладаютъ,
Въ Лемносѣ, въ Смирнѣ насъ со страхомъ
ожидаютъ.
Какой еще твоихъ намѣренiй предметъ?
Иль мало для тебя сихъ кажется побѣдъ?

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Довольнобъ для другихъ, но Россамъ оныхъ
мало,
Оружье ихъ не разъ Эвропой колебало:
Тебѣ извѣстны всѣ ихъ прежнiя дѣла,
На верьхъ Величества ихъ слава возвела;
Съ прилѣжностью о насъ свѣтъ цѣлый раз-
суждаетъ:
ЕКАТЕРИНА днесь Россiей обладаетъ.

Ты

Ты вѣдаешь, мой другъ, сей мудрою рукой
Возстановляется блаженство и покой.
Но предпрїятїе, что мнѣ препорученно,
Есть важнѣе другихъ и славнѣй несравненно;
Весь свѣтъ на насъ теперь съ завистнымъ окомъ зритъ
И безъ сомнѣнїя желанїемъ горитъ,
Чтобъ степень уменшить Россїйскїя державы.
Такъ вся блистательность ея безмѣрной славы
Потерею одной затмитьсябъ здѣсь могла.
Мы въ нѣдрахъ самыхъ здѣсь межъ зависти и зла.
Вотъ весь источникъ, чѣмъ душа моя томится!
Мой другъ, я предъ тобой намѣренъ днесь открыться:
Доколь не возмогу я флотъ ихъ побѣдить,
Нѣтъ средства мнѣ дотоль спокойну въ мысляхъ быть.
Внимая должности и чести я уставы,
Ищу отечеству я безпредѣльной славы,
Спо-

Спокойствія не знавъ единаго часа,
Свидѣтели моимъ обѣтамъ небеса;
Для славы общества и для Императрицы,
Усердью моему нѣтъ мѣры ни границы.
Съ приобрѣтеніемъ намъ чести нуженъ вѣкъ,
А безъ того живетъ напрасно человѣкъ.
Кто пользы обществу заслугой не приноситъ,
Тотъ свѣтъ лишь тяготитъ и жизнь свою поноситъ.

КНЯЗЬ ДОЛГОРУКОВЪ.

Куда жъ намѣренье стремится днесь твое?

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Чрезъ часъ отъ Грейга мы узнаемъ все сіе.
Въ близи, гдѣ флагъ враговъ при гавани взвѣваетъ,
Движенія онъ ихъ и дѣйства открываетъ;
Давно готовится ихъ флотъ къ сраженью весь.
Сей день рѣшитъ сіе - - - представь Османа здѣсь.

ЯВЛЕНІЕ III.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ, КНЯЗЬ ДОЛГОРУКОВЪ, ОСМАНЪ И СТРАЖИ.

ОСМАНЪ.

Начальникъ войскъ на казнь сужденныхъ небесами,
(Мы злополучны днесь, вы можете быть сами)
Отъемли жизнь мою, свершай со мною казнь;
Я смерть принять готовъ.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Оставь свою боязнь,
И въ побѣдителяхъ чти больше добродѣтель.

ОСМАНЪ.

Ты бѣдствъ моихъ виной, будь смерти ты содѣтель.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Карающій враговъ побѣдоносный мечь,
Какую найдетъ честь жизнь плѣнника пресѣчь?

Иную

Иную я тебѣ судьбину возвѣщаю:
Я жизнь тебѣ даю и цѣпи разрѣшаю.

ОСМАНЪ.

Напрасно мыслишь тѣмъ мнѣ милость изъявить,
Чѣмъ горести мои лишь можешь растравить.
Не ищушъ подло тѣ прощенья и свободы,
Которы побѣждать умѣли всѣ народы.
Я вольность обрѣсти инымъ могу ли чѣмъ,
Какъ только храбростью, отмщеньемъ и мечемъ.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Османъ! ты худо чтишь великодушья правы;
Тебѣ несвѣдомы Россїйскїя знать нравы.
Не варварство пришли мы въ Грекахъ простирать,
Но правду защитить, тиранство злыхъ карать.
Неправедно война была начата вами:
Посредствовалъ въ ней Богъ: вы побѣжденны нами.

Но Росскїй мечь вездѣ какъ славой ни блисталъ,
Тамъ кровь лишь проливалъ, гдѣ нужду обрѣталъ.
Монархиня, что днесь Россїей обладаетъ,
Щадитъ нещастливыхъ, но гордость побѣждаетъ,
И тщится подражать въ щедротахъ небесамъ;
Щедроты оныя ты видишь нынѣ самъ.
Вы гордости одной послѣдуя уставу,
Питаете во сердцахъ свирѣпства лишь отраву.
Владѣющїй Султанъ вамъ въ томъ примѣръ даетъ,
Какую разность днесь межъ нами видитъ свѣтъ.
Наруша правы всѣ законовъ и гражданства,
Для насыщенїя единаго тиранства
Посланничей имъ санъ толь нагло огорченъ:
Обрѣсковъ варварски въ темницу заключенъ.
Невинность страждетъ тамъ среди престольна града,
Вы плѣнники отъ насъ прїемлетесь какъ чада,
Какъ

Какъ братья, какъ друзья ведете жизнь свою,
И въ часъ какъ видючи свирѣпость я твою,
За гордость наказать причины всѣ имѣю;
Я только о тебѣ нещастной сожалѣю.

ОСМАНЪ.

Имѣнїя меня и дочери лиша,
Свободой, мнишь, моя спокоится душа?

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Герои ищучи единой только славы,
Презрительными чтущѣ и гнусными тѣхъ нравы,
Кто ищетъ, честь забывъ, себя обогащать;
Не тѣмъ въ войнѣ себя мы тщимся украшать:
Бери имѣнїе и Россовъ славь щедроты,
Возми ты дочь свою и знай чрезъ всѣ доброты,
Что Россы ищучи оружїемъ вѣнца,
Умѣютъ побѣждать щедротами сердца.

ОСМАНЪ.

[Улада къ ногамъ Г.]

Я вижу, Государь, что Богъ тобою правитъ:
Онъ Россовъ защищалъ, конечно онъ ихъ славитъ.

Кшожъ можетъ похвалу вамъ должну означашь,
Коль хощетъ славою Творецъ васъ увѣнчашь!
Во изумленіи безмолвенъ я являюсь,
Но только чту тебя и Россамъ удивляюсь.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЪ и ОФИЦЕРЪ.

ОФИЦЕРЪ.

Изъ Гидры острова прибывъ сюда сей часъ,
Начальникъ онаго желаетъ видѣть васъ.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Пускай придетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ, КНЯЗЬ ДОЛГОРУКОВЪ, ОСМАНЪ, СОФРОНИМЪ и ВОИНЫ.

СОФРОНИМЪ.

О вождь! непобѣдима войска,
Защитникъ Христіянъ, честь времени Геройска,
Вели-

Величества примѣръ, спаситель нашихъ странъ!
Изъ Гидры присланъ я всѣхъ именемъ Гражданъ,
Явить у ногъ твоихъ народное признанье,
Тобой избавлены мы бѣдства во стенаньѣ,
Отъ варварства враговъ, отъ рабства спасены,
Твоею помощью мы всѣ прокормлены.
Близка погибель намъ была и неизбѣжна;
Но щедрая рука къ спасенїю прилѣжна,
Спасла во крайности отъ смерти цѣлый градъ,
Безъ помощи твоей страшилъ насъ смертью гладъ.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Защита бѣдственнымъ во злополучно время,
Есть должность общая и общее всѣмъ бремя.
Отъ сѣвера пришли мы къ защищенью васъ,
Внимая жалостный въ смятеньи вашемъ гласъ.
Монархини Моей божественное свойство,
Могло ль предвидючи межъ Грековъ неустройство,

Межъ Грековъ, съ коими насъ съединилъ законъ,
Могломъ съ терпѣнїемъ внимать ихъ горькїй стонъ!
Верьховной власти сей я исполняя волю,
Стараюсь премѣнить нещастныхъ Грековъ долю.
Соединяйте вы стараніе со мной:
Доколѣ будетъ несть вамъ тягость мести злой,
Доколѣ въ рабствѣ вамъ страдая несть оковы?
Возпламеняйте духъ; мы васъ спасать готовы.

СОФРОНИМЪ.

Мы въ рабствѣ, Государь, тѣхъ, кои васъ дрожатъ;
Вамъ Греки жизнїю уже принадлежатъ.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЪ и ОФИЦЕРЪ.

ОФИЦЕРЪ.

Флотъ непрїятельскїй изъ Чесмы вышелъ въ
море,
И вѣющь флагъ съ луной вы узрите здѣсь
вскорѣ.
Я присланъ, Государь, отъ Грейга объя-
вить.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Пойдемъ, потщимся громъ враговъ предуско-
рить,
И мужествомъ своимъ всю удивимъ пучину.
Всесильный Господи прославь ЕКАТЕРИНУ!

Конецъ перваго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ, СПИРИДОВЪ, ГРАФЪ Ѳ. ОРЛОВЪ ГРЕЙГЪ, КНЯЗЬ ДОЛГОРУКОВЪ, ЕЛЬФИСТОНЪ и ВОИНЫ.

Всѣ сидящіе.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Преславны воины, что множествомъ побѣдъ
Во изумленіе приводите весь свѣтъ,
Вожди, начальники побѣдоносныхъ воевъ,
О Россы! всѣхъ примѣръ и честь земныхъ Героевъ,
Насталъ желанный день намъ нынѣ на конецъ,
Побѣдъ и славы вамъ готовится вѣнецъ.
Чрезъ часъ вы узрите невѣрныхъ предъ собою,
Приготовляйтеся ко знаменитту бою.

ЕЛЬ-

ЕЛЬФИСТОНЪ.

Сражаться намъ велишь, ужаснѣйшій предмѣтъ!
Почшо отважно толь итши на бездну бѣдъ?
Среди земель чужихъ, въ странахъ толь отдаленныхъ,
Какихъ побѣдъ искать мы можемъ совершенныхъ?
Довольно славы намъ, что посреди сихъ водъ
Безвредно сохранить страны полночной флотъ;
Но въ общій бой вступить опасно и не должно:
Потеря намъ явна, а побѣдить не можно.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Опасность слабыхъ духъ легко страшитъ всегда;
Но Россы оныя не знаютъ никогда.
Когдабъ побѣдой мы и славой не ласкались,
Въ толь отдаленныя мѣстабъ мы не пускались.
Я зная ревности въ сердцахъ Геройскихъ жаръ,
Предвижу бѣдственный прошивникамъ ударъ.

Раз-

Различно мнѣнїе межъ нами учреждаетъ,
Ихъ варварство стремитъ, насъ ревность возбуждаетъ.
Корыстью, мщенїемъ и злобой ослѣпясь,
Враги ведутъ войну: и только возгордясь
Единой силою, всѣхъ оной устрашаютъ;
Насъ истинна и честь ко брани восхищаютъ.
Сїя намъ спутница, а слава намъ предмѣтъ;
Тамъ лестно кровь пролить, гдѣ долгъ и честь зоветъ.

ЕЛЬФИСТОНЪ.

Прїятна слава всѣмъ, но щастїе превратно;
Флотъ непрїятельскїй преходитъ нашъ трикратно.
Здѣсь все враждуетъ намъ, но средствъ нѣтъ никакихъ,
Вообразите вы число враговъ своихъ.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Римляне на число противныхъ не взирали,
Но Россы меньше ли ихъ храбрость простирали.

Когда

Когда противныхъ флотъ ты къ самой Чесмѣ гналъ,
Всякъ превосходство силъ предъ нами оныхъ зналъ,
Страшилсяль кто враговъ число ихъ видя явно?
Сей опытъ мужества ты Россовъ зрѣлъ недавно.
На что о множествѣ числа намъ разсуждать,
Число мы мужествомъ привыкли побѣждать.
Пойдемъ, о други, вновь побѣдъ искать судьбины,
Помремъ для отчества и для ЕКАТЕРИНЫ.

ГРАФЪ Ѳ. ОРЛОВЪ.

Чемъ нынѣ ни рѣшатъ сраженье небеса,
Что можетъ лестнѣе сего намъ быть часа,
Коль лавромъ ищемъ мы иль кровію вѣнчаться.
Я смѣю, Государь, за воинство ручаться,
Что въ немъ къ Монархинѣ безмѣрная любовь;
Для общества оно пролить готово кровь.

ГРАФЪ

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Иль въ свѣтѣ суетно мы Россами зовемся;
Симъ именемъ теперь и честью заклянемся,
Предъ взоромъ самаго Правителя небесъ,
Который славой насъ толь много превознесъ,
Чтобъ мужествомъ сей день всѣ превзойти предѣлы,
Какія видя въ насъ свѣтъ удивлялся цѣлый,
Се предъявляю вамъ къ залогу клятвы мечь.
[Вынимаетъ мечъ.]
О Россы! тщась свое названіе сберечь,
Сражайтесь, бодрствуйте, колико Россамъ должно;
Сей долгъ плететъ намъ лавръ побѣды непреложно.

ГРАФЪ Ѳ. ОРЛОВЪ.

Пріятно клясться въ томъ, согласно сердце съ чемъ.
Я первый честію клянусь и симъ мечемъ,
Что естьли славой насъ сей день не увѣнчаетъ,
Такъ смерть единая сраженье окончаетъ.

СПИ-

СПИРИДОВЪ.

Для славы общества пріятно смерть вкусить.
Колико можетъ трудъ рука моя сносить,
На всѣ опасности готовъ итти я съ вами,
И жизнью въ томъ своей клянусь предъ небесами.

КНЯЗЬ ДОЛГОРУКОВЪ.

Клянусь и я, что кровь готовъ мою пролить.

ЕЛЬФИСТОНЪ.

Мнѣ лестно, Государь, участникомъ въ томъ быть,
Я зрю, что Россовъ честь и ревность восхищаетъ.
Сей даръ лишъ славою Героевъ украшаетъ;
Отважность съ ревностью гдѣ можно толь имѣть,
Всѣ трудности тогда легко преодолѣть.

ГРЕЙГЪ.

На смерть, на бездну золъ мы пойдемъ всѣ съ тобою.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Симъ слава возгремитъ надъ Росскою страною,
Пре-

Престолу истинны мы жертвы принесемъ,
Повержемъ злость враговъ Геройствомъ и мечемъ;
Да тяжесть всю сей день возчувствуютъ тираны,
И послѣ обнажимъ предъ Россами тѣ раны,
Изъ коихъ токами для нихъ прольется кровь.
Сей жертвы требуетъ къ отечеству любовь.
Кто не омоетъ ихъ усердными слезами!
Вообразите вы съ какими насъ глазами,
Съ какою радостью граждане примутъ всѣхъ,
Гдѣ измѣряя трудъ и каждый нашъ успѣхъ,
Оплакивая насъ приемлютъ всѣ съ признаньемъ,
И брани дня сего рѣшенья ждутъ съ стенаньемъ;
О сынѣ тамъ отецъ, о братѣ мысля братъ,
Вѣщаетъ, онъ меня блаженнѣе сто кратъ:
Онъ платитъ обществу дань жизнію и кровью.
Въ васъ полны всѣ сердца къ Монархинѣ любовью;

Вы

Вы мудростью Ея въ блаженствѣ стали
жить.
Потщимся нынѣ Ей за милость заслужить.
[Дается знакъ выстрѣломъ.]
Се знакъ къ сраженію. Ступайте, тщитесь
други
Прославить Росскій мечь. Постой мой братъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ и ГРАФЪ Ѳ. ОРЛОВЪ.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Услуги
Что мы отечеству стараемся принесть,
Есть должность общая, къ чему приводитъ
честь.
Се часъ, гдѣ мужествомъ единымъ обрѣта-
ютъ
Ту славу, коею Герои толь блистаютъ.
Возлюбленный мой братъ тщись, бодрствуй,
побѣждай,
Славь Россовъ, долгъ храни, и смерть пре-
небрегай.

ГРАФЪ Θ. ОРЛОВЪ.

ВЪ случаяхъ оныхъ смерть не можетъ быть ужасна,
Душа и мысль моя отъ оной безопасна.
Мала едина честь, чтобъ войскомъ предводитть,
Коль не потщится вождь самъ славу находитть;
Не суетная честь, но ревность правитъ мною;
Честь крови обрѣтать потщуся я цѣною.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Сія единая меня надежда льститъ,
И лучь ея среди всѣхъ мрачныхъ думъ блеститъ.
Всесильны небеса! единымъ вамъ извѣстно,
Какъ славу Россовъ я тщусь обрѣтать всемѣстно;
Жалѣюль я себя имъ въ жертву принести.
Ступай дражайшій братъ, насталъ ужъ часъ, прости.

ГРАФЪ Θ. ОРЛОВЪ.

Прости и познавай какъ сердцу днесь несносно.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Лети на брань, умри, но не умри поносно;
Коль

Коль къ пользѣ общества потребна наша кровь,
Прольемъ ее, да зрятъ въ насъ къ обществу любовь.
Ступай и вспоминай сїе послѣдне слово.

ГРАФЪ Ѳ. ОРЛОВЪ.

Для жертвы сердце сей открыто и готово.
Безъ робости на смерть летитъ душа моя,
Ты узришь Государь, какъ долгъ исполню я.

ЯВЛЕНІЕ III.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ и БУКОВАЛЪ.

БУКОВАЛЪ.

Герой полночныхъ странъ, въ комъ Греки представляютъ
Иракловы дѣла и Россовъ прославляютъ,
Дай помощь намъ твоей Геройскїя руки,
И въ самой страшной часъ изъ бѣдъ насъ извлеки.
Во ополченїе двухъ флотовъ, намъ ужасно;
Мы гибели себѣ и смерти ждемъ всечасно.

Внемли, о Государь, сей общій Грековъ
гласъ,
Избавь насъ варварства.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Въ толь вожделѣнный часъ,
Въ который вамъ отмщать тиранствубъ
надлежало,
Когда паденьемъ всѣбъ невѣрнымъ угрожало,
Васъ устрашаетъ ихъ мучительская власть,
Или не трогаетъ васъ собственна напасть;
Напасть, въ которой вы стенаете всечасно.
Воспомяните вы позорище ужасно,
Представьте праотцевъ своихъ въ тѣ злые
дни,
Когда погибели подвергнулись они,
Какъ простираючи тиранны ядъ всей зло-
сти,
Разсыпавъ по полямъ героевъ славныхъ ко-
сти,
Плѣнили наконецъ первопрестольный градъ,
И съ поруганіемъ влекли всѣхъ женъ и
чадъ.
Вообразите днесь тотъ ужасъ ихъ и слезы,
Смущеніе гражданъ, тѣ тяжкія желѣзы,

Въ

Въ которыхъ Греческій окованъ сталъ народъ;
Младенцовъ вопль и плачь, отчаянье сиротъ,
Гдѣ смерть сражала всѣхъ и воздухъ полный смрадомъ,
Геенной море вдругъ и градъ представилъ адомъ:
Но тольколь бѣдствія сей случай былъ одинъ,
Воспомяните вы паденіе Аѳинъ.
Насиліе враговъ, свирѣпство и тиранство,
Все претерпѣло тамъ нещастно Христіанство.
Гдѣ зданіе Царей вздымалось къ облакамъ,
Единый пепелъ и прахъ съ развалинами тамъ.
Такъ власть мучителей вездѣ разпространенна,
И кровію земля геройской напоенна.
Тамъ злоба царствуетъ, гдѣ тлѣетъ Грековъ прахъ.
О боже! сносноль то имѣть всегда въ глазахъ,

Чтобъ бѣдство представлять героевъ толь нещастныхъ,
И дѣйство вспоминать мучителей ужасныхъ,
Снося съ терпѣнїемъ оковы тѣ и стонъ,
И варварству не мстить за вольность и законъ.

БУКОВАЛЪ.

Нещастье насъ врагамъ въ неволю обязало,
Какъ сердце мужествомъ на мщенье ни дерзало;
Но гдѣ мы помощи могли въ бѣдахъ сыскать?
Льзяль страшнаго врага безсильнымъ покарать?

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Безсильнымъ, слабое сїе вамъ извиненье
Удобно утвердить о васъ превратно мнѣнье,
Являетъ все теперь чрезъ множество премѣнъ,
Что Греческїй народъ геройскихъ чувствъ лишенъ.
Давно ли клявшися закономъ, небесами,
Хотѣли вы пролить всю кровь за вольность съ нами;

Но клятвамъ измѣнивъ предательми явясь,
Ушли средь бою вы, невѣрныхъ убоясь.
Морейскихъ дѣлъ примѣръ еще ли васъ прельщаетъ?
Не зря опасности, васъ бѣдство устрашаетъ,
И души слабыя терзаетъ и крушитъ.

БУКОВАЛЪ.

Не смерть, о Государь, тиранство насъ страшитъ.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Когда ужасно вамъ гнетущее васъ бремя,
Возобновляйте днесь героевъ древнихъ племя.

БУКОВАЛЪ.

Надежду днесь свою имѣя на тебя,
Всему, что повелишь, подвергнемъ мы себя;
Ты вожделѣнные возставишь паки вѣки;
Мы тѣ же, Государь, что были прежде Греки,
Готовы мы на все и только повели.
Нѣтъ ужаса для насъ съ тобою на земли.

Твои доброты насъ и Росскихъ войскъ геройство
Одушевляютъ всѣхъ, дая намъ прежне свойство.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЪ и ОФИЦЕРЪ.

ОФИЦЕРЪ.

Съ мечемъ и пламенемъ поверьхъ шумящихъ водъ,
Летитъ съ стремленїемъ на насъ невѣрныхъ флотъ.
Спустивши парусы къ нимъ наши полетѣли,
И страшны громы вдругъ отвсюду заревѣли.
Свирѣпый брани огнь едва лишь воспылалъ,
Твой братъ мнѣ объявить тебѣ о томъ послалъ.

ГРАФЪ.

Иду на помощь къ нимъ. Но что мой духъ тревожитъ?
Я внемлю грома звукъ и скорбь во мнѣ то множитъ.

О

О страшно чувствіе! или въ сей грозный
час
И самой истинны безплоденъ будетъ гласъ?
Ты зришь, о Боже! самъ, что правитъ въ
насъ сердцами.
Священная война намъ обща съ небесами,
Спасая истинну, Россіянъ ты спасешь,
Даждь славы имъ вѣнецъ и злобу изженешь.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ и одинъ изъ ОФИЦЕРОВЪ.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Се злѣйши чувствія уже владѣютъ мною,
Или злощастію я Россовъ сталъ виною?
На мя единаго пролей, о Боже! гнѣвъ.
Настaлъ ужасный часъ, простерся грома ревъ.

[Всходитъ на пригорокъ.]

Евстафій изо всѣхъ къ врагамъ летитъ на встрѣчу;
Сцепились корабли, я вижу страшну сѣчу.
Мужайся и рази возлюбленный мой братъ;
Но что я зрю? увы! они уже горятъ.

[Къ Офицеру.]

Бѣги, чтобъ въ помощь къ нимъ спѣшили всѣ суда,
Спасайте воинство отъ смерти и вреда;
Пускай сокровище пучина поглощаетъ,
Потеря онаго меня не возмущаетъ,

Из-

Избавьте лишь людей, и естьли средство
есть.
Спасите брата мнѣ.
[Офицеръ выходитъ.]
Возможноль перенесть
Толь лютую напасть и толь мученье
злое?
О долгъ Геройскихъ душъ! отечество дра-
гое!
Возлюбленный мой братъ! всесильны не-
беса!
Какого страшнаго достигнулъ я часа!
Покрылась пламенемъ свирѣпая пучина,
Пришла твоя, пришла, любезной братъ, кон-
чина.
Постой лютѣйша смерть! несносный сердцу
блескъ,
Все разрушается. . . . . Ахъ! сей ужасный
трескъ.
[Въ сіе время производится шумъ
и трескъ за Кулисами.]
Погибель корабля смерть брата мнѣ вѣ-
щаетъ,
Кого злосердый рокъ, кого меня лишаетъ?

Нѣтъ

Нѣтъ мѣръ тоски моей, отчаянье духъ
рветъ.
Къ чему ужасна скорбь мой слабый духъ
ведетъ?
Все гибнетъ для меня! иль твердь уже тря-
сется?
Ахъ! естьли вѣсть сія въ Россію прине-
сется.
Изчезни страшна мысль! а ты, любезный
братъ
Что вѣсти ждешь побѣдъ. Какой смертель-
ной ядъ,
Какую страшну вѣсть ты отъ меня вос-
примешь,
Почто ты отъ меня рокъ жизни не отни-
мешь?
Я брату смертну дверь погибшему отверзъ;
Я сталъ причиною оставшихъ братей слезъ.
Гдѣ мужество мое? гдѣ мнимое геройство?
Ты торжествуешь мной любви природной
свойство.
О кровь, о долгъ родства, я васъ днесь
познаю;
Мой братъ, тебя лишась, я впервый слезы
лью.

Поз-

Позналь всѣ слабости, какихъ до днесь стыдился:
Но льзя ли духъ скрѣпить? Чево я днесь лишился!
Побѣду, славу всю, и брата потерялъ,
Все, все, жестокій рокъ, ты у меня отнялъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ, КНЯЗЬ ДОЛГОРУКОВЪ съ ВОИНАМИ.

К. ДОЛГОРУКОВЪ.

Спаслося воинство, ты славою сіяешь,
Но бѣдствененъ намъ рокъ.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Ахъ! что ты возвѣщаешь?

К. ДОЛГОРУКОВЪ.

Скрѣпись, о Государь.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Увы! погибъ мой братъ.

К. ДОЛГОРУКОВЪ.

Его ужъ больше нѣтъ.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Отверзся стрaшный адъ
КЪ

КЪ мученью моему . . . О горестна утрата!
Отмстимъ, повержемъ смерть . . . отмстимъ и взыщемъ брата,
Героя, коего подпорой я имѣлъ.
Зри скорбь мою злой рокъ, ты бѣдъ моихъ хотѣлъ!
Збылось предчувствіе, нетщетно духъ крушился,
Любезный братъ тебя на вѣки я лишился.

К. ДОЛГОРУКОВЪ.

Въ отраду горестей и къ утоленью слезъ,
Представь, что славу онъ Россіянъ превознесъ,
И мужествомъ своимъ побѣду увѣнчая,
Безсмертенъ нынѣ сталъ, геройски вѣкъ скончая.
О естьлибъ, Государь, ты зрѣлъ его дѣла,
Душа въ немъ мужествомъ съ твоей равна была:
Едва представился намъ флотъ невѣрныхъ строемъ,
Твой братъ ихъ ожидалъ съ веселъемъ и съ покоемъ:

Но

Но только начали сраженье корабли,
И стрѣлы смерть еще бросала издали,
Корабль гдѣ брашъ твой былъ ошъ прочихъ
отдѣлился,
Блеснулъ какъ молнія и на враговъ пу-
стился;
Достигъ, воздвигнулъ громъ и флотомъ всемъ
потрясъ.
Се образъ лютыхъ бѣдъ.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

О смертоносный часъ!

К. ДОЛГОРУКОВЪ.

Какъ тучи грозныя два корабля сбѣжались,
Гдѣ всѣ стихіи вдругъ на нихъ вооружа-
лись;
Сразились громы ихъ, сверкаетъ острый
мечь,
И смертію одной сраженье мнитъ пресѣчь.
Тамъ мертвые лежатъ, тамъ умирая сто-
нутъ;
Одни межъ волнъ плывутъ, другіе въ оныхъ
тонутъ.

Межъ

Межъ вопля въ яросши, гдѣ страшный былъ мятежъ,
Сей только слышенъ гласъ, коли, руби и рѣжъ;
Среди сихъ люшыхъ бѣдъ, въ сраженіи толь яромъ,
Къ примѣру всѣхъ швой братъ геройскимъ полонъ жаромъ,
Въ поту, въ смущеніи и въ горестной тоскѣ,
Весь кровью окропленъ, имѣя мечь въ рукѣ,
Разилъ толпы враговъ и давъ другимъ примѣры,
Самъ мужествомъ прешелъ возможныя всѣ мѣры;
При дверяхъ самыхъ золъ онъ ужаса не зрѣлъ:
Но бѣдственный тогда приближился предѣлъ,
Гдѣ вящшей ревностью Россіяне кипѣли,
Вдругъ мачты пламенемъ объяты заскрыпѣли.

Узря

Узря погибель ту, Герой намъ возгласилъ:
Спасайтесь Россы днесь!

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

О рокъ враждебныхъ силъ!

К. ДОЛГОРУКОВЪ.

Какъ Этна страшная огнь въ ярости бросаетъ,
Колеблетъ твердію, и воздухъ потрясаетъ,
Гдѣ бездной пламенной вся кажется земля;
Такъ загорѣвшися вдругъ оба корабля,
Изъ чрева дымъ и пеплъ и пламень испустили,
Со трескомъ рушились и бездну возмутили;
Въ тотъ самый часъ, когда казался мукой свѣтъ,
Возопіяли всѣ: Орлова больше нѣтъ.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

О бѣдственна судьба, о горестно мученье!
Нѣтъ силъ преодолѣть сіе мнѣ огорченье.
Ликуй злосердый рокъ, мнѣ бѣдство соверша;
Подвержена моя всѣмъ слабостямъ душа.

К. ДОЛГОРУКОВЪ.

Съ паденьемъ наконецъ и со ужаснымъ трескомъ,
Межъ пепла видѣлъ я несомы трупы съ блескомъ,
Летящіе по томъ съ ужасной вышины,
Или разорваны иль жизни лишены.
Сей злѣйшей участи Козловской Князь былъ жертвой,
Поднятъ на воздухъ палъ обезображенъ мертвой.
О страшно зрѣлище - - - очамъ смѣшенный видъ!
Тутъ бездна жретъ людей, тамъ брань еще кипитъ,
Колеблются враги, предшествуетъ намъ слава;
Воставши паки громъ съ Надежды съ Расти-слава,
Сразилъ, разсыпалъ флотъ и обратилъ всѣхъ въ бѣгъ.
Тутъ съ Греческихъ судовъ Спиридовъ сшелъ на брегъ,
Печаленъ, оскорбленъ. Сей мужъ велика свойства,
Являя на челѣ видъ скорби и геройства,
Узрѣвъ

Узрѣвъ меня вѣщалъ: Гдѣ вождь нашъ и Герой,
Для щастья Россіянъ спасенъ ли онъ судьбой?
Бѣги вѣщай, что мы отъ гибели спаслися.
И слезы изъ очей его вдругъ пролилися,
Вѣщай, онъ повторилъ, что слава Росскихъ чадъ
Сіяетъ; но погибъ его достойный братъ.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Возлюбленный мой братъ! ты жизнь и свѣтъ оставилъ,
Оставилъ ты меня, но вѣкъ свой ты прославилъ;
А я тебя лишась страдаю и крушусь.
Нѣтъ, нѣтъ, дражайшій братъ, я слабостей лишусь;
Я вижу тѣнь твою - - - - твой духъ мнѣ такъ вѣщаетъ:
Отмсти ты за меня, онъ духъ мой восхищаетъ.
О тѣнь дражайшая возлюбленныхъ очей!
Иду - - - нѣтъ силъ - - - увы! - - - нѣтъ крѣпости моей.

О горесть торжествуй смутивъ во мнѣ природу,
Бѣги скоряй на флотъ - - -
[къ офицеру.]
Вѣщай всему народу,
Что польза общая, долгъ каждаго и честь
Велятъ всей силою свершить тираннамъ месть.
Потерю Россовъ зря, снося печаль сердечну,
Погибель я врагамъ предположилъ конечну.
Вѣщай, чтобъ Грейгъ пошелъ до самыхъ къ Чесмѣ стѣнъ,
Чтобъ пламенемъ весь флотъ враговъ былъ истребленъ.
[Офицеръ выходитъ.]

ЯВЛЕНІЕ III.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ и КНЯЗЬ ДОЛГОРУКОВЪ.

КНЯЗЬ ДОЛГОРУКОВЪ.

Намѣренье сіе не вѣрно и отважно.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Оно рѣшительно и къ славѣ Россовъ важно.

Ме-

Мечемъ внутри ихъ стѣнъ я казнь имъ навлеку;
Кто чувствуетъ какъ я несносную тоску,
На всѣ опасности отважно тотъ дерзаетъ.
Безмѣрно въ горести мой нынѣ духъ страдаетъ.
О Россы! горесть вамъ равна теперь со мной:
Я брата потерялъ, для васъ погибъ Герой,
Онъ возбуждаетъ въ насъ гнѣвъ, ярость и геройство.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЪ и СПИРИДОВЪ.

СПИРИДОВЪ.

Смягчи, о Государь, своихъ мученій свойство.
Хотъ рокъ злосердънъ намъ; онъ славой насъ вознесъ.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Ты въ скорби Государь отраду мнѣ принесъ.

Размученъ горестью, наказанный судьбою,
Отчаянье одно имѣлъ я предъ собою.
О другъ мой, знаешь ты, ково лишился я!
Но вѣстно небесамъ въ сей скорби мысль моя;
Единаголь душа моя отмщенья жаждетъ.
Мы славимся, мой другъ, но побѣдитель страждетъ,
Помощникъ мой и братъ геройску жизнь скончалъ.

СПИРИДОВЪ.

Какъ Россъ и какъ герой себя онъ увѣнчалъ,
Онъ паче славою оставшихъ всѣхъ сіяетъ,
Душа его себѣ всю славу присвояетъ,
Признаньемъ общимъ днесь усерднѣйшихъ сердецъ
Безсмертный онъ обрѣлъ дѣламъ своимъ вѣнецъ.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Сіе печаль во мнѣ жесточе умножаетъ,
И ранъ моихъ болѣзнь сердечныхъ раздражаетъ.

Чѣмъ

Чѣмъ паче обществу служилъ достойно онъ,
Тѣмъ горше скорбь моя и ахъ несноснѣй стонъ!
Услуги множество его вы вобразите,
И гнѣву моему, о други, помогите.
Представте днесь себѣ вы всѣ его дѣла,
Что вѣрная душа его явить могла.
Представте смерть его и смерть врагамъ отмщайте,
И повелителя отрады не лишайте.
Пойдемъ, о други, насъ священный долгъ зоветъ;
Отмстимъ врагамъ за кровь, которa вопіетъ
Иль въ Россахъ ревности въ семъ случаѣ не станетъ.
Стремитесь вы со мной и громъ злодѣямъ грянетъ.
А вы, о небеса! злодѣйство изженя,
Соедините днесь съ героемъ симъ меня;
Мнѣ польза всѣхъ нужна, но жизнь я ненавижу.
Пойдемъ. Что медлимъ мы.

[Въ самое сïе время, когда онъ съ стремленïемъ бѣжитъ на берегъ, встрѣчается съ братомъ.]

О Боже! что я вижу!

ЯВЛЕНІЕ V.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ, СПИРИДОВЪ, ГРАФЪ ѲЕДОРЪ ОРЛОВЪ, КНЯЗЬ ДОЛГОРУКОВЪ.

ГРАФЪ Ѳ. ОРЛОВЪ.

Любезной братъ!

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Мой братъ въ объятïяхъ моихъ,
Не привидѣньель зрю!

ГРАФЪ Ѳ. ОРЛОВЪ.

Для горестшей твоихъ
Рокъ зжалился со мной.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Ты жизнь мою умножилъ.
Колико шы мой духъ дражайшïй братъ тревожилъ!

Все-

Всещедры небеса! еще томится духъ - - -
Еще мой ужасомъ и воплемъ полонъ слухъ - -
О день! день радости, котору я вкушаю;
Но радости своей я въ сердце не вмѣщаю.
Какой щастливой рокъ столь наградилъ меня!

ГРАФЪ Θ. ОРЛОВЪ.

Я живъ, дражайшій брашъ, для Россовъ и тебя.

СПИРИДОВЪ.

Для умноженія торжественныя славы,
Для общей радости той славныя державы,
Котора важностью одержанныхъ побѣдъ,
Смутила весь востокъ и удивитъ весь свѣтъ.

ГРАФЪ Θ. ОРЛОВЪ.

Судьба грозящая мнѣ гибелью смягчилась,
Ужъ челюсть смерти злой пожрать меня открылась,

И ядъ простерла свой и косу вознесла;
Но ревность храбрыхъ войскъ меня отъ ней спасла.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЪ и ГРЕЙГЪ.

ГРЕЙГЪ *[приходя съ послѣшностію.]*

Весь флотъ враговъ горитъ и Чесма вся зажженна.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Пріятнѣйшая вѣсть, о радость несравненна!
Благополучный день, всещедро Божество!
Въ сугубой радости, сугубо торжество!

ГРЕЙГЪ.

Исполненъ твой приказъ. О щастлива премѣна!
По вѣтрамъ распустивъ торжественны знамена,
Побѣдоносцы всѣ текутъ за мною въ слѣдъ.
Ликуй преславный вождь виновникъ сихъ побѣдъ;

Твоя

Твоя рука сію намъ славу причинила,
Твоя рука герой насъ лаврами покрыла,
Ты славенъ въ свѣтѣ днесь, ужасенъ сталъ врагамъ,
Любезенъ отчеству, угоденъ небесамъ.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

О вѣрные друзья! въ сей щастливой судьбинѣ
Толь много ревности явивъ ЕКАТЕРИНѢ,
Кто не участвуетъ со мною въ славѣ сей?
Кто крови не пролилъ для общества своей?
Труды въ побѣдѣ сей Россіянъ несравненны;
Не силой, мужествомъ враги днесь побѣжденны.

ГРЕЙГЪ.

Усердьемъ Россы днесь всѣ мѣры превзошли.
Какъ только получа приказъ твой мы пошли,

Стре-

Стремились воины, чтобъ Росскій мечь прославить
И вѣчные слѣды здѣсь храбрыхъ дѣйствъ оставить.
Ужъ солнце опустясь являло блѣдный зракъ,
И ночь скрывая свѣтъ свой простирала мракъ,
Багряный видъ луны на горизонтѣ вскрылся;
Корабль Святителей тутъ первый въ путь пустился.
Надеждой будучи исполненны въ сердцахъ,
Казалось всѣ шекли украшенны въ вѣнцахъ,
Петронъ и Растиславъ за ними полетѣли.
Достигли гавани и стрѣлы засвистѣли;
Незапно видючи несому съ громомъ казнь,
Смутилися враги, почувствуя боязнь;
Но Россы ихъ разя Геройскою рукою,
Узрѣли груды тѣлъ плывущихъ предъ собою.

ВЪ семъ явномъ торжествѣ, къ рѣшенію всѣхъ дѣлъ,
Я съ Брандеромъ итти и флотъ зажечь велѣлъ.
Къ безсмертной памяти и къ славѣ несравненной
Ильинъ свершилъ конецъ побѣды совершенной:
Какъ вихрь пустившися внутри ихъ кораблей,
Одинъ изъ нихъ зажегъ онъ самъ рукой своей,
Простерся огнь во кругъ, бунтуетъ непогода,
И возстенала вся отъ ужаса природа,
Въ смятеньи, въ ужасѣ незнавъ куда итти,
Въ пучинѣ водъ враги спасенья мнятъ найти.
Повсюду слышенъ стонъ, вопль жалостный и горе,
Пылаютъ парусы, валятся мачты въ море.

ГРАФЪ

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Благодарю тебя всевидящій Творецъ!
Что внявъ прошенїе усерднѣйшихъ сердецъ,
Побѣду даровалъ толь вѣрному народу,
Прославилъ свой законъ и обновилъ природу.

ГРЕЙГЪ.

Увидѣвши враги во пламени весь флотъ,
Въ послѣдней крайности среди глубокихъ водъ,
Отчаянное намъ вели сопротивленье,
Но суетно искавъ отъ смерти избавленье;
Простерши наконецъ всѣ руки къ небесамъ,
Взывали жалостно прося пощады къ намъ.
Сей образъ кротости побѣдоносныхъ воевъ
Прославилъ Россовъ днесь превыше всѣхъ героевъ.
Не злобствуя врагамъ они пріемлютъ ихъ,
Съ смягченїемъ сердецъ какъ согражданъ своихъ,

И

И возлагаючи на плѣнниковъ оковы,
Съ прискорбіемъ сей долгъ исполнили суровы.
Но се и плѣнниковъ представятъ предъ тебя.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ, СПИРИДОВЪ, ГРАФЪ Ѳ. ОРЛОВЪ, КНЯЗЬ ДОЛГОРУКОВЪ, ГРЕЙГЪ, ВОИНЫ и ПЛѢННИКИ ТУРЕЦКІЕ.

ГРАФЪ А. ОРЛОВЪ.

Мечемъ и мужествомъ прославивши себя,
Потщимся нынѣ мы еще себя прославить,
Потщимся бѣдствія нещастливыхъ избавить.
[Къ воинамъ указывая на плѣнниковъ.]
Разрушьте тягость ихъ мучительныхъ оковъ;
Мы добродѣтелью плѣнимъ сердца враговъ.

Тор-

Торжественный сей день да будетъ днемъ
дѣлъ славныхъ,
Чтобъ въ свѣтѣ не было щедротою намъ
равныхъ.
Монархиня! Твоя премудрость возмогла
На всѣ высокія насъ возбудить дѣла;
Щедроты изъявлять Твоей въ угодность
волѣ
Есть плодъ, что царствуешь на Росскомъ
Ты престолѣ.

КОНЕЦЪ ДРАМЫ.

ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ

ДРАМА.

сочиненїя

ПАВЛА ПОТЕМКИНА.

Представлена въ первый разъ на придворномъ театрѣ 1773 года, Генваря 11 дня.

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ

ЦЕСАРЕВИЧУ

И

ВЕЛИКОМУ

КНЯЗЮ

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ,

НАСЛѢДНИКУ

ВСЕРОССІЙСКАГО

ПРЕСТОЛА,

ВЛАДѢТЕЛЬНОМУ

ГЕРЦОГУ

ГОЛШТЕЙНЪ ШЛЕЗВИГСКОМУ

и проч. и проч.

Питомецъ истинны, другъ Музъ и Аполлона,
Наслѣдникъ Росскаго блистательнаго трона,
На коемъ утвержденъ храмъ славы и побѣдъ,
Любви, усердія и ревности предметъ,
Надежда сѣвера, Россіянъ украшенье,
Великій Князь! прими мое Ты приношенье.
Пространный разумъ Твой и образъ мыслей знавъ,
Я знаю, Государь, Ты ставишь за уставъ,
Прощати слабостямъ; но искренности внемлешь,
И жертвы ревностныхъ сердецъ всегда пріемлешь.
Когда я дружество изобразить желалъ,
Сверьхъ силъ я, признаюсь, намѣренье пріялъ;
И трудно сей союзъ означить совершенно.
Но дружбы званіе столь славно, столь священно,
Столь означеніе пріязни сердце льститъ,
Что каждой слабости за искренность проститъ.

Между великихъ свойствъ, что душу возвышаютъ,
Честь съ добродѣтелью родъ смертныхъ украшаютъ.
Великодушїе есть слѣдствїе сего;
Но дружба истинна источникъ есть всего.
Кто цѣну вѣдаетъ пріязни совершенной,
Кто можетъ сохранять союзъ толь освященной:
О коль тотъ щастливо жизнь долженъ провождать!
Не мнѣ принадлежитъ Тебѣ предполагать,
Что дружба произвесть на свѣтѣ семъ удобна:
Великая душа Твоя судить способна.
Вседневно разумъ Твой являетъ ясно намъ,
Сколь много за Тебя мы должны небесамъ.
Кому знать болѣе Тебя о всемъ довлѣетъ?
Богини мудрой Сынъ, что Россами владѣетъ,
И неисчетнаго являетъ плодъ добра,
Достойный правнукъ Ты Великаго ПЕТРА.
Преславный сей Монархъ былъ основатель славы,
И просвѣщенїя Россїйскїя державы:

Пре-

Премудра Мать Твоя правленїемъ Своимъ
Принудила весь свѣтъ, назвать Свой вѣкъ
златымъ.
Ты зришь Ея дѣла, Ты зришь Ея щедроты,
Душевныя Твои подобны Ей доброты.
Коль свойственно Тебѣ, чтобъ онымъ по-
дражать!
Блаженство Росскихъ странъ сужденъ Ты
умножать.
Божественны Тебя таланты украшаютъ:
Таланты оные Россїянъ восхищаютъ.
Въ сей мысли, Государь, и зная слабость
силъ,
Съ надеждою Тебѣ, мой трудъ я посвятилъ:
И больше для того способностей желаю,
Что пѣть хвалу Тебѣ усердїемъ пылаю.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МИЛОНЪ, судья нѣкотораго присудственнаго мѣста.

ЧЕСТАНА, сестра его.

МОДЕСТЪ, другъ Милоновъ.

ЗАИДА, Турчанка, плѣнница Модестова.

СЛУГА.

Дѣйствіе есть въ Москвѣ, въ домѣ Милоновомъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

МИЛОНЪ *[одинъ]*.

Сидя въ креслахъ, въ сюртукѣ; передъ нимъ стоитъ столъ, на которомъ нѣсколько книгъ и бумагъ разбросано. Театръ представляетъ ночь.

Природа въ тишинѣ ночной покрыта мглой,
Повсюду царствуетъ для чистыхъ душъ покой:
Граждане мирные пріятность сна вкушаютъ,
И бурей горестныхъ суетъ не ощущаютъ;
А я мученіе единое терплю,
Страдаю каждый день и ночи всѣ не сплю.
Какъ беззаконника, который къ злу дерзаетъ,
Удерживаетъ страхъ, и совѣсть угрызаетъ:
Такъ въ горести мнѣ нѣтъ спокойнаго часа.
Несносенъ сталъ мнѣ свѣтъ, и страшны небеса;

Волненьемъ мыслей я злодѣямъ сталъ подобенъ.
Ужаснѣйшая мысль! . . . но я еще не злобенъ.
Не злобенъ? . . . ахъ Милонъ! . . . терзаясь страстью злой,
Коль смѣешь, обнажи ты сердце предъ собой.
Зри чувствїе его, и вспомни кѣмъ ты страстенъ,
Ты другу измѣнилъ, любови сталъ подвластенъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

МИЛОНЪ и СЛУГА.

СЛУГА.

Съ дѣлами нужными къ вамъ Секретарь пришелъ.

МИЛОНЪ.

Такъ рано? время онъ для дѣлъ теперь нашелъ.

СЛУГА.

Шесть минуло часовъ; въ сей часъ обыкновенно
Разсматривали вы дѣла уединенно,

И

И притѣсняемыхъ освобождали бѣдъ:
Въ передней множество просителей васъ ждетъ.

МИЛОНЪ.

То время прошекло и стало невозвратно:
Нещастнѣе я всѣхъ нещастливыхъ стократно.
Скажи имъ всѣмъ, что я ихъ видѣть не могу.
[Слуга выходитъ.]

ЯВЛЕНІЕ III.

МИЛОНЪ *[одинъ.]*

Вотъ плодъ моей любви! я совѣсти днесь лгу,
И ближнимъ помогать толь грубо отрекаюсь.
Въ какую бездну бѣдъ я нынѣ привлекаюсь!
Вступаю въ общество неправедныхъ людей,
Обуреваемъ сталъ волненіемъ страстей.
Игралище любви и злобы подражатель,
Презрѣлъ и честь и долгъ, сталъ дружеству предатель.
Безъ разсужденія ко страсти мысль стремлю,
Невѣсту друга я прельщаю и люблю,
И ядъ питая зла, то отъ него скрываю.
Всѣ права честности я нынѣ разрываю.
Какой

Какой ужаснѣйшїй предвижу я предметъ!
Мнѣ въ сердцѣ честь моемъ всечасно вопїетъ:
Опомнися Милонъ, и побѣждай жаръ страсти.
Но побѣдить любовь въ моей ли уже власти?
Лишь только прелести Заиды вображу,
Тьмы въ красотѣ ея прїятствъ я нахожу:
Любовь раскаяньи всегда превозмогаетъ,
Изчезнетъ мужество, и духъ изнемогаетъ.
При имени ея смущается мой умъ,
Вся мысль стремится къ ней сквозь бездну мрачныхъ думъ.
Я зрю сестру мою. . . . о рокъ! . . . что дѣлать должно?
Притворствовать? но мнѣ притворствовать не можно.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МИЛОНЪ и ЧЕСТАНА.

ЧЕСТАНА.

Узнавъ, что смутно ты всю ночь препроводилъ,
Пришла спросить тебя, кто духъ твой оскорбилъ.

МИ-

МИЛОНЪ.

Сей день нашъ общій другъ отселѣ отъѣзжаетъ:
Судьба разлукой сей Милона поражаетъ.
Ты знаешь, какъ всегда Модеста я любилъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ вмѣстѣ съ нимъ воспитываемъ былъ,
Единодушіемъ насъ сопрягла судьбина:
Съ нимъ научились мы знать должность гражданина,
Любовь, отечество, и душу возвышать,
Знать права честности и разумъ просвѣщать.
Согласіе сердецъ съ тѣхъ поръ въ насъ возрастало,
Познанье истинны въ насъ дружбу утверждало.
Когда мы кончили теченіе наукъ,
Открылася война: желанной славы звукъ
Въ Модестѣ возбудилъ душевное геройство.
Различное мнѣ съ нимъ дала природа свойство,
Хоть ревность въ насъ равна; онъ крѣпостію силъ
Съ младенчества меня всегда превосходилъ,

Такъ

Такъ жизнью жертвовать въ войнѣ онъ обязался.
Я правосудію служить здѣсь заклинался.
Коль горестна была разлука та для насъ!
Прощаясь съ другомъ, я вѣщалъ ему въ тотъ часъ:
Служи отечеству, пренебрегая вѣкомъ;
Служи ты ближнему, будь прямо человѣкомъ.
Мнѣ въ горести мой другъ лобзая отвѣчалъ.
Разставшись, три года его я не видалъ,
Теперь къ нещастію съ нимъ паки разлучаюсь:
Удобноль вопрошать, о чемъ я огорчаюсь?

ЧЕСТАНА.

Когда отсутствіе его тебя крушитъ:
Твой другъ то зналъ, почто отъѣздомъ столь спѣшитъ?
Онъ могъ бы для тебя здѣсь долѣе остаться.
[Къ сторонѣ.]
Душа моя тогда не стала бы терзаться.

МИЛОНЪ.

Нашъ первый въ жизни долгъ есть обществу служить,
Любить отечество, Монарху вѣрнымъ быть,
Всѣмъ жертвовать для нихъ.

ЧЕ-

ЧЕСТАНА.

Весь вѣкъ служить не можно:
Иль въ свѣтѣ для себя самихъ вамъ жить не должно?

МИЛОНЪ.

Когда родимся мы для общей пользы въ свѣтъ,
Полезнымъ въ жизни быть, конечно срока нѣтъ.
Не праздность насъ ведетъ на верьхъ прямыя славы.
Родиться, умереть, природы суть уставы;
Но жизнью жертвуя приобрѣсти честь,
Но званіе свое заслугами вознесть,
Полезнымъ быть Царю, полезнымъ быть народу,
Есть трудъ великихъ душъ и славящихъ природу.

ЧЕСТАНА.

Кто съ равнодушіемъ симъ можетъ разсуждать,
Удобно ли тому толь горестно страдать?

МИЛОНЪ.

[Къ сторонѣ.]

Иль тайну мысль мою она ужь примѣчаетъ?
Мой другъ, я говорю, отселѣ отъѣзжаетъ.

Пред-

Предстанутъ новыя опасности ему:
За будущее льзяль отвѣтствовать кому?
Воспомяни сама, что я и въ прежне время
На сердцѣ тяжкое имѣлъ печали бремя.
Ты вѣдаешь о томъ, сколь мучился мой духъ,
Какъ о сраженїяхъ здѣсь проносился слухъ.
Вѣсть каждая меня безмѣрно возмущала.
Не смерть Модестова мой духъ толь устрашала,
Я слабость оную стыдился бы имѣть:
Для славы общества есть долгъ нашъ умереть.
Я робко для того о другѣ извѣщался,
Достойноль, знать хотѣлъ, онъ въ службѣ отличался.
Полезно жить тому, кто возвышаетъ честь:
Мой другъ достоинствомъ умѣлъ себя вознесть,
Сталъ славенъ мужествомъ, сталъ обществу полезенъ:
Онъ сердцу моему сугубо тѣмъ любезенъ.
Когда я опыты его достоинствъ зрю,
Усердно небеса тогда благодарю,

Что

Что друга мнѣ они въ Модестѣ даровали;
Но слезъ глаза мои давно не проливали,
Которыя теперь неволею текутъ:
Тьмы разныхъ мыслей вдругъ къ тоскѣ меня влекутъ.

ЧЕСТАНА.

Любезный братъ, твой взоръ тоску мнѣ открываетъ:
Отчаянье твое лице изображаетъ.
Ты блѣденъ, торопливъ, и вздохи тщишся скрыть:
Иное, знать, могло твой твердый духъ смутить.

МИЛОНЪ.

Иное? . . . . Боже мой!

ЧЕСТАНА.

Смущеньемъ симъ являешь,
Что чувства отъ меня и мысли сокрываешь.
Какую ты вину, толь горестно стеня,
Нашелъ, любезный братъ, таишься отъ меня?

МИЛОНЪ.

Я тайны никакой на сердцѣ не имѣю:
Вся тайна въ томъ, что я о другѣ сожалѣю.

ЧЕСТАНА.

Нѣтъ: я причину здѣсь совсѣмъ иную зрю,
Хошь изъ любви къ тебѣ о ней не говорю.
Но тщетно думаешь ты въ тайнѣ притворяться:
Два мѣсяца, какъ ты стараешся скрываться,
Въ уединенiи препровождая дни,
Гдѣ вздохи лишь съ тобой присутствуютъ одни.
Смущенiе твое давно я примѣчаю,
И тайну онаго познать довольно чаю.

МИЛОНЪ.

Какое на меня сомнѣнье ты взяла?

ЧЕСТАНА.

Заида оное мученье навела. . . .

МИЛОНЪ.

Какое имя ты Честана произносишь!
Немилосердая, ты честь мою поносишь.
Могу ли другу я столь много измѣнить?
[Къ сторонѣ.]
Нещастный, чѣмъ себя ты можешь извинить?

ЧЕСТАНА.

Не обвиняй меня, любезный братъ, напрасно:
Порочноль сердце тѣмъ, когда оно кѣмъ страстно?
Когда

Когда мы нѣжну страсть порокомъ будемъ
чтить:
Гдѣжъ въ смертныхъ можемъ мы невиннаго
найтить?

МИЛОНЪ.

Порочна страсть тогда, когда она преходитъ
Предѣлы, въ коихъ честь препятствія находитъ.
Таланты почитать удобно въ жизни сей:
Заида быть должна наперсницей твоей,
И лучшей по всему заслуживаетъ доли.
Не жалколь было бъ зрѣть подъ именемъ
неволи
Съ такими прелестьми дѣвицу юныхъ лѣтъ?
Предразсужденіямъ всегда подверженъ свѣтъ:
Я слышу, многіе въ порокъ то чтутъ Модесту,
Что онъ въ невольницѣ избралъ себѣ невѣсту.
Разсудки слабые то могутъ возглашать;
Но не порода насъ удобна возвышать.
Кто предками себя одними величаетъ,
Тотъ самого себя тѣмъ самымъ унижаетъ.
Честнана, тщися въ ней ты разумъ просвѣщать:
Способности ея не трудно возвышать.

Природа всѣмъ ея столь щедро наградила,
Какъ будто въ честь себѣ ея производила.
Оставя прелести прекраснѣйшихъ очей,
Какая искренность, какая живость въ ней?
Съ какимъ понятіемъ она все постигаетъ?
Какъ откровенностью она всѣхъ привлекаетъ?
На свѣтѣ ничего ея любезнѣй нѣтъ:
Ей только знаній лишь однихъ не достаетъ.
Когдажъ душа ея въ нихъ будетъ просвѣщенна. . . .
О коль прещастливъ тотъ, кому она суждена!
Завидна участь та; но тѣмъ утѣшенъ духъ,
Что симъ сокровищемъ владѣть мой будетъ другъ.

ЧЕСТАНА.

Коль много ты похвалъ безстрастно ей вѣщаешь?

[Къ сторонѣ.]

Не ты одинъ любви заразы ощущаешь.
Признайся въ томъ Милонъ: любовь не льзя таить,
Она видняй всегда, гдѣ склонность тщатся скрыть.

МИ-

МИЛОНЪ.

[Къ сторонѣ.]

Заида къ намъ идетъ. . . . о какъ я возмущаюсь!

ЯВЛЕНІЕ V.

ЧЕСТАНА, МИЛОНЪ и ЗАИДА.

ЗАИДА.

Я съ покровителемъ севодни разлучаюсь.
Модестъ мнѣ былъ отцемъ. Когда его лишусь,
Въ васъ только я однихъ найти отраду льщусь,
Вамъ буду искренне всегда повиноваться.
Но столько васъ любя, могу ли я ласкаться,
Что будете меня взаимно вы любить?
Въ комъ можно плѣнницѣ убѣжище найтить,
Въ странѣ, гдѣ никого донынѣ я не знаю?
Честана, я въ тебѣ надежду полагаю,
Ты будешь мнѣ сестрой: и въ томъ спокоенъ духъ.
Что жъ будетъ мнѣ Милонъ?

МИЛОНЪ.

Твой вѣчно вѣрный другъ.

ЗАИДА.

Мой другъ? названïе сïе меня прельщаетъ!
И больше ничего Милонъ не ощущаетъ?
Почтожъ, какъ другомъ я тебя хочу назвать,
Миляе друга ты, мнѣ хочется сказать?
Не знаю, жаръ какой къ тебѣ во мнѣ пылаетъ;
Заида всякой часъ съ тобою быть желаетъ.
Но только встрѣтится съ твоимъ когда мой взоръ:
Смѣшается во мнѣ и мысль и разговоръ.
Модеста видѣвши, отнюдъ я не смущаюсь.
Онъ другъ мнѣ; а тобой и въ робости прельщаюсь.

ЧЕСТАНА.

Неблагодарность ты являешь сердца тѣмъ.

МИЛОНЪ.

Оставь невинность ей.

ЗАИДА.

Въ поступкѣ ты моемъ
Всегда противное себѣ лишь только видишь:
Конечно ты меня, Честана, ненавидишь.

Въ

Въ какой приведена я жить пречудной свѣтъ?
Здѣсь должно говорить, чего на сердцѣ нѣтъ;
Но въ чувствахъ истинныхъ предъ всѣми при-
творяться.
Возможно ль каждый часъ съ собой не согла-
шаться,
И почитать обманъ за нужный всѣмъ уставъ?

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЪ и МОДЕСТЪ.

МОДЕСТЪ.

Пріятную мнѣ вѣсть сей самый часъ узналъ,
Я съ другомъ раздѣлить мои утѣхи льщуся.
Милонъ! я здѣсь еще на мѣсяцъ остаюся.

ЧЕСТАНА.

[Къ сторонѣ.]

Знать вняли небеса моихъ прошеній гласъ.

МИЛОНЪ.

[Къ сторонѣ.]

Какой мучительной для совѣсти сей часъ!

МОДЕСТЪ.

Какое щастіе мнѣ небо даровало!

МИЛОНЪ.

[Къ сторонѣ.]

О угрызеніе! кого ты столь терзало?

МОДЕСТЪ.

Я въ радости моей признаюся тебѣ:
Неизреченно симъ обязанъ я судьбѣ.
Доколь позволитъ мнѣ долгъ службы здѣсь остаться:
Твоею дружбою я буду наслаждаться,
И страсть съ Заидою намѣренъ увѣнчать.

ЗАИДА.

Ты въ радости своей не хочешь примѣчать:
Твой другъ столь огорченъ, а ты не сожалѣешь.

МОДЕСТЪ.

Какую горесть ты любезный другъ имѣешь?
Я щастьемъ не почту на свѣтѣ ничего,
Гдѣ нѣтъ участія для друга моего.

МИЛОНЪ.

Сей опытъ дружества мой паче духъ тревожитъ,
И искренность мою къ тебѣ съ признаньемъ множитъ.

МОДЕСТЪ.

Мой другъ! изъ рѣчи сей печаль твоя видна:
Мнѣ не слова твои, но искренность нужна.

Оставь

Оставь притворство тѣмъ, кто пользу въ
немъ находятъ,
Тѣмъ, кои въ хитростяхъ всю жизнь свою
проводятъ,
И ставятъ въ честь себѣ обманывать друзей;
Но гнусны правила тѣ для честныхъ людей.
По видамъ дружество льстецы перемѣняютъ:
Севодни коимъ льстятъ, тѣмъ завтра измѣ-
няютъ.
Ни чести, ни стыда, ни совѣсти въ нихъ
нѣтъ:
Но къ сожалѣнію, такими полонъ свѣтъ.
Приличноль намъ отъ нихъ заимствовать ядъ
лести?
Въ насъ дружество съ тобой основано на
чести.

МИЛОНЪ.

Мой другъ! ты вѣдаешь, какъ я тебя люблю:
Я горести твои всегда съ тобой дѣлю:
Твое веселїе съ моимъ равно считаю,
Все щастїе мое въ твоемъ я почитаю:
Но естьли скорбь теперь скрываю предъ то-
бой,
[Къ сторонѣ.]
Прости мнѣ оное - - - О страсть! играй ты
мной.

[Къ Модесту.]

Въ присудствіи насъ ждутъ: позволь мнѣ удалиться.

ЗАИДА.

[Въ слѣдъ за Милономъ выходя.]

Куда пошелъ Милонъ?

ЯВЛЕНІЕ VII.

МОДЕСТЪ и ЧЕСТАНА.

МОДЕСТЪ.

Мой другъ меня таится.
Смертельная печаль снѣдаетъ духъ его - -
Но что скрываетъ онъ отъ друга своего?
Къ тебѣ, Честана, я въ сей скорби прибѣгаю:
На честность я твою надежду возлагаю.
Открой мнѣ грусть его. Я слѣдствій шутъ боюсь:
Всей силой отвратить я оныя потщусь.

ЧЕСТАНА.

Когдабъ о горести его я извѣстилась,
Тебѣ я прежде всѣхъ сама бы въ томъ открылась.

Онъ

Онъ страждетъ, скорбь свою на сердцѣ лишь
храня,
И тайну оную скрываетъ отъ меня;
Но горести его источникъ мнѣ опасенъ.
Предупреждай ты зло.

МОДЕСТЪ.

Мнѣ день сей сталъ ужасенъ.
Печаль его меня мучительно разитъ.
Ахъ, другъ мой! естьли рокъ нещастьемъ
намъ грозитъ:
Почто ты отъ меня печаль сію скрываешь,
И слезы не ко мнѣ на сердце изливаешь?
Иль недостоинъ я твоей пріязни сталъ?

ЧЕСТАНА.

Что другомъ онъ тебя не лестно почиталъ,
Ты видѣлъ опыты: не льзя въ томъ усум-
ниться.
Но въ скорби часто мы принуждены таиться.
Терзаясь въ горести, надежду погубя,
Есть мысли, кои скрыть мы тщимся отъ
себя.

МОДЕСТЪ.

Слова твои во мнѣ смущенье паче множатъ.
Какіяжъ горести Милона столь тревожатъ?

ЧЕ-

ЧЕСТАНА.

Во внутренность сердецъ хоть трудно проникать;
Но можно чувствія по виду познавать.
Въ смущеніи, въ какомъ съ тобою я вѣщаю,
Не трудно знать, что я на сердцѣ ощущаю
Тоску моей души изображаетъ взоръ,
Смятеніе мое смущенный разговоръ,
Который грусти ядъ мнѣ въ сердце изливаетъ,
Мой каждый взглядъ тебѣ мученье открываетъ.

МОДЕСТЪ.

Внимая рѣчь твою, въ отчаянье вхожу:
Имѣнья, жизни я своей не пощажу,
Коль обстоятельства Милоновы опасны,

ЧЕСТАНА.

Но въ сердцѣ иногда бываемъ мы не власны.
Ахъ! естьли бъ смертный могъ собою обладать,
Кто бъ въ жизни захотѣлъ когда нибудь страдать?
Да страсти властвуя душей и разсужденьемъ,
Хоть часто насъ влекутъ къ напастямъ и мученьямъ;

Но

Но горестей предметъ бываетъ милъ глазамъ.
Лишенна радости, сужденная къ слезамъ,
Я стражду болѣ всѣхъ, и скорбь превозмогаю;
Но мучась каждый часъ, въ слезахъ изнемогаю,
И склонность побѣждать нѣтъ силъ, хоть
бѣдства зрю.
Въ сей самый часъ, когда съ тобой я говорю,
Любезный видя взоръ, я паче восхищаюсь:
Онъ множитъ страсть во мнѣ, люблю - -
я забываюсь.
Сей рѣчью, можетъ быть смущаю я твой
духъ,
Я вѣдаю, что ты Милону прямо другъ:
Удобно ль зрѣть его сестру столь огорченну?
[Выходитъ.]

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МОДЕСТЪ *[одинъ.]*

Я въ сердцѣ чувствую болѣзнь неизреченну,
Смущенъ разсудокъ мой - - - томится грудь
моя - - -
Какое странное смятенье вижу я - - -

Съ какимъ смущенїемъ мой другъ отсель выходитъ?
Честана мнѣ сама сомнѣнїе наводитъ:
Ея смяшенїе изображало страсть - - -
Иль гнѣвны небеса готовятъ намъ напасть? --
А ты, мой другъ, снося печаль необычайну,
Почто страшишся мнѣ свою открыти тайну?
О колъ несносно мнѣ смущенїе его!
Но не проникнуль я скорбь друга моего - - -
Ахъ нѣтъ! онъ дружбу чтитъ: я мышлю то напрасно;
Мнѣ огорченїе его весьма опасно.
Пойдемъ, и помощь дать мы другу поспѣшимъ!
О Боже! помоги стараніямъ моимъ!

Конецъ перваго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЧЕСТАНА и ЗАИДА.

ЧЕСТАНА.

Пріятно зрѣть въ тебѣ толь откровенно свойство;
Но страждетъ честь твоя, и тратится спокойство,
Что ты любви своей не щишся сокрывать.
[Къ сторонѣ.]
Ахъ! мнѣ ли скромности ей правила давать,
Когда предѣлы въ ней сама я преступила,
Когда я слабости въ себѣ не побѣдила?
[Къ Заидѣ.]
Но разсужденіемъ страсть должно побѣждать,
И крайность всякую порокомъ почитать.

ЗАИДА.

Мнѣ то порокомъ чтить, что я люблю Милона?
За сердце я его не пожелаю трона.

Мой

Мой умЪ наполненЪ имЪ, всю мысль кЪ нему стремлю:
Сама себя не столь, какЪ я его люблю;
ВЪ немЪ только жизнь свою пріятной почитаю.
Суди, порокомЪ ли любовь свою считаю.
Но ты какое вЪ сей любви находишь зло?
Скажи мнѣ, что тебя такЪ раздражить могло?

ЧЕСТАНА.

Не раздражаюсь я: ты мнѣ всегда любезна,
Но нѣжна страсть твоя кЪ Милону безполезна.

ЗАИДА.

Причина онаго извѣстна мнѣ одна:
ОнЪ знатенЪ и богатЪ, я плѣнна и бѣдна.
Но небо само мнѣ вЪ томЪ можетЪ быть свидѣтель,
Что я вЪ Милонѣ чту не пышность, добродѣтель.
Богатство, знатности, высокіе чины,
Я вижу, сЪ жизнію у васЪ сопряжены.
Не на достоинства, на щастье здѣсь взираютЪ,
Богатыхъ сколько чтутЪ, столь бѣдныхЪ презираютЪ.

Все

Все въ свѣтѣ у меня судьбина отняла,
Лишь чувствія извлечь изъ сердца не могла.
Я бъ въ самой бѣдности съ Милономъ стала жить,
И не помыслила бъ съ нимъ будучи тужить.

ЧЕСТАНА.

Коль безнадежно страсть владѣетъ разсужденьемъ,
Она влечетъ тогда къ напастямъ и мученьямъ.
Намъ трудно, знаю я, любовь превозмогать;
Но бѣдственнѣй еще безъ пользы въ ней страдать.
Что можетъ зляе быть, какъ мучиться напрасно?
Повѣрь Заида мнѣ: какъ сердце чье ни страстно,
Благопристойность намъ скрывать любовь велитъ.

ЗАИДА.

Благопристойность есть наружный чести видъ,
Наука здѣшнихъ странъ, которой я не знаю:
Я искренна во всемъ, притворства убѣгаю,

И не скрываю чувствъ, не мысля дѣлать зла.
Не тщетно вашей я одежды не взяла:
Здѣсь не скрываютъ лицъ, но чувства всѣ скрываютъ,
И вѣжливостїю пришворство называютъ.
Въ Турецїи коварствъ такихъ не знала я.
Любовь мнѣ злостїю не кажется моя:
Почто жъ ея скрывать?

ЧЕСТАНА.

Любовь насъ ослѣпляетъ;
Но должность слабости сердечны исправляетъ.

ЗАИДА.

Какую должность ты нашла меня томить?

ЧЕСТАНА.

Причины сей тебѣ я не могу открыть:
Открывши возбужу въ тебѣ къ тому я злобу,
Кому ты суждена.

ЗАИДА.

Я суждена ко гробу.
Въ неволѣ я живу, несносенъ мнѣ сей свѣтъ,
И ни малѣйшей мнѣ отрады въ жизни нѣтъ.

Васъ

Васъ просвѣщенными во нравахъ почитаютъ:
Какіе нравы, гдѣ любовь за грѣхъ считаютъ?

ЧЕСТАНА.

Гдѣ позволяетъ честь, тамъ можемъ мы любить.

ЗАИДА.

Такъ честь велитъ теперь мнѣ нѣжность истребить?
Честана, зри мое несносное страданье.

ЧЕСТАНА.

Старайся избѣгать съ Милономъ ты свиданье.

ЗАИДА.

Кого ты мнѣ велишь нещастной убѣгать?
Того, въ комъ душу я привыкла полагать.
Мнѣ убѣгать его? - - - Ябъ жизнь отдать хотѣла,
Хотябъ я часъ одинъ его душей владѣла.
Но ежели мой долгъ велитъ тѣхъ скрыться глазъ,
Которы видѣть я желала каждый часъ:
Я долгъ свой сохраню. Довольноль я послушна?
[Отходя.]
Честана, прежде ты была великодушна.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЧЕСТАНА *[одна.]*

Врагомъ меня своимъ считаетъ и она.
Къ какому бѣдству я судьбой доведена!
Повсюду новыя мученья обрѣтаю,
Плѣненна страстїю, страсть суетно питаю:
Нескромности своей, раскаявшись, стыжусь:
Кто сердцемъ властвуетъ, изгнать изъ сéрдца тщусь.
Но разсужденіе любовью ослѣплялось:
Гдѣ честолюбїе мое тогда скрывалось,
Какъ тайну сéрдца я могла предъ нимъ извлечь?
Съ какой холодностью внималъ мою онъ рѣчь!
Узнавши страсть мою, смутилсяль онъ хоть мало?
Но дружество тогда въ немъ мысли занимало:
Ахъ! тѣмъ-то болѣе прельщалась мысль моя.
Достоинствамъ его познала цѣну я,
И страсть надъ разумомъ въ тотъ часъ торжествовала:
Забывъ сама себя, я склонность открывала - -
Но можноль въ жизни сей нещастья избѣжать?
Къ чему я мысль стремлю? - - - Удобноль страсть питать,
Кото-

Котора съ разумомъ и честью несогласна?
Гдѣ сердцемъ правитъ умъ, любовь тамъ безопасна.
Или для горестей рожденна я на свѣтъ?
Не слабый духъ во мнѣ - - - Но вотъ Милонъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Милонъ входитъ на театръ совсѣмъ порядочно одѣтой, въ глубокомъ размышленіи не примѣчая Честаны.

ЧЕСТАНА и МИЛОНЪ.

МИЛОНЪ.

Я свергнулъ съ совѣсти мучительное бремя,
Не праздно проводилъ въ присудствіи я время.
Во дни блаженные, въ которыхъ мы живемъ,
Лицепріятія не должно знать ни въ чемъ.
Благополученъ тотъ, кто правду защищаетъ.
Но страсть люттѣйшая покой мой возмущаетъ,
Всѣхъ дѣлъ моихъ плоды, всю добродѣтель тмитъ.
Всемѣстно множитъ скорбь, всечасно духъ томитъ;

Душею, разумомъ, и сердцемъ овладѣла.

ЧЕСТАНА.

[Подходя къ Милону.]

Прости, что мысль твою я перервать посмѣла.

МИЛОНЪ.

Честана, извини - - -

ЧЕСТАНА.

Оставь вину свою,
Ты горестью своей терзаешь грудь мою.
Бывало ли когда, чтобъ столько ты смущался?
Ты дѣлая добро, тѣмъ прежде утѣшался;
И правосудіе когда ты изъявлялъ,
Тотъ день всегда тебѣ днемъ радостнымъ бывалъ.
Теперь не можешь ты и симъ ужь веселиться.
Скажи мнѣ скорбь свою, почто меня таишься?

МИЛОНЪ.

Я мыслей отъ тебя во всю жизнь не таилъ,
Въ твоихъ совѣтахъ я отраду находилъ.
Смятенная душа къ Честанѣ прибѣгала,
И въ нѣдрахъ дружества утѣхи обрѣтала.

Чтожъ

Чтожъ бы принудило, забывъ и долгъ и кровь,
Забывъ твою пріязнь, мнѣ скрытну быть?

ЧЕСТАНА.

Любовь,
Которую твой взоръ мнѣ ясно изъявляетъ;
Повѣрь мнѣ, страсть твоя меня не удивляетъ.
Я преступленія въ любви не нахожу.
Но только слѣдствія сей страсти вображу:
Духъ востребещетъ мой. Ты другу измѣняешь.

МИЛОНЪ.

Честана, сердце ты симъ словомъ уязвляешь.

ЧЕСТАНА.

Ахъ нѣтъ! дражайшій братъ, я честь твою
храню.
Хоть въ злыхъ намѣреньяхъ тебя я не виню;
Но сердцу страстному легко поколебаться.
Принудь себя, Милонъ, съ Заидою растаться:
Чтобъ дружбѣ долгъ отдать и сохранить
намъ честь,
Въ сихъ обстоятельствахъ одно лишь сред-
ство есть.
Оставимъ ихъ здѣсь жить: судьба насъ раз-
лучаетъ.
Коль сердце мнѣ твое за твердость отвѣ-
чаетъ:

Позволь Модеста мнѣ къ тому уговорить,
Чтобъ онъ скоряе бракъ старался совершить.
Но бракъ ихъ соверша, намъ должно разлучиться.
Позволь: я съ тѣмъ иду - - -

МИЛОНЪ.

Постой!

ЧЕСТАНА.

Твой духъ крушится.

МИЛОНЪ.

Постой жестокая! отъемли жизнь мою!
Я страсти болѣе своей ужъ не таю.
Не тайну изъ меня, ты душу извлекаешь.
Ахъ! естьли жалость ты хотя малѣйшу знаешь:
Не воспрепятствуй мнѣ еще зрѣть очи той,
Которая меня прельщаетъ красотой.
Не долго буду я симъ щастьемъ наслаждаться,
Мнѣ дружбы долгъ велитъ съ Заидою расстаться.
О ты, что къ скорби сей могла меня привесть,
Дщерь добродѣтели, возлюбленная честь;
Ты,

Ты, кою смертные толь часто вспоминаютъ,
Но вспоминаючи, на сердцѣ рѣдко знаютъ,
Ты укрѣпи мой духъ - - Ахъ! что вѣщаю я?
Забыть Заиду мнѣ честь требуетъ моя.
Заиду! жизнь моя отъ коей зависаетъ,
Забыть - - и мысль одна меня та ужасаетъ.
Взирай на скорбь мою, довольно ль я терплю?
Но знай, что чести я во вѣкъ не преступлю.

ЧЕСТАНА.

Въ сихъ свойствахъ своего я познаваю брата.

МИЛОНЪ.

Познай ты все теперь: одна ль сія утрата,
Любезная сестра, мой страстный духъ крушитъ?
Двумя потерями меня злой рокъ страшитъ:
И бѣдствіе мое съ чѣмъ можетъ быть сравненно?
Что мнѣ любовницы лишиться осужденно,
Любиму будучи, довольно бъ претерпѣть;
Но буду ли когда я въ другѣ то имѣть,
Что прежде въ немъ найти, не зналъ Заиды,
льстился?
Съ Модестомъ утвердить родствомъ я дружбу тщился:

Сестру свою я съ нимъ соединить хотѣлъ.
Что вижу? - - - - я тебя въ смятенїе привелъ - - -
Блѣднѣешь ты и видъ совсѣмъ перемѣняешь;
Конечно ты любовь къ Модесту ощущаешь?
Страсть таинство души взаимно извлекла:
Колико бѣдственныхъ судьбина собрала!

ЧЕСТАНА.

Я таинства души своей не сокрываю:
Къ Модесту склонность я давно одолѣваю.
Его достоинства могли меня плѣнить;
Но слёзы долго я не буду въ страсти лить.
А естьли я теперь сей склонностїю льстю:
Я честолюбїя довольно въ томъ имѣю,
Чтобъ воспротивиться мнѣ пламени сему.
Чего бъ ни стоило то сердцу моему;
Но не останусь я любовницей нещастной.

[Выходитъ.]

ЯВЛЕНІЕ IV.

МИЛОНЪ и ЗАИДА.

ЗАИДА.

Какое бѣдствїе еще въ сей день ужасной?

Ми-

Милонъ смущается, Честана вся въ слезахъ,
Отчаянье въ твоихъ написано глазахъ.
Скажи Милонъ, чему судьба насъ подвергаетъ?

МИЛОНЪ.

Карай меня злой рокъ! -- Мой духъ изнемогаетъ.

ЗАИДА

Нежалостный Милонъ! Всѣ мысли истребя,
Тобою лишь живу, и стражду для тебя;
А ты презрѣвъ любовь, Заиды убѣгаешь?
Жестокой! или ты мнѣ гибели желаешь?
Ахъ нѣтъ! ты жалостливъ; но насъ съ тобой дѣлятъ.
Конечно убѣгать тебѣ меня велятъ?
А мнѣ забыть тебя Честана принуждаетъ.
Коль жестоко она о чувствахъ разсуждаетъ!
Возможно ли тебя когда мнѣ позабыть?
Ты сердце къ нѣжности умѣлъ мое склонить:
Тотъ пламень далъ узнать, что вы зовете страстью:
Ты жизнь мою плѣнилъ: я сей довольна частью.
Доколь судьба меня сей жизни не лишитъ,
Любви моей къ тебѣ ничто не потушитъ.

МИЛОНЪ.

Усугубляй, злой рокъ, души моей мученье!
О долгъ! о дружество! о страсть и разсужденье!

Тер-

Терзайте духъ во мнѣ! - - - Къ чему мнѣ
приступишь?
Зря прелесть сихъ очей, льзяль нѣжность
побѣдить?
Въ какія горести судьба меня приводитъ!

ЗАИДА.

Смущеніе твое мнѣ ужасъ лишь наводитъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ склонность ты мою къ
себѣ позналъ,
Ни слѣва о любви еще ты не сказалъ.

МИЛОНЪ.

Ахъ! должноль было мнѣ усугублять напасти?
Поступокъ мой являлъ довольно нѣжной
страсти.
Смущенье, вздохи, грусть, что духъ терзали мой,
Любовь мою безъ словъ являли предъ тобой.
Взоръ томный открывалъ, дражайшая, всечасно,
Сколь сердце прелестьми мое твоими страстно.
Мнѣ свѣтъ тамъ только милъ, гдѣ я тебя
видалъ.
Когда я зрѣлъ тебя, я скорби забывалъ.
Но горестный предѣлъ сужденъ въ любви
нещастной.
Возлюбленный предменъ души тобою
страстной!

Зри

Зри съ сожалѣнїемъ, колико стражду я.
Люблю тебя; но ты не можешь быть моя.

ЗАИДА.

Скажи, жестокїй, мнѣ: кого я обижаю
Тѣмъ только, что тебя люблю и обожаю?
Кого возможно мнѣ любовью сей вредить?
Столь варварскимъ нигдѣ не можно нравамъ быть,
Чтобъ нѣжную любовь закономъ запрещали.
Одни ли мы ея изъ смертныхъ ощущали?
Когда жъ позволено у васъ любовь питать:
Кто лутче могъ меня любовника избрать?

МИЛОНЪ.

[Становясь на колѣни.]

Ты торжествуешь симъ Заида надо мною.
Разсудокъ покорѣнъ, дражайшая, тобою:
И побѣждать любви моихъ нѣтъ болѣ силъ.
Я жизнь мою тебѣ отнынѣ посвятилъ.
Все щастье безъ тебя и свѣтъ возненавижу,
Владѣй одна ты мной. О Боже! что я вижу?

[Въ сїе время входитъ Модестъ.]

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ V.

МИЛОНЪ, ЗАИДА и МОДЕСТЪ.

МОДЕСТЪ.

Не привидѣньель зрю!

МИЛОНЪ.

О гнѣвны небеса!

МОДЕСТЪ.

Воображалъ ли я сего досшичь часа?
Жесшокій! шоржесшвуй. Ты жизнь мою ошъ-
емлешь;
Но знай, что я могу - - -
[Вынимаетъ шлагу.]

ЗАИДА.

Что дѣлашь предпріемлешь?

МОДЕСТЪ.

Измѣну наказашь, пронзишь злодѣю грудь,
Ошкрышь ему во адъ злодѣямъ общій пушь.

ЗАИДА.

Злодѣямъ? - - - Онъ швой другъ.

МОДЕСТЪ.

Сель опышы пріязни?
Гдѣ совѣсшь днесь швоя? Измѣну безъ боязни,
Про-

Противу друга ты толь вѣрнаго явилъ.

[Къ Милону.]

Вотъ горесть звѣрская, котору ты таилъ!
Предатель дружбы ставъ, ты тщился притворяться.
Вѣщай, жестокій, мнѣ: чѣмъ можешь оправдаться?
Избавь отъ ужаса смертельнаго мой духъ:
Отвѣтствуй, что ты мнѣ?

МИЛОНЪ.

Соперникъ твой и другъ.

МОДЕСТЪ.

Ты другъ? злодѣй ты мнѣ.... врагъ истинны и чести,
Наполненный враждой и ядомъ гнусной лести,
Ты дружбу тщился мнѣ въ погибель обращать:
Умри....

[Бросается со шлагою къ Милону.]

ЗАИДА.

Увы!

МОДЕСТЪ.

Иль жизнь старайся защищать.

МИ-

МИЛОНЪ.

Карай меня, я смерть почту себѣ пріязнью:
Мнѣ сердце судіей и совѣсть стала казнью.
Зри ужасъ сей вины, въ которую я впалъ,
Я защищаяся, злодѣемъ прямо бъ сталъ.
Честь, горесть, дружество и стыдъ меня терзаютъ,
И въ безконечное мученье погружаютъ.
Отъемли жизнь мою, я самъ того хощу;
Но противъ друга я меча не обращу.
Вотъ онъ!

[Бросаетъ шлагу свою и выходитъ вонъ]

ЯВЛЕНІЕ VI.

МОДЕСТЪ и ЗАИДА.

ЗАИДА.

Чье сердце столь бывало огорченно?

МОДЕСТЪ.

Какое мужество съ измѣной съединенно?
Дай мнѣ спокоиться, поди отселѣ вонъ.

[Заида выходитъ]

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ VII.

МОДЕСТЪ *[одинъ.]*

Мой другъ мнѣ измѣнилъ! ... Совмѣстникъ мнѣ Милонъ!
Призриte небеса на скорбь мою и бѣдство;
Но мнѣ ли въ скорби сей звать небеса въ посредство?
Мой разумъ помраченъ. . . . вся стынетъ въ сердцѣ кровь.
Съ какимъ смиренїемъ открылъ мнѣ онъ любовь!
Кто болѣе изъ насъ достойнымъ оказался?
Я мечь къ нему простеръ; онъ другомъ назывался.
О преужасный часъ! куда я мысль стремилъ?
Такъ для ширанства я Заиду полюбилъ?
Я презрю горести Честаны и Милона?
Я сдѣлаюсь творцемъ горчайшаго ихъ стона?
Нѣтъ! въ жизни мнѣ сего не можно будетъ снесть,
Чтобъ могъ я позабыть и дружество и честь.
Нещастный! страсть твоя погибель всѣмъ наводитъ:
Смотри, что отъ тебя здѣсь въ домѣ происходитъ.

Честаны навсегда спокойство я смутилъ:
Мой другъ терзается, хотя Заидѣ милъ.
Я щастье общее одинъ лишь развращаю.
Ахъ! меньшель горести я всѣхъ ихъ ощущаю?
И меньшель мучитъ духъ нещастна страсть моя?
Вамъ вѣстно, небеса, колико стражду я.
Такъ дружба жертвою всегда пребудетъ страсти?
Или надъ сердцемъ умъ имѣть не можетъ власти?
Мнѣ друга моего для страсти погубить?
Я добродѣтели хочу примѣръ явить.
Кто любитъ истинну и здраво разсуждаетъ,
Тотъ сердцемъ властвуетъ и страсти побѣждаетъ.
Слуга, эй!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МОДЕСТЪ и СЛУГА.

МОДЕСТЪ.

Гдѣ мой другъ?

СЛУ-

СЛУГА.

Онъ шелъ отсюда въ садъ.

[Въ сіе время Модестъ ходитъ по театру задумавшись.]

СЛУГА *[продолжаетъ.]*

Благословенный домъ сей превратился въ адъ.
Здѣсь прежде щастіе съ спокойствомъ обитали,
Въ забавахъ, въ радостяхъ всѣ дни препровождали;
А нынѣ. . . .

МОДЕСТЪ.

[Въ задумчивости.]

Нѣтъ! Милонъ, не будешь ты страдать.

[Къ слугѣ.]

Ты видѣлъ какъ онъ шелъ?

СЛУГА.

Желалъ бы не видать.
Онъ шелъ задумавшись, и слезы проливая:
По томъ вдругъ небеса на помощь призывая,
Стенящимъ голосомъ въ отчаяньи вскричалъ:
О Боже, шы мое все щастье окончалъ!

Мой другъ ожесточенъ: мнѣ жизнь днесь смерти зляе.

МОДЕСТЪ.

[Съ торопостїю.]

Поди сыщи его. . . . зови ко мнѣ скоряе.

ЯВЛЕНІЕ IX.

МОДЕСТЪ *[одинъ.]*

Слова его, какъ громъ, мой поражали слухъ;
Стѣсняли грудь мою и возмущали духъ.
Милонъ меня врагомъ себѣ ужъ почитаетъ! . . .
Ахъ нѣтъ! любезный другъ! кто цѣну чести знаетъ,
Не можетъ скоро шотъ къ злодѣйству приступить.
Я въ непорочности хотѣлъ весь вѣкъ прожить:
Такъ буду ль вашего нещастїя содѣтель?
Но страстная любовь колеблетъ добродѣтель.
Исчезни навсегда изъ сердца злая страсть,
Священно дружество беретъ надъ онымъ власть.

Всего

Всего на свѣтѣ намъ должна быть честь
дороже:
Она душа добротъ и истинны. . . . о Боже!
[Милонъ входитъ.]
Возможно ли снесши сей горестный зря видъ?

ЯВЛЕНІЕ X.

МИЛОНЪ и МОДЕСТЪ.

МИЛОНЪ.

[Внутри театра.]

Въ отчаянье меня ввергаетъ злѣйшій стыдъ.
О какъ присудствіе его меня терзаетъ!
Что зляе можетъ быть, какъ совѣсть угры-
заетъ?

МОДЕСТЪ.

[подходя къ Милону.]

Возлюбленный мой другъ!

МИЛОНЪ.

Могуль я другомъ быть,
Когда спокойствіе твое я могъ смутить?

МОДЕСТЪ.

Ахъ нѣтъ, дражайшій другъ! я виненъ предъ
тобою:
Я жизнь твою хотѣлъ. . .

МИЛОНЪ.

Для общаго покою,

Ты злость хотѣлъ карать; я дружбѣ измѣнилъ,
Я права честности для страсти преступилъ:
Достоинъ смерти я, ставъ дружества предатель:
Отмщай Модесть ты мнѣ, и буди злу воздатель.

МОДЕСТЪ.

Предателемъ тебя не льзя назвать никакъ:
Твое признанїе прямыя чести знакъ.
Кто заблужденїе раскаявшись признаетъ,
Тотъ далѣ сталъ отъ зла, того кто зла не знаетъ.
Ты нѣженъ, чувствїе тебя тронуть могло;
Но ухищренъ ли ты, коль ненавидишь зло?
Мой другъ! кто нѣжности противиться удобенъ?
Любви подвластны всѣ, не ею свѣтъ сталъ злобенъ.
Въ насъ самолюбїе пороки всѣ родитъ:
Кто онымъ зараженъ, тотъ ближнему вредитъ,

По-

Покорствуетъ страстямъ, станóвится злодѣемъ.
Сей язвы пагубной мы въ сердцѣ не имѣемъ.
Намъ честь посредницей должна обѣимъ быть,
И оскорбленïе есть должность позабыть.

МИЛОНЪ.

О другъ мой, ты меня въ отчаянье приводишь:
Съ какимъ ты мужествомъ на слабости снисходишь? . . . .

МОДЕСТЪ.

Не возноси, мой другъ, достоинствъ, гдѣ ихъ нѣтъ.
Коль мало бы еще былъ поврежденъ сей свѣтъ,
Когда бы смертные собою не гордились?
Мы къ общему добру на свѣтѣ всѣ родились.
Благодѣяніе природно чувство намъ,
И ближнимъ помогать есть свойственно сердцамъ.
Вѣкъ добродѣтелью не льзя излишне славить:
Тѣмъ паче, друга льзяль въ мученïяхъ оставить?

Могу ль отчаянье твое я зря снести,
Коль добродѣтель мнѣ есть способъ соблюсти?
Священной дружбы долгъ свершить я приступаю,
Любезный другъ, тебѣ Заиду уступаю.

МИЛОНЪ.

Чтобъ я лишилъ тебя возлюбленной твоей?
Чтобъ я спокойствїе твоихъ разрушилъ дней,
И послѣ въ горести въ раскаяньи терзался,
Всемѣстно во стыдѣ и злобѣ признавался?
Чтобъ каждый мучась часъ въ содѣланной винѣ,
Спокойства не имѣлъ я ни въ какой странѣ?
Нѣтъ! совѣсть никогда терзаться не престанетъ:
Мнѣ каждый уже шагъ напоминать то станетъ,
Сколь звѣрски поступилъ за дружбу я твою.
Такъ въ угрызенїяхъ влача всю жизнь свою,
Любовь въ отчаяньи мнѣ будетъ смерти зляе:
И та, которая мнѣ жизни днесь миляе,
Единый ужасъ лишь мнѣ станетъ наводить.
Ахъ, другъ мой! страсть меня умѣла ослѣпить;

Но

Но добродѣтели для ней не позабуду.
Съ какимъ я окомъ зрѣть тогда на свѣтъ сей буду,
Когда не устыжусь невѣсты взять твоей?
Забуду ли я то, что сдѣлалъ ты для ней?
Гдѣ смерть ужасная межъ войсками летала,
Заида тамъ въ тебѣ защитника сыскала:
Ты спасъ съ невинностью ея прекрасны дни.

МОДЕСТЪ.

Коль малы права тѣ для нѣжности одни!
Когда другихъ путей я къ сердцу не имѣю,
Что пользы въ томъ, что я любовію къ ней тлѣю?
Я страстію моей влеку ея къ слезамъ:
Ты могъ понравиться, мой другъ, ея глазамъ.
Коль склонность въ васъ сердца взаимно съединяетъ:
Супружество сіе судьба благословляетъ.
Почтожъ препятствовать союзу мнѣ сему?

МИЛОНЪ.

Оставь хоть малую честь другу своему,
Чтобъ крайности я былъ въ отчаяньи избавленъ.
Единый способъ мнѣ судьбою предоставленъ,

Всѣ слѣдствïя пресѣчь содѣланнаго зла:
Заида, знаю я, тебѣ еще мила.
Изъ дружества ко мнѣ ея ты уступаешь,
Великодушïемъ меня симъ исправляешь.
Съ стыдомъ и съ ужасомъ я зрю мою вину:
Самъ преступленïе и страсть свою кляну,
И навсегда уже Заиды отрекаюсь,
Едино дружество я возвратить стараюсь.
Коль хочешь щастливымъ меня ты учинить,
Что медлить вамъ еще, и душу мнѣ томить?
Свершай севодни бракъ, будь щастливымъ супругомъ:
Я честность возвратя останусь вашимъ другомъ.
Симъ средствомъ лишь однимъ спокоится мой духъ.

МОДЕСТЪ.

Ты щастье возвратилъ мнѣ симъ, любезный другъ.
Коль страстïю моей я дружбы не смущаю,
Сугубо радости я въ сердцѣ ощущаю,
И искренность моя извѣстна божеству.

МИЛОНЪ.

Пойдемъ, любезный другъ, и къ брачну торжеству,

Печали прекратя, велимъ приготовляться.

[Къ сторонѣ.]

Презлополучный день! . . . возможно ль не терзаться?

МОДЕСТЪ.

А ты прекрасной то Заидѣ объяви,
Что къ большей радости, въ безмѣрной къ ней любви,
Ты самъ вручить ея, мой другъ, мнѣ удостоишь.

[Уходитъ.]

МИЛОНЪ.

О честь! сколь дорого душѣ моей ты стоишь?

ЯВЛЕНІЕ XI.

МИЛОНЪ *[одинъ.]*

Довольноль жертвы я симъ дружеству принесъ?
Колико горестей, мученія и слезъ,
Нещастная любовь, ты сердцу причинила? . . .
А ты, которая меня столь полюбила,
Съ какимъ ты ужасомъ воспріимешь вѣсть сію?
Предвижу съ трепетомъ всю горесть я твою:
Пред-

Предвижу, чувствую твое я огорченье.
О небо! зри мое несносное мученье,
И крѣпости меня въ сей скорби не лиши:
Да торжествуетъ честь надъ слабостью души.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЗАИДА и МИЛОНЪ.

МИЛОНЪ.

Ты зришь душѝ моей несносное смущенье.
Коль любишь ты меня, исполнь мое прошенье:
Я стражду, мучуся; но долженъ дружбѣ симъ.

ЗАИДА.

Ты долженъ варварству желанїемъ своимъ:
Давно ль у ногъ моихъ въ любви ты заклинался?

МИЛОНЪ.

Къ смертельной горести я страстью ослѣплялся.
Не понимая самъ намѣренїй своихъ,
Я другу измѣнилъ. Съ тѣхъ поръ въ мученьяхъ злыхъ,
Стыжусь я самъ себя, и мучусь повсечасно.
Мнѣ состоянїе мое теперь ужасно.
Изобличаетъ стыдъ меня въ моей винѣ;
А преступленье то еще пріятно мнѣ.

И

И въ часъ, когда въ немъ умъ свирѣпства обрѣтаетъ,
Твой образъ у меня на сердцѣ обитаетъ,
Какъ душу я тебя, дражайшая, люблю;
Но ахъ! любя тебя, я друга погублю.

ЗАИДА.

Ты любишь? и мои напасти умножаешь?
Ты любишь? и меня съ собою разлучаешь?
Жестокій! сердце тамъ конечно не горитъ,
Гдѣ дружество любви сильняе говоритъ.

МИЛОНЪ.

Кто дружбѣ измѣнитъ, въ чемъ можетъ быть тотъ вѣренъ?
Что жаръ любви моей къ тебѣ еще чрезмѣренъ,
Ты видишь изъ тоски, въ которой стражду я;
Но побѣждать любовь честь требуетъ моя.
Повѣрь, Заида, мнѣ! жаръ страстный погасаетъ:
Завѣса вскроется, прельщенье исчезаетъ.
За страстью слѣдуетъ холодность завсегда:
И съ отвращеніемъ тѣхъ видятъ иногда,
Которыхъ божествомъ въ любови почитаютъ.
Но въ добродѣтели премѣнъ не обрѣтаютъ.

Испол-

Исполненъ горестью, любовью ослѣпленъ,
Какъ ни страдаетъ духъ; но честью под-
крѣпленъ,
И дружбу свято чтя, не можно мнѣ таиться:
Я долженъ навсегда съ тобою разлучиться.
Съ какимъ я ужасомъ возмогъ сіе сказать!
Вини, жалѣй меня; но тщись позабывать.

ЗАИДА.

Жестокій, варварствуй, славь честность,
притворяйся,
Губи любовницу и дружбой величайся;
Что можешь болѣе мнѣ къ бѣдству совершить,
Коль сердца своего стараешся лишить?
Плѣнившися тобой, я страсть къ тебѣ пи-
тала;
Въ тебѣ единомъ жизнь свою я почитала.
Ты выше смертнаго казался мнѣ въ глазахъ:
Прошло прельщенье то, осталась я въ слезахъ.
Ты милъ суровымъ мнѣ: чтожъ былъ бы ты
мнѣ страстнымъ?
Въ сей часъ, въ сей злѣйшій часъ, къ му-
ченьямъ мнѣ ужаснымъ,
Когда надежду я, когда я жизнь гублю,
Жестокій, и тогда еще тебя люблю.

Но

Но естьли страсть моя тебя къ бѣдамъ
приводитъ,
И преступленїе твой разумъ въ ней находитъ:
Прости мнѣ, что тебя старалась я склонить.
Одной лишь милости осмѣлюсь я просить:
Для слезъ сихъ - - - согласись меня отсель
уволить,
Модестъ меня здѣсь жить не можетъ при-
неволить.
Я лучше въ бѣдности хочу весь вѣкъ прожить,
Всечасно въ горести терзаясь слезы лить,
И подаянїемъ всю жизнь свою кормиться;
Но вѣчно не могу съ другимъ соединиться.

МИЛОНЪ.

Но облегчаешь ли ты симъ напасть мою?
Се преступленїе я паче познаю!
Я стражду въ совѣсти, тебя стеняшу вижу;
Жалѣю о тебѣ, себя самъ ненавижу.
Нарушилъ дружбы долгъ, невольникъ сталъ
страстей,
И буду мерзостью на вѣкъ честныхъ людей.
Вотъ крайность, къ каковой я привлеченъ
сталъ страстью!
Есть путь, дражайшая, намъ къ истинному
щастью:
Пре-

Преодолѣемъ страсть, другъ друга столь любя,
И будемъ славы тѣмъ достойны и себя.

ЗАИДА.

Какой ты славы мнѣ желаешь преужасной?
Не славу, смерть сулишь Заидѣ ты нещастной.
Не сей въ любви своей имѣла я предметъ.
На свѣтѣ для меня двоихъ Милоновъ нѣтъ;
И небо прелесть всю въ тебѣ соединило.
Но естьли бъ тысяча тебѣ подобныхъ было;
Жестокій, сердце я имѣю лишь одно,
А сердце то тебѣ на вѣки отдано.

МИЛОНЪ.

Заида вспомяни - - Модестъ тобою тлѣетъ:
Онъ права надъ тобой священныя имѣетъ.

ЗАИДА.

Я покровителя себѣ имѣя въ немъ,
Признаніемъ должна, а болѣе ничѣмъ.

МИЛОНЪ.

Ты прежде въ немъ свое все щастье почитала;
И жизнь - - -

ЗАИДА.

Тогда еще Милона я не знала.

МИЛОНЪ.

Знать, предпрїяла ты Модеста погубить.

ЗАИДА.

Я предпрїяла вЪ вѣкЪ преступницей не быть.

МИЛОНЪ.

Но для чего тебѣ МодестЪ столь непрїятенЪ?
ОнЪ младЪ, богатЪ, пригожЪ, уменЪ, довольно знатенЪ:
Чегожъ желать еще осталося кЪ сему?

ЗАИДА.

Чтобъ нравился, какЪ ты, онЪ сердцу моему.
Мой разумЪ, чувства, мысль, наполнены тобою.
Что я кЪ погибели назначена судьбою,
ВЪ отчаяньи моемЪ теперь то ясно зрю;
Но видя смерть мою, еще тобой горю.

МИЛОНЪ.

ТакЪ бѣдствїе мое мнѣ стало неизбѣжно.
Знать, духЪ твой столь жестокЪ, колико сердце нѣжно.

Изслѣ-

Изслѣдуй сердце ты и мысль свою теперь.
Мнѣ къ гробу на конецъ отверста стала дверь:
Раскаянье во мнѣ несносно душу мучитъ.
Когда мой другъ твоей руки днесь не получитъ,
Котору безъ меня конечно бы имѣлъ:
Сей будетъ горькій часъ судьбы моей предѣлъ.
Виновникъ общихъ бѣдъ, рушитель ставъ прїязни,
Безчестно имя мнѣ ужаснѣй всякой казни.
Въ послѣдни я прошу, столь горестно стеня:
Соединися съ нимъ, спасаючи меня - - -
Я вижу что мое прошенїе напрасно:
Отчаянье мое ты множишь повсечасно.
О Боже! что въ отвѣтъ Модесту я скажу?
Трепещетъ духъ во мнѣ -- взоръ меркнетъ -- я дрожу.
Всего лишился я, и помощи не вижу:
Несносенъ я себѣ, и свѣтъ сей ненавижу.
Почто поносны дни мнѣ долѣе беречь?
Пусть кончитъ жизнь мою сей смертоносный мечь.

[Вынимаетъ шлагу и хочетъ заколоться.]

ЗАИДА.

[вырывая шлагу.]

Постой! - - - я болѣе собою не владѣю:
Живи и учреждай ты жизнію моею.
Коль жизнь твою спасти иной не льзя цѣной,
Я обѣщаюся Модесту быть женой;
И жертвуя тебѣ, ему вручаю руку.
О Боже! видишь ты мою несносну муку.

ЯВЛЕНІЕ II.

МИЛОНЪ, ЗАИДА и МОДЕСТЪ.

МИЛОНЪ.

Примай изъ рукъ моихъ сей драгоцѣнный даръ,
Я долгъ исполнилъ свой, вѣнчай ты страстный жаръ.
Она супругой быть твоею обѣщаетъ.

МОДЕСТЪ.

Всѣ горести мои судьбина прекращаетъ.

ЗАИДА.

[къ сторонѣ.]

Но смерть готовитъ мнѣ.

МО-

МОДЕСТЪ

[къ Заидѣ]

Могу ли льстить себя,
Что пламенно всегда Заиду я любя,
Желанна щастїя сталъ нынѣ я достоинъ?

ЗАИДА.

Когда Милонъ сказалъ: ты можешь быть спокоенъ.
Я слово давъ, иду съ тобой ко олтарю.

МОДЕСТЪ.

Съ какимъ я трепетомъ съ тобою говорю!
Смущенїе твое тревожитъ духъ мой страстный,
Ты плачешь - - слезы мнѣ твои теперь опасны.

ЗАИДА.

Я плачу вобразивъ судьбину дней моихъ.
Излишество ко мнѣ всѣхъ милостей твоихъ
Какъ много горести моей ни уменьшаетъ;
Но сердце - - -

МОДЕСТЪ.

Рѣчь твоя во мнѣ ихъ умножаетъ.
Учтивость такова являетъ ясно мнѣ,
Что научилась ты притворству въ сей странѣ.

Оставь, дражайшая, обычаи наружны:
Для добродѣтельной души они не нужны.
Ты откровенностью сердца къ себѣ влекла,
И искренна доднесь всегда со мной была;
Теперь не то я зрю (прости мнѣ, естьли слово
Мной сказанно тебѣ покажется сурово,)
Не упрекаю я, сказавъ, что я скорблю:
Ты знаешь то сама, какъ я тебя люблю.
Легко тревожится любовникъ, естьли нѣженъ:
И чѣмъ сильняй въ комъ страсть, тѣмъ меньше онъ надеженъ.

ЗАИДА.

Я все исполню то, что долгъ и честь велитъ:
Нѣтъ нужды, сердце то отъ склонности льститъ.
Здѣсь больше, можетъ быть, невѣсты обѣщаютъ,
Пріятностію словъ они сердца прельщаютъ:
Я прелестей имѣть обманчивыхъ не льщусь.
Знай, вѣрность я къ тебѣ хранить всегда потщусь,

И

И больше, можетъ быть, сдержу я данно слово.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

МОДЕСТЪ, МИЛОНЪ, ЧЕСТАНА и ЗАИДА.

[Два лакея входятъ съ Заидою.]

ЧЕСТАНА.

Что медлите вы здѣсь? все къ торжеству готово:
Осталось договоръ вамъ только подписать.
Всѣ ожидаютъ васъ: ступайте бракъ свершать.

ЗАИДА.

Такъ скоро?

МИЛОНЪ.

Боже мой!

ЗАИДА.

Милона я теряю!

МОДЕСТЪ.

Что зрю я?

ЧЕСТАНА.

О судьба!

ЗАИДА.

Нѣтъ силъ: я умираю.

[Упадаетъ въ креслы.]

МИЛОНЪ.

[бросясь къ Заидѣ.]

Заида! - - -

МОДЕСТЪ.

О судьба! за что я такъ сраженъ,
Слезами, ужасомъ отвсюду окруженъ?
Что сдѣлалося здѣсь? - - - Что сталося со мною?
О страсть нещастная! ты бѣдствій сихъ виною.

[Къ Милону.]

Ахъ, другъ мой! ты меня едва не погубилъ.
Какое бѣдствіе ябъ съ вами совершилъ?

[Къ Заидѣ.]

Взгляни дражайшая, почто ты такъ страдаешь?
Иль свойства своего Модеста ты не знаешь?

ЗАИДА.

[Оламятовавшись.]

Милонъ, гдѣ ты? -- Модестъ! -- ахъ сжалься надомной:
Не оправдаться я стараюсь предъ тобой.
Ты тайну знаешь всю: любовь моя открылась,
Прости, что въ страсти я передъ тобой шаилась.

При-

Притворство оное мнѣ первое въ мой вѣкъ,
Меня Милонъ тебѣ супругою нарекъ.
Хоть склонности къ тебѣ я въ сердцѣ не имѣла,
Покой твой сохранить и честь свою хотѣла.
Но страстная любовь все то превозмогла:
Я вижу, сколько я смятенья навела - - -
Кто жъ могъ бы чувства скрыть, любовника лишаясь?
Въ немъ жизнь теряла я - - - ты зришь меня смущаясь.
Спасенїе мое въ достоинствахъ твоихъ:
[Становится на колѣни.]
Смягчись на горести, на токи слезъ моихъ.
Ты честенъ, жалостливъ, ты любишь добродѣтель:
Не будь нещастїю ты плѣнницы содѣтель.
Что властенъ ты надъ мной, я знаю то давно;
Но сердце склонностью Милону отдано.
Я покровителя въ тебѣ съ признаньемъ вижу;
Супругой ставъ твоей, тебя возненавижу.
Какъ другу, какъ отцу, я всѣмъ тебѣ должна:
И естьли въ жертву жизнь моя тебѣ нужна,
Съ охотой за тебя я умереть желаю,
Позволь лишь сердце дать тому, кѣмъ я пылаю.

Твой видъ смягчается. . . . вѣщай Модестъ:
рѣши,
Чего мнѣ должно ждать.

МОДЕСТЪ.

Спокойствія души,
И щастья, коего Заида ты достойна.
Забудь печаль свою, и будь теперь спокойна.
Когда мой другъ твоей предметомъ сталъ
любви:
Онъ будетъ твой супругъ, ты щастливо
живи.

ЗАИДА.

Ты жизнь мнѣ симъ, Модестъ, въ другой разъ
возвращаешь.

МОДЕСТЪ.

Я здѣлалъ дружбы долгъ.

МИЛОНЪ.

Нѣтъ, мой другъ! ты лишаешь
Меня чрезъ то отрадъ. Хотъ склонность
васъ дѣлитъ;
Мнѣ честность наконецъ разстаться съ ней
велитъ.

МОДЕСТЪ.

Ты заблуждаешся, и худо понимаешь
Уставы честности, которы почитаешь.
Ты

Ты мнишь тѣмъ опыты мнѣ дружества явить,
Что хочешь мнѣ свою любезну уступить.
Мнѣ ль пользоваться тѣмъ? . . . Мой другъ,
я страсть питаю;
Но истинну и честь любви предпочитаю,
И не хочу себя въ тиранствѣ упрекать.
Гдѣ жъ добродѣтели на свѣтѣ намъ искать,
Когда не будемъ мы повелѣвать собою?
Заида для тебя назначена судьбою. . . .
Какъ другъ, тебя прошу о томъ усердно я:
Вѣнчайте страсть свою и будьте мнѣ друзья.

МИЛОНЪ.

Стыдяся самъ себя, слова твои я внемлю:
Стыдясь любви своей, Заиду я пріемлю.
Великодушный другъ! . . . но ты не все
свершилъ:
Есть люди, коихъ ты спокойствія лишилъ.
Ахъ! естьли щастіе тебѣ друзей священно:
Такъ знай, оно еще теперь не совершенно.

МОДЕСТЪ.

Что должно дѣлать мнѣ? вѣщай любезный
другъ.
Кого я оскорбилъ? ты возмущаешь духъ.

МИ-

МИЛОНЪ.

Честану.

МОДЕСТЪ.

Я?

ЧЕСТАНА.

Увы!

МИЛОНЪ.

Она тобой пылаетъ.

ЗАИДА.

АхЪ!

МИЛОНЪ.

Ежели мой другъ мнѣ щастїя желаетъ:
Верьхъ радостей моихъ ты тѣмъ мнѣ учинишь,
Когда сестру мою съ собой соединишь.
Съ тѣхъ поръ, какъ дружество межъ нами ушвердилось,
Намѣренье мое всегда къ сему клонилось.
Свершай ты оное. . . . вѣрь мнѣ, любезный другъ:
Не можетъ безъ того спокоиться мой духъ.
Мученья съ ней дѣля душа моя томится.
Доколѣ бракъ ея съ тобой не совершится:

Нѣтъ

Нѣтъ щастья для меня. Къ спокойству нашихъ дней,
Будь другъ мнѣ, будь мнѣ зять, соединися съ ней.

МОДЕСТЪ.

Со удивленіемъ, мой другъ, я не скрываюсь,
Внималъ я рѣчь твою, и прямо признаваюсь,
Что страненъ для меня премѣнный случай сей.
Но какъ между любви и должности моей,
Мнѣ честь единая путь къ пользѣ изобрала;
Какъ искренность мою къ тому мысль простирала,
Чтобъ щастье истинно я могъ свершить тебѣ:
Я не противлюся и сей уже судьбѣ.

ЧЕСТАНА.

Храни свободу ты. Хоть склонность я имѣла;
Я сердца твоего, а не руки хотѣла.

МИЛОНЪ.

Почто вамъ щастію препятства полагать?

ЧЕСТАНА.

Оставь свободу мнѣ, собою учреждать.

МО-

МОДЕСТЪ.

Прости Честана мнѣ, что я сїе вѣщаю:
Я лестью никогда слова не украшаю.
Что страстенъ былъ иной, ты знала то давно,
И сердце отъ любви едва свобождено.
Когда душа моя къ Заидѣ страсть питала,
То въ сердцѣ у меня ты въ мысляхъ обитала.
Боролся съ страстью я, любовь твою познавъ:
Твои достоинства, поступокъ твой и нравъ,
Прельщали разумъ мой. Хоть жарко кровь кипѣла;
Но дружба истинно ту страсть преодолѣла.
Я жизнь мою тебѣ. . . .

ЧЕСТАНА.

Постой! ты долженъ знать,
Что сердцемъ я своимъ умѣю обладать.
Признаюсь, что мой духъ тобой воспламенялся.
Ты зналъ любовь мою; но знать то удалялся.

И

И склонности моей предвидѣвши напасть,
Скрѣпила сердце я, но одолѣла страсть.
Я суетной себя надеждой не ласкала:
Свидѣтельствуюсь имъ, что средства я искала,
Ихъ страстную любовь межъ ними разорвать.
Что ты мнѣ милъ еще, не буду я скрывать;
Но страсть моя теперь меня не ослѣпляетъ:
Честана быть твоей супругою желаетъ;
Но прежде долженъ ты всю искренность явить,
И нѣжностью своей меня достойнымъ быть.

МОДЕСТЪ.

Честана ты меня симъ словомъ восхищаешь:
Ты съ добродѣтелью страсть нѣжну соглашаешь.
Какому сердцу льзя противиться тебѣ?
Сколь много долженъ я моей теперь судьбѣ!
Разсудокъ, дружество, мнѣ ясно то являютъ,
Что небеса меня тобою награждаютъ.
Раздравши завѣсу моихъ прельщенныхъ глазъ,
Зрю заблужденія любви я въ первый разъ...
Владѣй, прекрасная, и сердцемъ ты и мною,
И щастья моего будь навсегда виною.

МИ-

МИЛОНЪ.

Всѣ радости мои совершены теперь.

МОДЕСТЪ.

Чего вамъ ждать еще? отверста въ храмъ дверь.
Любовь и искренность сердца въ васъ соглашаютъ:
Пускай предъ олтаремъ любовь сію вѣнчаютъ.
А я усердіемъ, и жертвами услугъ,
Потщуся умягчить въ ней оскорбленный духъ.
Коль оскорбленія Честана позабудетъ,
День брака нашего днемъ щастія мнѣ будетъ.

МИЛОНЪ.

О дружба, даръ небесъ, отрада душъ честныхъ!
Тебѣ мы должны всѣ блаженствомъ дней своихъ.
Кто другомъ можетъ быть, бываетъ благодѣтель:
А всѣхъ начало благъ, честь, правда, добродѣтель.

КОНЕЦЪ ДРАМЫ.

ДРУГЪ НЕЩАСТНЫХЪ,

СЛЕЗНАЯ

ДРАМА.

МИХАЙЛА ХЕРАСКОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПРЕЧЕСТЪ, главный судія.

СВѢДОНЪ, дворянинъ.

МИЛАНА.

ПАМФИЛЪ.

ДВА МАЛЬЧИКА.

ЗЕЛИТЪ.

ПОЛИЦЕЙСКІЕ СЛУЖИТЕЛИ.

ДРУГЪ НЕЩАСТНЫХЪ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ горницу, гдѣ видна сущая бѣдность; вдали за ветхимъ завѣсомъ колыбель и лукъ соломы, на которой лежатъ два мальчика, посреди горницы прялка.

МИЛАНА *[подходя къ прялкѣ.]*

Заря уже началась; скоро солнце къ большему нашему огорченію всю нашу бѣдность освѣтитъ; оно отгонитъ сонъ отъ гладомъ утомленныхъ моихъ нещастныхъ братьевъ. - - Ахъ! спите бѣдные младенцы; и лутче спите вѣчно, чемъ для слезъ и страданія пробуждатися --- мы сей день будемъ безъ пищи. - - О! горестный день, на что ты начинаешся. - - Но братья мои оба стонутъ.

нутъ. - - Какіе удары моему сердцу! чемъ ихъ успокою? - - Мы ничего не имѣемъ, а они всего требуютъ. О! любезная мать, почто столь безвременно ты насъ покинула! - - Но они опять уснули. Вотъ минута моего успокоенія! начну опять работу *[садится за работу.]* Увы! сладкій сонъ; ты щастливымъ приличенъ. - - - Бѣдные братья! они страждутъ. - - Но батюшка уже вышелъ изъ дома; чувствительныя сердца могутъ ему помóчь. Ахъ! должна ли я надѣяться на подаянія, когда и за труды наши ничего не получаемъ; нынѣ будто всѣ въ бѣдность пришли, и мы будто изъ человѣчества изключенны; всѣ отъ насъ бѣгутъ, и нашей работы не требуютъ. О! пагубное рукодѣліе! ты не насыщая насъ только долги наши умножаешь, ты полезно при общемъ изобиліи и роскошахъ, а при недостаткахъ ты излишнее бремя нещастнымъ. О! бѣдность, бѣдность! сколь ты ужасна. Какіе сыскивать способы! куда итти! не уже ли вдаться въ омерзительную жизнь, которая стыдъ и казни за собою привлекаетъ? - - - О! Небо от-

отдали отъ насъ и мысли на беззаконія влекущія. Ахъ! лутче честная смерть, нежели безстыдная жизнь --- кто ето? не отецъ ли? нѣтъ. Увы! ето нашъ врагъ! пропали мы --- Онъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЗЕЛИТЪ и МИЛАНА.

ЗЕЛИТЪ *[со суровостью.]*

Когда вы заплатите мнѣ тѣ деньги, которыми два года вы мнѣ должны; отдайте ихъ, или вы. . . .

МИЛАНА.

Чемъ заплатить ихъ можемъ? взгляни на наше бѣдное жилище, примѣть всѣ недостатки наши, почувствуй всю нашу нужду; и сжалься надъ нами ---

ЗЕЛИТЪ.

О! я чужой нужды не чувствую, и на вашу бѣдность не смотрю; отдайте мои деньги, и живите какъ вы знаете.

МИЛАНА.

Ахъ! сжалься надъ бѣдными дѣтьми, моими братьями, которые уже другой день ничего не ѣли, и которые должны умирать съ голоду; сжалься для имени Бога. *[Бросается на колѣни.]*

ЗЕЛИТЪ.

Не сжалюсь, не сжалюсь! вотъ какое требованїе! не взыскивай своихъ денегъ. Въ тюрьму!

МИЛАНА.

Но мои братья - - Они умрутъ - - Посмотри на нихъ, они спятъ, и своего нещастїя не чувствуютъ. - - Поди посмотри на нихъ!

ЗЕЛИТЪ.

Что мнѣ до нихъ нужды? я долгу своего требовать, а не братьевъ твоихъ смотрѣть пришелъ; отдай деньги, или за отца ты ступай въ работу: ступай, я ничего не слушаю.

МИЛАНА.

Постой не тащи меня, дай мнѣ въ послѣдней разъ оплакать моихъ братьевъ, и про-

проститься съ ними; пусти меня! *[она уходитъ за завѣсу.]*

ЗЕЛИТЪ.

Поди; но ты отъ меня не уйдешь, и я конечно мои деньги сего дня возвращу, чего бы ето всѣмъ вамъ ни стоило. Я слава Богу имѣю твердое сердце и на женскія слезы не смотрю, а когда бы не такъ, то и я скоро бы нищимъ сдѣлался; не ушло ли кто ни поплачетъ, тому и долги прощать; нѣтъ я не такъ чувствителенъ.

МИЛАНА *[выбѣгаетъ держа на рукахъ слящаго меньшаго своего брата, обвитаго леленками.]*

Етотъ еще спитъ, посмотри на него, какъ ты меня разлучишь съ нимъ? увы! онъ умретъ, посмотри, какъ онъ сухъ, блѣденъ! - - -

ЗЕЛИТЪ *[отворачиваясь, и скрѣлляя себя, говоритъ прежде тихо.]*

Такими уловками она и меня въ жалость привести можетъ; укрѣпимся, *[Милан.:]* отдай

дай мои деньги я говорю, или брось ешова робенка; и ступай за мною въ тюрьму. Ежели отецъ твой захочетъ, онъ тебя самъ собою замѣнишь придетъ; ступай!

МИЛАНА.

Праведный Боже! что мнѣ теперь дѣлать? Ахъ! постойте на часъ; бѣдные брашья умирайте, и скончавъ жизнь вашу возопите къ Богу на причинителя безвременной вашей смерши; ахъ! бѣдный отецъ, нещастные дѣти! позволь Зелитъ мнѣ его отнесшь. - - Боже! что съ нами дѣлается!

[Она уходитъ.]

ЗЕЛИТЪ.

Отнеси, отнеси - - - ешо жалко, но свои долги терять умному человѣку еще жалчае; захотятъ рабошать, право откупятся - - - что смотрѣшь на вздохи и печали? ешо все слабосшь! а деньги мои! вотъ ешо важносшь! но вотъ она, ну! ступай за мною, шы довольно пригожа, что бы - - -

МИЛАНА.

Злодѣй! не ругайся бѣдносшію; шы чесшь мою порщаешь!

ЗЕ-

ЗЕЛИТЪ.

Ахъ! у нищихъ будто честь и добродѣтель бываетъ.

МИЛАНА.

Ежели бы я подобную твоей душу имѣла, и совѣсть моя отъ нападенїя гнусныхъ пороковъ не защищалась; я конечно бы у ногъ твоихъ теперь не лежала; безстыднымъ средствомъ какъ и другїя собрала бы имѣнїе, и беззаконнымъ ростомъ, какъ ты, его умножила; была бы у испорченныхъ сердецъ въ почтенїи, не краснѣла бы слушая непристойныя рѣчи; но мои благородныя мысли.

ЗЕЛИТЪ.

Ступай же съ благородными мыслями въ каторжную работу. *[Тащитъ ее.]*

МИЛАНА *[обороняясь.]*

Постой! постой беззаконный человѣкъ! дай мнѣ свободу -- Я заплачу твой долгъ. -- *[Снимаетъ у себя съ шеи ленточку, на которой прицелленъ маленькой ящичекъ.]* На! возми ето за твои деньги; мнѣ моя матушка кончаяся ето отдала, и сказывала, что

ета коробочка золотая, что въ ней заключается какая то важность, и что бы я безъ нужды ни кому ее не отдавала. - - - Ахъ! конечно она бѣдная предчувствовала, что мы будемъ въ такой нуждѣ, и для того хранить ее мнѣ приказывала. На! возми, ето твоихъ денегъ стоитъ. Возми!

ЗЕЛИТЪ.

Ежели ета коробочка подлинно золотая; то я о томъ увѣрясь, подожду на васъ дни три моего долгу.

ЯВЛЕНІЕ III.

МИЛАНА *[одна.]*

Милосердый Боже! ты меня вразумилъ съ этимъ беззаконнымъ человѣкомъ толь щастливо раздѣлаться, освободишь домъ нашъ отъ послѣдней погибели, спасти отца и меня отъ вѣчнаго по нашей нищетѣ заключенія, и братьевъ моихъ отъ мучительной и жалостной смерти. О! нещастные младенцы! О любезный мой отецъ! кровь мою пролить бы я готова для вашего изкупленія;

нїя; пожалѣю ли я моихъ ради васъ украшенїй? они мнѣ теперь не нужны, а нужны вамъ мои руки и труды мои. Бѣдныя! не плачутъ ли они? нѣтъ, пусть они еще уснутъ - - тѣмъ меньше свою бѣдность чувствуютъ. Сяду работать *[садится]*, не проснулись ли они? *[встаетъ]* Что ето стучитъ? ахъ! ето батюшка!

ЯВЛЕНІЕ IV.

МИЛАНА и ПАМФИЛЪ *[идетъ въ отдаленїи съ хлѣбомъ и деньгами.]*

МИЛАНА *[бросясь къ нему.]*

Батюшка! ето ты - - - но что съ тобой сдѣлалось? Ахъ! конечно ты неможешь; ты блѣденъ; волосы твои поднялись! стонешь! ахъ! ты умираешь! - - - - молчишь!

ПАМФИЛЪ *[ловергнувъ хлѣбъ и деньги.]*

Возмите сїи деньги, и сїю пищу злодѣйствомъ моимъ оскверненную!

МИ-

МИЛАНА.

Батюшка! что я вижу! у тебя пистолетъ въ рукахъ? но нѣтъ, ты честенъ.

ПАМФИЛЪ *[бросясь на скамейку.]*

Нѣтъ! я злодѣй!

МИЛАНА *[упавъ къ его ногамъ.]*

Ахъ! что ты сдѣлалъ?

ПАМФИЛЪ.

Ограбилъ человѣка! я преступникъ!

МИЛАНА.

Боже мой! что я слышу! Ахъ! что тебя къ этому принудило?

ПАМФИЛЪ.

Близкая смерть моихъ младенцевъ! твое страданіе, и мое злощастіе!

МИЛАНА.

И ты убилъ человѣка?

ПАМФИЛЪ.

Нѣтъ! я принудилъ его отдать мнѣ все, что онъ имѣлъ съ собою. Я - - я отнялъ его деньги, и купилъ пагубную сію для васъ пищу,

пищу, которая мерскую смерть приключитъ мнѣ вскорѣ.

МИЛАНА.

О бѣдность! до чего ты людей доводишь! какъ ты могъ приступить къ такому злодѣянїю спокойно?

ПАМФИЛЪ.

Трепеталъ! колѣни мои дрожали, глаза мои затмились, голосъ мой въ устахъ моихъ останавлялся; я приближась къ перьвому, кто со мною встрѣтился; не знаю, просилъ или требовалъ кошелька отъ него: онъ увидя пистолетъ въ моей рукѣ, отдалъ мнѣ свои деньги, а я остался неподвиженъ, позналъ всю гнусность моего поступка, вообразилъ казни предъ собою; и ежели бы не вспомнилъ о васъ, бѣжалъ бы все возвратить. Но ахъ! дѣти мои, для васъ учинился я злодѣемъ, и съ охотою для васъ умереть хочу. - - Пишайтесь.

МИЛАНА.

О! добродѣтельнѣйшїй преступникъ! О! чувствительнѣйшїй отецъ, успокойся! нѣтъ: мы не вкусимъ отъ сея пищи, въ которой смерть

смерть твоя заключается; она въ ядъ намъ обратится - - - Возми, возми все сіе; бѣги, ищи того человѣка, котораго ты ограбилъ, упади къ ногамъ ево, проси у него прощенія, бѣги и отдали отъ нашего дома принесенную намъ жизнь, казни и поношеніе знаменующую.

ПАМФИЛЪ.

Добродѣтельная и нещастная Милана, дѣло уже злѣлано; увы! и я вѣчнымъ осташюсь злодѣемъ; совѣсть моя страждетъ; но сердце умерщвляется жалостію, когда воображу, что вы отъ голода погибаете.

МИЛАНА.

Не умремъ мы отъ голода; Ахъ! батюшка, вынеси изъ нашего дома сію заразу, тебя отъ насъ отнимающую, и всѣхъ насъ убивающую стыдомъ, поношеніемъ и не минуемой смертью, вынеси и брось ее - - - Я еще надежду на пропитаніе имѣю; пойду подъ окнами просишь милостыню, стану въ ногахъ лежать у человѣколюбцовъ, буду рыдать и сказывать о нашемъ горестномъ состояніи, можетъ быть люди сжалятся; что

что выпрошу, то принесу въ домъ твой, раздѣлю съ тобою, и съ братьями.

ПАМФИЛЪ *[бросясь къ ней и обнявъ.]*

Увы! нещастная! тебѣ ли прилично ходить по мiру, на то ли ты рожденна? ахъ! еще ты не извѣстна.

ЯВЛЕНIЕ V.

ТѢЖЪ и ПРЕЧЕСТЪ *[отворя потихоньку двери, со шлагою входитъ провождаемый полицейскими.]*

ПРЕЧЕСТЪ.

Такъ ето онъ! я нашелъ его.

ПАМФИЛЪ.

Кто ето входитъ? Ахъ! ето тотъ, кто мною ограбленъ! главный судья нашего города.

МИЛАНА *[безъ памяти уставъ на скамью.]*

Увы! мы потибли!

ПАМФИЛЪ *[на колѣни бросясь.]*

Исполняй строгость закона надо мною, я на смерть готовъ. Всѣ несчастiя со мною совершились!

ПРЕ-

ПРЕЧЕСТЪ.

СтарикЪ рыдаетЪ! дѣвица въ безпамятствѣ; вездѣ бѣдность видна, какое плачевное позорище! *[Памфилу]* Ты ли ограбилЪ меня.

ПАМФИЛЪ.

Бѣдность моя ограбила тебя.

ПРЕЧЕСТЪ.

Повлеките сего нещастнаго въ темницу. *[Ево хотятъ вести.]*

ПАМФИЛЪ *[вырвавшись.]*

Иду! - - постойте! - - дѣти мои прощайте! увы! нещастная Милана! Боже мой! что вижу! она уже умерла; ахЪ! шѣмЪ она щастлива! прости! - -

МИЛАНА *[ломаясь.]*

Куда . . . батюшка, куда ты идешь? увы! я за тобою слѣдую. *[ухватясь за полу его тащится за нимъ; но его отъ рукъ ее отрываютъ.]*

ПАМФИЛЪ *[уходя.]*

Прости! - - -

МИЛАНА *[въ безпамятствѣ.]*

АхЪ! я умираю.

ПРЕ-

ПРЕЧЕСТЪ.

Какое странное приключенїе! что я вижу! *[глядя на Милану.]* Ето лице мнѣ знакомо: я часто встрѣчался съ нею: увы! въ какой хижинѣ безпримѣрныя красоты скрываются! она въ безпамятствѣ. *[Вынимаетъ скляночку, и даетъ ей нюхать.]* Опомнись прекрасная!

МИЛАНА *[пришедъ въ чувство и осматриваясь на колѣняхъ.]*

Гдѣ батюшка? увы, нѣтъ ево! Государь мой! - - - ахъ! простите сего нещастнаго отца, который для своихъ дѣтей дошелъ до самой крайности; простите ево, и возмите свои деньги; или съ нимъ и насъ заключите!

ПРЕЧЕСТЪ.

Развѣ и ты въ его преступленїи участна?

МИЛАНА.

И я участна! всѣ мы виновны; онъ для насъ все сїе дѣлалъ; мы два дни не ѣли!

М ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЪ и МАЛЕНЬКОЙ СЫНЪ ВБѢГАЕТЪ.

СЫНЪ.

Сестрица, сестрица, дайте мнѣ поѣсть чего нибудь, я умираю! гдѣ батюшка?

ПРЕЧЕСТЪ *[отвращаяся.]*

Боже мой! какое ето состоянїе!

СЫНЪ *[бросаясь къ Миланѣ, и обнимая ее.]*

Но ты плачешь! ахЪ! тебѣ жаль меня; не плачь сестрица; я сынЪ, не плачь, встань; лутче я просить милостыни буду: господинЪ! *[бросясь передъ Пречестомъ на колѣни]* дайте намЪ что нибудь на пропитанїе; мы погибаемЪ - - -

ПРЕЧЕСТЪ *[рыдая самъ поднимаетъ ихъ.]*

Встаньте, встаньте нещастные дѣти! я не для погибели вашей пришелЪ сюда; но хотѣлЪ узнать, какїя причины имѣлЪ онЪ меня ограбить; вижу, что они важны, и его со слезами извиняю; отдаю вамЪ все, что

что онъ получилъ отъ меня; не плачте, и не ненавидьте меня. Я прощаю вашего отца.

МИЛАНА.

Возмите все назадъ, и отдайте намъ его; онъ жилъ вѣкъ свой добродѣтельно, и гнушался именемъ грабителей, а теперь учинился для насъ злодѣемъ, и умретъ за насъ; отдайте намъ ево!

СЫНЪ.

Гдѣ же батюшка?

ПРЕЧЕСТЪ.

Забудемъ нещастїе. - - Правда, что лутче бы просить помощи у людей, нежели грабить ихъ; но часто не чувствуютъ богатые нужды бѣдныхъ и безъ помощи ихъ оставляютъ; я не таковъ, возмите все ето друзья мои; я вамъ дарю то, что прежде уступилъ по неволѣ; пойду свободить вашего отца, и стараться о вашемъ щастїи. Сїи деньги здѣсь для него оставляю; я увѣренъ, что они похищенны не будутъ, исправтесь - - -

МИЛАНА *[упавъ на колѣни.]*

Богъ награди тебя. . . А мы уже теперь щастливы; но я слышу рыданїе меньшаго моего брата; пойдемъ со мною обратно. Прощайте! возмите деньги ваши назадъ, хлѣбъ сей мы принимаемъ отъ васъ въ милостыню, онъ великодушїемъ вашимъ отъ мерскаго поношенїя очищенъ; пойдемъ братецъ! будь *[Пречесту]* вѣчно столько благополученъ, сколько мы тобою на сей часъ благополучны.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПРЕЧЕСТЪ.

Достойна ты лутчей участи, ахъ! ты ее достойна. *[Милана уходитъ]* Но пойдемъ возвратишь сиротамъ нещастнаго отца. О! какъ она прекрасна, и сколько добродѣтельна! *[уходитъ оставляя кошелекъ съ деньгами.]*

Конецъ перваго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПРЕЧЕСТЪ *[въ задумчивости.]*

Для жалостнаго состоянїя и ко исправленїю страждущаго семейства нещастный выпущенъ изъ темницы, онъ спѣшитъ съ лучшей одеждою и пищею къ дѣтямъ, а я предъупреждаю и его моимъ приходомъ! не могу убѣжать отъ прелестей Миланы, они повсюду за мною слѣдуютъ, и часъ отъ часа сердце мое воспламеняютъ сильняе. Чемъ ближе сїя прекрасная дѣвица взору моему представляется, тѣмъ тверже душа моя къ ней прилепиться хощетъ, и я не знаю, добродѣтелями или красотами ее больше плѣняюсь; но чувствую, что то и другое во удивленїе меня приводитъ, я люблю ее - - - коль скорое возгорѣнїе страсти я почувствовалъ. О! непростительная слабость! но я самъ ее стараюсь оправдывать; вижу что люблю! - - - И кого люблю? бѣдную дѣ-

вушку, не имѣющую имени, которую сего дня по утру я порядочно разсмотрѣлъ -- Ахъ! ее отмѣнныя дарованія, толь отмѣнную страсть заслуживаютъ. Она съ братьями теперь въ сѣняхъ, ожидаетъ отца; но вотъ онъ! поговоримъ о ней.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЧЕСТЪ и ПАМФИЛЪ.

ПАМФИЛЪ *[со стремленіемъ, ставъ на колѣни.]*

О! мой избавитель! ты мнѣ жизнь возвратилъ, возвративъ меня дѣтямъ; я ли благодѣяній такихъ достоинъ!

ПРЕЧЕСТЪ.

Твои злополучія достойны сожалѣнія; я хочу тебя учинить совершенно щастливымъ. Возьми эти деньги; въ заплату за ешо требую твоей одной искренности, и добраго согласія.

ПАМФИЛЪ *[подявъ деньги отдастъ ему и потомъ]*

Что вамъ надобно государь мой? повелѣвайте мною какъ рабомъ вашимъ. Я щастливъ

стливъ буду, когда вы увѣритесь, что я худова сердца не имѣю, и что мои несчастія - - -

ПРЕЧЕСТЪ.

Возьми эти деньги себѣ и тѣмъ докажи, что начинаешь меня любить; ахъ! Памфилъ ты щастливъ! ты имѣешь прекрасную дочь! твоя Милана - - -

ПАМФИЛЪ.

Ахъ! государь мой, такой дочери я недостоинъ; она можетъ быть лутчаго отца имѣетъ.

ПРЕЧЕСТЪ.

Какъ! она не дочь твоя?

ПАМФИЛЪ.

Нѣтъ государь мой! не хочу етимъ хвалишься, она не моя дочь!

ПРЕЧЕСТЪ *[съ жаромъ.]*

Кто же ее отецъ? какъ она тебѣ досталась? давно ли у тебя живетъ? другъ мой скажи, я терпѣнїе теряю, чья она дочь?

ПАМФИЛЪ.

Я етого не знаю.

ПРЕЧЕСТЪ.

Какъ! развѣ она - - -

ПАМФИЛЪ.

Отъ васъ я ничего не скрою; другому бы я ни кому въ томъ не открылся. Такъ государь мой, я не отецъ Миланѣ, и не знаю ее родителей. Вотъ какъ все происходило: шеснатцать лѣтъ тому прошло, какъ одинъ молодый дворянинъ, у котораго я малевалъ стѣны, пришедъ въ полночь въ домъ мой, принесъ новорожденнаго младенца, и то была самая Милана; онъ ее ввѣрилъ покойной женѣ моей на воспитанїе, сказавъ ей имя етой дѣвочки, а можетъ быть и природу, о чемъ я никогда не любопытствовалъ. Шесть лѣтъ съ ряду сей господинъ являлся въ моемъ домѣ, и утѣшаясь маленькою Миланою самъ ее воспитывалъ, цѣлые дни съ нею просиживалъ, самъ училъ ее грамотѣ, и любилъ ее какъ дочь, намъ давалъ на содержанїе ее по сту и по двѣсти рублей; мы тѣми деньгами содержались, нанимали изрядный домъ; но уже тому десять лѣтъ, какъ мы сего господина не видимъ, между тѣмъ

жена

жена моя почти вдругъ умерла и неуспѣла, думаю, Миланѣ открыть ее рожденія; а вручила только золотую коробочку, содержащую тайну о ее природѣ. Оную ни подъ какимъ видомъ до нѣкотораго случая открывать она не велѣла; все сіе только знаками она изъясняла. Смерть ее насъ въ крайнюю тоску и бѣдность повергла; ибо она была умна и добродѣтельна. Мы нищи стали, перешли въ сію хижину, и въ томъ состояніи вы насъ увидѣли.

ПРЕЧЕСТЪ.

И такъ Милана не дочь твоя. . . Она не твоя дочь!

ПАМФИЛЪ.

Такъ государь, Милана не моя дочь . . . и я. . .

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЪ и МИЛАНА *[будучи нѣсколько лутче убрана: она при концѣ ихъ разговора у дверей была и вбѣжавъ бросилась на шею Памфилу.]*

МИЛАНА.

Чья же я дочь? Боже мой! одно за другимъ нещастїе, уже и отца я лишаюсь, ахъ! я бѣдная сирота, увы! кому же я принадлежу?

ПРЕЧЕСТЪ.

Не плачь о етомъ прекрасная Милана; мы скоро узнаемъ, кому ты принадлежишь. . . успокойся.

МИЛАНА.

Гдѣ мнѣ находить свое спокойство, оно со всѣхъ сторонъ разрушилось; увы! отецъ мой, не оскорбила ли чемъ тебя Милана? за что отъ меня отрекаешся! нѣтъ, я твоя дочь! и въ тебѣ имѣю моего отца.

ПАМФИЛЪ.

Найди его имя въ той коробочкѣ, которую ты отъ моей жены получила.

МИ-

МИЛАНА.

Въ той коробочкѣ, которую матушка мнѣ отдала, въ шой я найду имя отца моего? увы! нещастная!

ПАМФИЛЪ.

Гдѣ она? откроемъ: не стыдись! сними ее съ твоей шеи.

ПРЕЧЕСТЪ.

Ежели вы опасаетесь меня, то я удалюсь, только вы успокойтесь.

МИЛАНА.

Не удаляйтесь сударь, ета предосторожность теперь не нужна, и я вѣчно моихъ родителей не узнаю.

ПАМФИЛЪ.

Для чего сомнѣваться? снимѝ, и мы ихъ узнаемъ.

МИЛАНА.

Что мнѣ снять? етой коробочки я уже не имѣю.

ПАМФИЛЪ.

Ахъ! Боже мой, гдѣ же она?

МИ-

МИЛАНА.

Я отдала ее.

ПРЕЧЕСТЪ.

Для чего?

ПАМФИЛЪ.

Кому ее отдала, и на что?

МИЛАНА.

Твой долгъ ею заплатила; могла ли я лутче употребить ее, какъ не при такомъ случаѣ?

ПАМФИЛЪ.

Ахъ! что ты здѣлала нещастная! кто былъ сей варваръ, которой сію драгоцѣнную вещь отъ тебя принялъ?

МИЛАНА.

Старый Зелитъ, онъ хотѣлъ тебя или меня въ тюрьму вести изъ денегъ, которыми должны мы ему были, и я съ нимъ расплатилась.

ПРЕЧЕСТЪ.

Какія безпримѣрныя добродѣтели! О! несравненная Милана! ты всего достойна; однако Памфилъ, вотъ деньги, бѣги и выр-

ви

ви сіе сокровище изъ рукъ у безбожнаго лихоимца.

ПАМФИЛЪ.

Стоилъ ли я такого изкупленія! ты себя Милана сею неосторожностью можетъ быть погубила.

МИЛАНА.

Но я тебя отъ заключенія ею избавила.

ПАМФИЛЪ.

Ты отца ею потеряла.

МИЛАНА.

Я въ тебѣ его имѣю; только ты мною не гнушайся.

ПРЕЧЕСТЪ.

Нѣтъ! етого уже много! побѣгай Памфилъ выкупить наше нужное изъясненіе.

ПАМФИЛЪ.

Боже! дай мнѣ успѣхъ въ етомъ. . . *[уходя]* ахъ! какъ она добродѣтельна! ахъ! какъ она добродѣтельна!

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ IV.

МИЛАНА и ПРЕЧЕСТЪ.

ПРЕЧЕСТЪ *[въ сторону.]*

Я весь смущенъ! востревоженъ! и не знаю, что мнѣ начать говорить съ нею.

МИЛАНА.

Государь мой! простите моему безпокойству, въ которое неожидаемой случай. . .

ПРЕЧЕСТЪ.

Милана! ты безпокоишся! чемъ? скажи мнѣ, чемъ ты безпокоишся?

МИЛАНА *[намѣреваясь пасть на колѣни.]*

Что я васъ не возблагодарила, за всѣ излїянныя вами на насъ милости, я за тѣмъ сюда шла; но вашъ разговоръ. . .

ПРЕЧЕСТЪ *[удерживая ее.]*

Что ты дѣлаешь любезная Милана! нѣтъ я не допущу до етого! ты передо мною на колѣняхъ!

МИЛАНА.

Благодарность одну я только имѣю, чемъ отплатить могу за ваши щедроты; она глубоко въ сердцѣ моемъ поселилась.

ПРЕ-

ПРЕЧЕСТЪ.

Ахъ! какъ бы я желалъ, какъ бы я желалъ, чтобы сія благодарность въ другое могла премѣниться!

МИЛАНА.

Она премѣняется, государь мой, иногда во удивленіе къ безпримѣрному вашему великодушію, иногда во пріятное удовольствіе, чувствуя що что есть еще такихъ ошмѣнныхъ добродѣтелей люди, какимъ васъ найти я щастіе имѣла.

ПРЕЧЕСТЪ.

Только ето, только ето шы и чувствуешь? Ахъ! Милана!

МИЛАНА.

Что же должна еще я чувствовать!

ПРЕЧЕСТЪ.

Милана! посмотри на мои глаза, они тебѣ о томъ скажутъ; примѣть перемѣну лица моего, мое смущеніе, трепетъ и робость; и читай изъ того, что въ моемъ сердцѣ происходитъ.

МИ-

МИЛАНА.

Все ето я примѣчаю, и вижу, что ваше сердце многими качествами процвѣтаетъ, что вы бѣдныхъ людей не презираете, что вы любите . . .

ПРЕЧЕСТЪ.

Ты видишь, что я люблю? ахъ! ты ето примѣтила? такъ Милана, я люблю! и люблю. . .

МИЛАНА.

Вспомоществовать страждущимъ людямъ.

ПРЕЧЕСТЪ.

Тебя я люблю, Милана!

МИЛАНА *[упавъ на колѣни.]*

Ахъ! государь мой, не ругайтесь мною и моей добродѣтелью; вспомните, что я сирота, ни отца ни матери неимѣющая; пустите меня отсюда, вы меня оскорбляете.

ПРЕЧЕСТЪ *[поднимая ее.]*

Я тебя оскорбляю! Милана, я ни ково на свѣтѣ оскорблять не умѣю; а ты похитившая мою свободу, ты можешь ли подозрѣвать меня, когда я тебѣ отдаю мое сердце,

це, и руку мою, клянусь тебѣ у ногъ твоихъ.

МИЛАНА.

Встаньте! встаньте государь мой! я слышу шпажный стукъ у нашихъ дверей. Ахъ! можетъ быть человѣкъ погибаетъ, а вы ему не поможете.

[За дверьми слышанъ крикъ: коли, коли его! умирайте злодѣи! ло томъ дверь вдругъ съ трескомъ упадаетъ, и на улицѣ видны три человѣка съ обнаженными шпагами, изъ коихъ одинъ обороняясь входитъ въ комнату, Пречестъ бѣжитъ ему на ломощь, и догоняетъ злодѣевъ.]

ЯВЛЕНІЕ V.

СВЕДОНЪ *[имѣя еще въ рукахъ шпагу]*

Какая печальная встрѣча! Боже мой, за что я такъ нещастливъ!

МИЛАНА. *[лодходя кЪ нему.]*

Государь мой! не ранены ли вы? не надобна ли вамЪ какая нибудь пóмочь?

СВЕДОНЪ.

НѣтЪ, я не раненЪ; но думаю одинЪ изЪ нападающихЪ на меня злодѣевЪ мною поколотЪ, и я долженЪ укрываться.

МИЛАНА.

Вы можете укрышься лутче вЪ домѣ у Пречеста.

СВЕДОНЪ.

Не служанка ли вы сего господина?

МИЛАНА *[со стыдливостїю.]*

А сударь! . . . нѣтЪ я одна бѣдная дѣвушка, которая . . .

СВЕДОНЪ.

Я догадываюсь кто вы; ваше смятенїе мнѣ сказываетЪ о вашемЪ званїи!

МИЛАНА.

АхЪ! вы Пречеста подозрѣваете, ПречестЪ добродѣтеленЪ; онЪ призираетЪ бѣдныхЪ. ВотЪ онЪ!

СВЕ-

СВЕДОНЪ *[Милана уходитъ.]*

Это Пречестъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

СВЕДОНЪ и ПРЕЧЕСТЪ.

СВЕДОНЪ *[со стремленіемъ.]*

Избавитель мой, защитникъ, и сынъ вѣрнаго моего друга, по смерть я тебѣ обязанъ благодарностію за твой великодушный поступокъ. Я Сведонъ.

ПРЕЧЕСТЪ *[съ восхищеніемъ.]*

Это вы, вы добродѣтельный Сведонъ, котораго совѣты и наставленія съ такой пріятностью въ молодости я слышалъ, котораго уже десять лѣтъ не видалъ? Ахъ! какъ я радъ, что вамъ показалъ малую мою услугу *[обнимаетъ его]*, и что дружба отца моего во мнѣ съ вами воскреснетъ! но какъ вы въ городъ сей возратились? и какъ

отъ сихъ бездѣльниковъ нападенїе претерпѣли?

СВЕДОНЪ.

Кровныя нужды привлекли меня сюда; я десять лѣтъ укрываюсь отъ моихъ гонителей, и пріѣхавъ въ городъ сей не хотѣлъ ни кому казаться; а будучи обязанъ сыскать одного надобнаго мнѣ человѣка, пошелъ отдаленными переулками, какъ два бездѣльника, думаю, ограбить меня хотящїе, а можетъ быть отъ моихъ злодѣевъ подкупленные, напали на меня въ концѣ улицы; я обороняясь отъ нихъ дошелъ до дверей, о которыя опершись защищался: дверь отвалилась, и я нашелъ моего избавителя въ моемъ другѣ.

ПРЕЧЕСТЪ.

Ваши грабители скоро наказаны будутъ, и причину своего нападенїя объявятъ; но вамъ пора успокоиться, здѣсь не мѣсто разговаривать, весь мой домъ къ вашимъ услугамъ; пойдемте государь мой, и отдохните нѣсколько у меня.

СВЕДОНЪ.

По внутреннимъ моимъ безпокойствамъ мнѣ теперь отдохновенїе нужно. Я приму смѣ-

смѣлость у васъ на сутки остаться. Больше васъ ни о чемъ не прошу, какъ объ одной комнатѣ, гдѣ бы я могъ успокоиться.

ПРЕЧЕСТЪ.

Все для васъ готово, мой домъ недалеко отсюда.

СВЕДОНЪ.

Я его давно знаю . . . и туда пойду; между тѣмъ извините меня, ежели я нѣсколько часовъ съ вами не увижусь; я не хочу мѣшать пріятному провожденію вашего времени; вы имѣете здѣсь въ домѣ неоцѣненное сокровище, сію прекрасную дѣвицу, которую нечаянно я здѣсь встрѣтилъ; не хочу васъ отъ нее отлучать, останьтесь съ ней, и мнѣ въ дѣлахъ моихъ не мѣшайте.

ПРЕЧЕСТЪ.

Вы говорите о такой дѣвушкѣ, которую недавно я узналъ, которой добродѣтели во удивленіе меня приводятъ, а прелести сердце мое поражаютъ. Ахъ! какъ бы я щастливъ былъ, ежели бы могъ раздѣлить съ нею жизнь мою! но ее неизвѣстное состоянїе.

СВЕДОНЪ.

Я извиняю васъ государь мой; она показалась мнѣ достойною вашей любви, но такъ какъ вы позволили мнѣ другомъ вашимъ называться, то выслушайте при первомъ случаѣ мой совѣтъ: не входите безъ осторожности въ любовную слабость, и прежде нежели вы съ кѣмъ жизнь вашу раздѣлить намѣреваетесь, думайте долго, ахъ! думайте; я вижу, что вы честенъ; и легко можете здѣлать себя нещастнымъ.

ПРЕЧЕСТЪ.

Могутъ ли достоинства, красоты, и безпримѣрныя дарованія учинить кого нещастнымъ?

СВЕДОНЪ.

Могутъ! могутъ! Пречестъ! примѣть мои слезы, и знай, что виною ихъ любовь! такъ, любовь! я самъ испыталъ злополучіе отъ сей пріятной страсти. Ахъ! позвольте мнѣ далѣ не сказывать; я измучусь. Боже мой! утѣшь мое сердце скорымъ свиданіемъ. . . .

ПРЕЧЕСТЪ.

Вы безмѣрно тревожитесь; пойдемте, успокойте ваши мысли.

СВЕ-

СВЕДОНЪ.

Трудно ихъ успокоить; но позвольте мнѣ попросить у васъ на короткое время одного изъ вашихъ служителей, который бы молчать умѣлъ, и былъ добродѣтеленъ.

ПРЕЧЕСТЪ.

Рѣдки таковые! но я одного знакомаго человѣка имѣю, который всегда жилъ здѣсь, и тотъ часъ его къ вамъ пришлю.

СВЕДОНЪ.

Я буду его ожидать; извините мои докуки.

[Уходитъ.]

ПРЕЧЕСТЪ.

Они мнѣ пріятны; успокойтесь государь мой.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПРЕЧЕСТЪ *[одинъ.]*

Что за странныя приключенія нынче мнѣ встрѣчаются? все что ни вижу, что я ни слышу, для меня нерѣшимо; но . . .

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПРЕЧЕСТЪ и ПАМФИЛЪ *[вбѣгаетъ съ смущеніемъ.]*

ПАМФИЛЪ.

Ахъ! государь мой, все пропало: я не могъ отъискать нашей золотой коробочки.

ПРЕЧЕСТЪ.

Какъ? гдѣ она дѣвалась?

ПАМФИЛЪ.

На вѣки пропала; я пришелъ въ домъ къ тому нещастному лихоимцу Зелиту, и въ какомъ плачевномъ состоянїи его увидѣлъ! весь онъ изъязвленъ былъ, омытъ кровью, я подошедъ къ нему спрашивалъ тому причину; умирающимъ голосомъ онъ отвѣчалъ: Богъ наказалъ меня за мою неправду! только я вышелъ изъ твоего дома, получа коробочку отъ твоей дочери, какъ трое злодѣевъ на меня напали, изувѣчили меня, все отняли, и ту коробочку похитили; раны мои смертны, и я жить не могу. Прости Боже мои согрѣшенїя! по томъ онъ замолчалъ; а я проливая слезы, отъ него вышелъ; государь мой! онъ человѣкъ былъ, и могъ бы исправиться.

ПРЕ-

ПРЕЧЕСТЪ.

Что же дѣлать; однако надобно еще постараться: многіе воры забраны въ тюрьму; не найдемъ ли между прочими вещами той коробочки, которая намъ столько нужна.

ПАМФИЛЪ.

Постарайтесь о томъ государь мой, и возмите меня съ собою ради лутчаго примѣчанія.

ПРЕЧЕСТЪ.

Нѣтъ, ты мнѣ нуженъ: по одному нещастному случаю, старинный другъ нашего рода вошелъ въ мой домъ; онъ требуетъ къ его услугамъ добраго человѣка и знающаго здѣшній городъ; ты къ етому способенъ, поди къ нему, онъ отдыхаетъ въ моемъ кабинетѣ, поди мой другъ, и то исполни, чего онъ потребуетъ.

ПАМФИЛЪ.

Радъ я, что заслуживать начинаю ваши милости.

ПРЕЧЕСТЪ.

А я о потерянной коробочкѣ постараюсь.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ кабинетъ Пречестовъ, въ которомъ Сведонъ перебирая листы въ книгѣ иногда сидитъ, иногда прохаживается.

СВЕДОНЪ.

Все меня тревожитъ, и я ничего не могу прочесть. *[кладетъ книгу и беретъ въ руки бумагу]* Здѣсь я вижу Пречестовы любовные стихи, видно, что онъ кого нибудь страстно любитъ. Ахъ другъ мой Пречестъ! дай Богъ, что бы ты во своей любви былъ щастливѣе меня . . . Любезная Милана, увижу ли я тебя! . . . Но что нейдетъ обѣщанный мнѣ служитель? . . . Я теряю терпѣнїе . . . ето конечно онъ входитъ?

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ II.

СВЕДОНЪ и ПАМФИЛЪ.

ПАМФИЛЪ.

Меня прислалъ Пречестъ для исполненія вашихъ повелѣній.

СВЕДОНЪ.

Другъ мой, знаешь ли ты домъ одного бѣднаго художника, на концѣ города живущаго?

ПАМФИЛЪ *[утирая слезы.]*

Ахъ! государь мой, по нещастію много бѣдныхъ художниковъ я знаю; многіе изъ нихъ отсюда весьма не отдаленны.

СВЕДОНЪ.

Не знакомъ ли тебѣ Памфилъ?

ПАМФИЛЪ.

Памфилъ? не знакомъ ли мнѣ . . . постойте, постойте . . . такъ онъ! онъ! конечно . . . Ахъ? *[бросясь къ нему на шею]* государь мой, ето вы! вы Сведонъ! покровитель мой, тебя ли я целую!

СВЕДОНЪ.

Ты ето другъ мой! ты Памфилъ! ты въ объятіяхъ моихъ.

ПАМ-

ПАМФИЛЪ.

Ахъ! ето я государь, я старинный твой слуга, помнящій твои милости, простите мнѣ дерзновенное мое обрадованіе; я бы долженъ былъ къ ногамъ вашимъ броситься . . . и теперь оное исполняю: *[ставъ на колѣни]* ахъ! Сведонъ, за что вы насъ покинули . . . гдѣ вы были?

СВЕДОНЪ.

Встань мой другъ! . . . нашей разлукѣ были важныя причины; но какъ ты перешелъ въ здѣшній домъ? гдѣ жена твоя. . . гдѣ Милана? ахъ! . . .

ПАМФИЛЪ *[заплакавъ.]*

Жены моей уже нѣтъ; годъ тому, какъ я ее лишился; и бѣдность принудила меня перейти въ другой домъ, въ которомъ вы добродѣтельнаго Пречеста увидѣли.

СВЕДОНЪ.

Жива ли Милана? жива ли она?

ПАМФИЛЪ.

Она жива! жива государь мой!

СВЕДОНЪ.

Гдѣжъ она? покажи мнѣ Милану!

ПАМ-

ПАМФИЛЪ.

Какъ сударь, развѣ ее вы не видали въ моемъ домѣ? она стала прекрасна, выросла велика, и достойна вашей любви.

СВЕДОНЪ.

Ето Милана была! ахъ! ето меня востревожило!

ПАМФИЛЪ.

Ето точно она была: какъ вы ее не узнали, по ее прекраснымъ глазамъ, по ее пріятности, по ее чистосердечію?

СВЕДОНЪ *[въ сторону.]*

Нѣтъ, я ее не узналъ; можетъ быть и узнать опасаюсь; гдѣ же она? *[Памфилу]* приведи ее ко мнѣ скорѣе; приведи! какое непростительное *[про себя]* подозрѣніе!

ПАМФИЛЪ.

Тотъ часъ ее приведу; но вы безпокоитесь; ахъ! государь мой, Милана достойна вашихъ милостей.

СВЕДОНЪ.

Поди, и пришли ее ко мнѣ одну.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ III.

СВЕДОНЪ *[одинъ.]*

Не мудрено въ такомъ свѣтѣ испортиться, гдѣ непорочность добродѣтельныхъ дѣвушекъ безчисленнымъ искушеніямъ подвержена; гдѣ красота, чемъ она бо́льшими прелестями процвѣтаетъ, тѣмъ большее число почитателей влечетъ за собою, которые ползая у ногъ ее, часто прешкновеніемъ женской невинности и ихъ цѣломудрія бываютъ: увы! можетъ, быть я самъ виною былъ Миланина нещастія. . . бѣдность до всего довести можетъ. . . а выгоды щастія соблазнительны; подарки, похвалы, лицемѣрное почтеніе, сіи враги чести! но я безъ причины составляю въ мысляхъ своихъ подозрѣнія о Миланиной добродѣтели. . . Она не такъ воспитывалась, и добродѣтельная Памфилова супруга любила Милану... ахъ! но за чемъ она съ Пречестомъ была уединенна? Ежели она недостойна своей матери, не откроюсь ей; ахъ чувствую, что откроюсь, какъ ни буду озлобленъ!. . . еще нейдетъ!... *[прохаживается задумавшись,*

шись, садится, встаетъ и не можетъ успокоиться, слыша голосъ говоритъ.] .. это она!

ЯВЛЕНІЕ IV.

СВЕДОНЪ и МИЛАНА.

МИЛАНА *[вбѣгаетъ.]*

Гдѣ Сведонъ! гдѣ наставникъ, и воспитатель мой. Ето вы! вы ли ето государь мой! какая неизреченная радость!

СВЕДОНЪ *[съ холоднымъ видомъ.]*

Постой Милана! позволь напередъ мнѣ насладиться смотрѣнїемъ на твой возрастъ, на твои прелести, и познать твое сердце для совершеннаго моего успокоенїя.

МИЛАНА *[заплакавъ.]*

Вы не радуетесь меня увидя, вы меня уже не такъ любите какъ во младенчествѣ; я помню, помню, когда играя на колѣняхъ вашихъ, все ваше удовольствїе я составляла... шеперь вы глядите на меня съ суровымъ молчанїемъ.

СВЕ-

СВЕДОНЪ.

Тогда я зналъ твое сердце, тогда я зналъ твои склонности Милана : ты была младенецъ ; но теперь. . .

МИЛАНА.

Ахъ ! вы меня подозрѣваете. О! добродѣтельный Сведонъ , ты всегда былъ строгій судія женскихъ поступокъ; твои размышленія отъ самой юности моей впечатлѣвались въ моемъ сердцѣ, они со мною выросли, и я ихъ не забыла ; но вы обо мнѣ не такъ судите. Ахъ ! вы и давиче. . . вы проговорили нѣкоторыя слова, огорчившія мою душу.

СВЕДОНЪ.

Правда что я съ лишкомъ строгъ въ добродѣтели, и можетъ быть не узнавъ тебя давича, оскорбилъ безъ причины. . . но Милана, ты была съ однимъ молодымъ человѣкомъ, ты съ нимъ разговаривала, ты его хвалила, ты знаешь его домъ: что мнѣ другъ мой о всемъ етомъ думать? плачешь, ахъ! *[въ сторону]* слезы часто происходятъ отъ раскаянія; что же мнѣ о етомъ *[Миланѣ]* думать ?

МИ-

МИЛАНА.

Боже! свидѣтель моей невинности, оправдай меня предъ симъ добродѣтельнымъ человѣкомъ: увы! *[цѣлуя его руки]* благодѣтель мой, я невинна, я невинна, и твоей дружбы еще достойна! Пречестъ по нещастному случаю къ намъ зашелъ и я. . .

СВЕДОНЪ.

Онъ тебя хвалитъ, и хвалитъ съ лишкомъ, Милана; онъ мнѣ говоритъ. . . что онъ тебя любитъ и что. . .

МИЛАНА.

Онъ всѣхъ нещастныхъ любитъ, онъ другъ имъ, онъ пришелъ въ домъ нашъ, увидѣлъ нашу бѣдность, вострепеталъ, вмѣстѣ съ нами плакалъ, и далъ намъ малое пропитаніе.

СВЕДОНЪ.

И не изъяснилъ онъ тебѣ своихъ чувствованій! не признавался ли въ любви?

МИЛАНА.

Да; онъ мнѣ говорилъ. . . что меня любитъ: и я хотѣла уйти отъ него, но ваше нещастное приключеніе меня остановило.

СВЕДОНЪ.

И ты съ нимъ до сего не говаривала?

МИЛАНА.

Я ево видѣла сей только разъ въ нашемъ домѣ, когда онъ. . .

СВЕДОНЪ.

О томъ приключенїи я извѣстенъ, мнѣ Пречестъ о немъ сказывалъ; но какъ же ты его благодѣянїя чувствуешь?

МИЛАНА.

Я почитаю его нашимъ избавителемъ отъ мучительной смерши, честнымъ человѣкомъ, достойнымъ любви всѣхъ людей добродѣтельныхъ.

СВЕДОНЪ.

Такъ ты его любишь?

МИЛАНА.

Нѣтъ! удивляюсь ему, и люблю его душу.

СВЕДОНЪ.

Ежели ты ничемъ къ нему отмѣннымъ не привязана, согласись на мое требованїе.

МИЛАНА.

Съ охотою на все я согласна!

СВЕ-

СВЕДОНЪ.

Поѣдемъ со мною въ отдаленныя деревни, тамъ я хочу здѣлать тебя щастливою.

МИЛАНА.

Сей часъ я готова за тобою слѣдовать, и тѣмъ доказать, сколь много любви и почтенїя я къ вамъ чувствую; но позвольте мнѣ на передъ возблагодарить Пречеста за его милости, и съ нимъ проститься.

СВЕДОНЪ *[въ сторону.]*

Еще ево увидѣть! Милана! знаешь ли ты, что ты сама Пречеста любишь ?

МИЛАНА.

Но я съ вами ѣду, о чемъ уже сомнѣваться.

СВЕДОНЪ.

Но ты можешь и съ нимъ остаться.

МИЛАНА.

Ахъ! почто мнѣ у него оставаться? не онъ меня воспитывалъ.

СВЕДОНЪ.

Онъ на тебѣ женится, и ты будешь щастлива.

МИЛАНА.

Государь мой! за что вы издѣваешесь надомною, и столько Пречеста унижаете; какъ ему жениться на неизвѣстной ни кому дѣвкѣ, на нищей, на сиротѣ, у которой ничего кромѣ добродѣтелей не осталось? Нѣтъ! возмите меня съ собою, избавте меня отъ сего погибельнаго города, гдѣ нещастія мои больше умножились; здѣсь тотъ, кого я отцомъ всегда называла, не признаетъ меня своею дочерью, и тотъ, кто былъ моимъ воспитателемъ, кто столь нѣжно любилъ меня, о мнѣ сумнѣвается; ахъ! возмите меня съ собою, и будте мнѣ отцомъ, другомъ и благодѣтелемъ.

СВЕДОНЪ *[въ сторону.]*

Я трогаюсь ее состояніемъ, и начинаю ее любить! Милана, я хочу остаться твоимъ другомъ; но гдѣ та коробочка, которая отдана тебѣ?

МИЛАНА.

Я ее не имѣю; я ею долгъ за Памфила заплатила.

СВЕ-

СВЕДОНЪ.

Новое замѣшательство! что ты ето здѣлала Милана? ты себя и меня погубила.

МИЛАНА.

Государь мой, этимъ поступкомъ я четырехъ человѣкъ отъ горестной смерти избавила, худо ли я это здѣлала?

СВЕДОНЪ *[въ сторону.]*

Познаю въ ней достоинства ее матери, она также добродѣтельна, и также прекрасна была; но что же Милана дѣлать, мы должны етотъ городъ тотъ часъ оставить; возблагодари Пречеста за его милость, возврати ему сіи излишнія уборы, и по томъ взявъ Памфила съ его дѣтми поѣдемъ. *[въ сторону]* Она воздыхаетъ! посмотримъ, что изъ етого будетъ. Милана! рада ли ты своему отъѣзду?

МИЛАНА.

Рада государь мой!

СВЕДОНЪ.

Подожди же ты здѣсь; я объявлю о томъ Пречесту, и мы сей же день отправимся.

ЯВЛЕНІЕ V.

МИЛАНА *[одна.]*

Странныя чувствованія раздѣляютъ мое сердце; и соглашаюсь ѣхать съ добродѣтельнымъ Сведономъ, и жалѣю о семъ городѣ; будто какое нибудь щастіе онъ мнѣ обѣщаетъ — бѣдная Милана! не льстишся ли ты чемъ нибудь выше своего достоинства? нѣтъ! ето благодарность дѣйствуетъ въ моемъ сердцѣ; она мнѣ столь пріятнымъ и любезнымъ представляетъ Пречеста; вотъ и онъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

МИЛАНА и ПРЕЧЕСТЪ.

ПРЕЧЕСТЪ.

Открывшійся мнѣ Сведонъ во своемъ къ вамъ дружествѣ, объявилъ, что вы нѣчто мнѣ сказать хотите; на что я вамъ надобенъ?

МИЛАНА.

Принять мою послѣднюю благодарность, и позволить мнѣ на вѣкъ съ вами разстаться.

ПРЕ-

ПРЕЧЕСТЪ.

На вѣкъ разстаться! ахъ! Милана, чемъ я заслужилъ такое нещастïе, за что ты меня покидаешь?

МИЛАНА.

За что вамъ толь великïя мнѣ дѣлать одолженïя? за что награждать насъ безъ дальныхъ заслугъ нашихъ, и за что дѣлить ваше имѣнïе съ бѣдными?

ПРЕЧЕСТЪ.

За то самое, что вы не имѣете пристанища, что бѣдные люди равные мнѣ человѣки, что вы моей дружбы достойны; за то на конецъ, что я, что я тебя люблю!

МИЛАНА.

Постойте государь мой! мнѣ такïя слова непристойно слушать, и вамъ я съ лишкомъ обязана, что бы въ домѣ вашемъ долѣе оставаться; я опасаюсь вашихъ милостей.

ПРЕЧЕСТЪ.

Жестокая! куда же ты отлучаешся?

МИЛАНА.

Прежнïй нашъ милостивецъ Сведонъ, беретъ насъ во свою деревню; онъ давно уже

нашимъ благодѣтелемъ называется; мы не стыдясь его щедротами пользуемся; онъ уже въ лѣтахъ, отпустите насъ къ нему.

ПРЕЧЕСТЪ.

Жестокій Сведонъ! для моей ли погибели ты мною избавленъ? ахъ! другъ отца моего, ты сталъ моимъ злодѣемъ. Нѣтъ сударыня, я васъ не оттущу, умру у ногъ вашихъ, или съ вами отправлюсь.

МИЛАНА.

Простите, я отъѣзжаю!

ПРЕЧЕСТЪ *[останови ее.]*

Невѣрная! ты меня покидаешь для Сведона! такъ! ты его любишь! - - -

МИЛАНА.

Нѣтъ! люблю тебя! но ѣду съ Сведономъ.

ПРЕЧЕСТЪ *[удерживая ее.]*

Постой; я не отстану отъ тебя. - - Постой! жестокая!

МИЛАНА *[вырываясь.]*

Сведонъ! Сведонъ свободи меня! - - Ахъ! Пречестъ, что ты дѣлаешь?

ПРЕ-

ПРЕЧЕСТЪ *[увидя бѣгущаго Сведона и выхвативъ шпагу.]*

Шпага сїя рѣшитъ мои требованія!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЪ и СВЕДОНЪ.

СВЕДОНЪ *[выбѣгая изъ за дверей.]*

Убивай меня жестокїй! пронзай мою грудь, наполненную горькихъ печалей. Вотъ она! пронзай ее, и прекрати вѣкъ мой, который мнѣ въ тягость становится; убей друга отца своего, друга своего и наконецъ - - -

ПРЕЧЕСТЪ.

Ахъ! жестокїй другъ, на что ты отнимаешь у меня Милану? я люблю ее, она мнѣ жизни моей дороже; вотъ сїе сердце? въ которомъ она царствуетъ! пронзай его ты, ежели Милану похитить хочешь.

СВЕДОНЪ.

Знаете ли вы, кто сїя Милана?

ПРЕЧЕСТЪ.

Знаю, государь мой! знаю: она сирота, она въ мїрѣ пристанища не имѣетъ, она ще-

щастлива; но я отдаю ей руку и сердце мое: вотЪ чемЪ ее добродѣтели награждать хочу.

СВЕДОНЪ.

Государь мой! ваши мысли теперь страстїю упоенны, они не представляютЪ вамЪ какїя нещастїя вашимЪ сЪ нею супружествомЪ сплетенны быть могутЪ. Ноните молодые люди лехко узы любовныя на себя прїемлютЪ, но еще лехче сбрасываютЪ ихЪ, какЪ такое бремя, которое по сплетенїи брачнаго узла вЪ тягость имЪ становится; вы не знаете, на комЪ вы женитесь.

ПРЕЧЕСТЪ.

На добродѣтельной Миланѣ! Не таковы ее достоинства и прелести, чтобЪ постоянное сердце скоро охладѣть могло кЪ ее безпримѣрнымЪ дарованїямЪ; половину вѣка моего прожилЪ я по правиламЪ чести: могу ли имѣя ее женою учиниться нестоющимЪ ее любви и добраго имени? я люблю ее, и люблю больше нежели вы ее любите.

СВЕДОНЪ.

Не спорю государь мой, но вы должны помнить, что вы обязываетесь сЪ дѣвицею неимѣющею ни имени ни достатка; однако

ко послѣ всѣхъ вашихъ увѣренїй, осталось рѣшить Миланѣ, вашей ли быть супругой, или отъ свѣта удалиться со мною; скажи Милана чистосердечно . . .

МИЛАНА *[Сведону.]*

Вы начали быть моимъ благодѣтелемъ, когда я въ первой разъ на свѣтъ взглянула, вы лутчей подарокъ мнѣ въ жизни учинили, самую прїятную юность, чувствовать меня заставили, и меня воспитали, но вы наконецъ насъ совсемъ покинули. *[Претесту]* А вы, государь мой, горестное и бѣдное состоянїе мое и семейства моего перемѣнили въ сладостное, дали умирающимъ намъ жизнь, воскресили насъ, и безъ малѣйшихъ доказательствъ нашей къ вамъ привязанности учинились нашимъ другомъ, защитникомъ и покровителемъ. Сверьхъ всево *[Претесту]* я признаюсь передъ симъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, что ваши благодѣянїя сердце мое тронули, и я бы желала быть щастливѣе дабы вашей любви быть прямо достойною. . . Но я васъ на вѣки покидаю и слѣдую прежнему моему благодѣтелю, Сведону.

ПРЕ-

ПРЕЧЕСТЪ.

Какое жестокое рѣшенїе! Ахъ! теперь глаза мои открылись, такъ! ты любишь Сведона, онъ плѣненъ тобою, и ты съ нимъ сердце твое раздѣлить хочешь.

СВЕДОНЪ.

Нѣтъ! жизнь мою, малое имѣнїе, мои нещастїя, а не сердце мое я съ ней раздѣлить хочу. Вы обманулись!

ПРЕЧЕСТЪ.

Позвольтежъ и мнѣ съ вами дѣлить ваще завидное нещастїе, позвольте мнѣ скрывшись между вами отъ свѣта, вкушати жизнь благополучную, позвольте мнѣ быть участникомъ вашей дружбы, видѣть всегда Милану, и тѣмъ учиниться благополучнымъ.

СВЕДОНЪ.

Ахъ! Пречестъ, я вижу что ты можешь быть другомъ нещастныхъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢЖЪ и ПАМФИЛЪ.

ПАМФИЛЪ *[Пречесту.]*

Нашли! нашли сію коробочку! тотъ офицеръ, которому вы повелѣли сыскивать оную, мнѣ ее отдалъ, вотъ она.

ПРЕ-

ПРЕЧЕСТЪ *[взявъ ее.]*

Она принадлежитъ Миланѣ.

СВЕДОНЪ.

Всѣхъ больше она мнѣ принадлежитъ — подайте ее скорѣе; ни кто ее безъ меня отпереть не можетъ — руки *[отпирая]* мои трепещутъ, сердце бьется! *[открывъ]* Ахъ! ето она . . ето она *[смотря иногда въ коробочку, иногда на Милану.]* ее лице! . . ее пріятности . . . какъ онѣ сходны! . . . Милана! ты перемѣняешся въ лицѣ, ахъ! будь такова какъ и прежде, и дай мнѣ насытить мое зрѣніе лица твоего чертами.

МИЛАНА.

Государь мой! вы безмѣрно возмутились; что съ вами здѣлалось?

СВЕДОНЪ *[подавъ ей портретъ.]*

Смотри чье лице я увидѣлъ. . . Ахъ! Милана *[обнимая ее]* ето мать твоя!

МИЛАНА.

Мать моя! ахъ! она была не такова, нѣтъ я ее помню; Памфилъ! ето лице не матушкино.

СВЕДОНЪ.

Ее, ее лице, и ты нещастная матери своей не знала; она кончила жизнь произведя тебя на свѣтъ, вотъ ее лице! ПРЕ-

ПРЕЧЕСТЪ.

Какое сходство съ прекрасною Миланою!

МИЛАНА.

Ахъ! ето я чувствую . . . Но кто же мать моя была? гдѣ мой отецъ?

СВЕДОНЪ *[бросясь къ ней.]*

Онъ здѣсь! . . . я твой отецъ Милана!

МИЛАНА *[упадаетъ на колѣна; всѣ во удивленіе приходятъ.]*

Сведонъ! ты мой отецъ! ахъ! я целую теперь руки моего родителя, его колѣни обнимаю; такъ батюшка! сердце мое чувствовало, что я жизнію тебѣ обязана. Ахъ батюшка!

СВЕДОНЪ *[целуя ее.]*

Любезная дочь! . . тѣмъ больше я радуюсь, обнимая тебя, что ты матери своей достойна, что ты добродѣтельна, и крови моей не обезславила. Вотъ для чего столь строго я сердце твое испытывалъ, нѣсколько огорчилъ тебя, и тѣмъ причинилъ досаду тебѣ почтенный Пречестъ; простите мои суровости, для сего обрадованія, которымъ душа моя теперь восхищается.

ПРЕ-

ПРЕЧЕСТЪ.

Простите и моей неосторожности, что я не узнавъ вашего съ Миланою кровнаго обязательства, толь строго ее отъ васъ требовалъ: ахъ! для чего вы прежде меня о томъ не увѣдомили?

СВЕДОНЪ.

Мои приключенія рѣдкимъ людямъ здѣсь извѣстны, и ежели бы не въ такихъ обстоятельствахъ нашелъ я дочь мою, въ каковыхъ она мнѣ въ вашемъ домѣ встрѣтилась, то бы они и вѣчно сокрыты были; для вашей дружбы я вамъ все вкратцѣ разскажу: въ молодости моей влюбился я будучи недовольно достаточенъ, но самъ отъ себя завися, въ одну прекрасную и богатую дѣвицу, которая меня взаимно полюбила; мы хотѣли увѣнчать любовь нашу брачнымъ вѣнцемъ, но ее сродники вознегодовали, и тому воспротивились; наша страсть весьма была безмѣрна, чтобъ отъ какого нибудь препятствія могла потушиться; и такъ моя любовница скрылась изъ своего дома, и я на ней женился. Въ первый годъ нашего брака родилась Милана; мать ее родами скон-

скончалась; въ то время претерпѣвалъ я гоненїя отъ женниныхъ сродниковъ, они ни какова приданова за нею дать не хотѣли; я искавъ онаго истратилъ всѣ свои деньги, наконецъ по ненависти ихъ лишился мѣста, спокойства, и моего дома, и былъ высланъ изъ столицы; въ такихъ замѣшательствахъ оставилъ я Милану у жены Памфиловой. Я пріѣхалъ сюда скрытно, взять ее въ убогую свою деревню. Вотъ моя исторїя!

ПРЕЧЕСТЪ.

Добродѣтельный Сведонъ! я власть здѣсь имѣю, и обѣщаюсь сїе дѣло рѣшить въ твою пользу.

СВЕДОНЪ.

А я въ награжденїе за то, отдаю вамъ Милану, будьте ей супругомъ; но будьте щастливѣе ее отца, любите меня и не оставьте Памфила.

ПАМФИЛЪ *[бросясь къ его ногамъ.]*

Будьте вы щастливы! кто больше васъ онаго достоинъ? вы бѣднымъ друзьями быть не стыдитесь.

КОНЕЦЪ ДРАМЫ.

ГОНИМЫЯ
СЛЕЗНАЯ ДРАМА.

МИХАЙЛА ХЕРАСКОВА.

Представлена въ первый разъ на Московскомъ театрѣ 1775 года, Генваря 11 дня.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ДОНЪ ГАСТОНЪ, пустынникъ.

ЗЕИЛА, дочь ГАСТОНОВА.

ДОНЪ РЕНОДЪ, вельможа Гишпанской.

ДОНЪ АЛФОНСЪ, сынъ Ренодовъ.

АРНОЛІЙ, служитель Донъ Гастоновъ.

ПОСЛАННЫЙ КОРОЛЕВСКІЙ.

Корабельщики.

Служители ДОНЪ РЕНОДОВЫ.

Дѣйствіе на пустомъ островѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ на морскомъ берегѣ, посреди лѣса лещеру; въ волнахъ видны остатки разбитаго корабля.

Д. ГАСТОНЪ.

[лежащій на камени близъ лещеры.]

О! праведное небо, едва душа моя ко спокойствію возвратилась и чувства мои многими злоключеніями отягченныя отъ бремени печалей свобождаться начали; новыя раны отворяются въ сердцѣ моемъ. Долгое время лежащій на семъ хладномъ камени, часто самъ я неодушевленному сему веществу уподобляюся; былъ недвижимъ и мои горести въ душѣ моей стали окамененны. Боже мой! иногда рука твоя уязвляетъ насъ для нашего исцѣленія; къ тебѣ сквозь безчисленные

мїры и дальныя небеса достигъ плачевный мой голосъ; ты позналъ мою неповинность, и вдохнулъ во внутренность мою сладкое на тебя упованїе. О! Ренодъ, Ренодъ! коль много слезъ я отъ тебя пролилъ! тобою гонимый и ввергаемый изъ одного злоключенїя въ другое едва не погрузился въ отчаяніе; но душа моя больше не страждетъ, и я прощаю тебя, какъ слабаго и ложнымъ сїяніемъ фортуны ослѣпленнаго человѣка. Уже предавалъ я забвенїю потеряніе моихъ ближнихъ, измѣны друзей, супругу и дочь мою! . . . Но сей юноша занесенный по разбитїи корабля бурнымъ моремъ, сей напоминаетъ мнѣ прежнїя мои горести: онъ соотечественникъ мой; онъ жалуется на нещастїя; видъ его, обстоятельства, стенанїя душу мою растрогали, и я не знаю, за что его люблю. Увы! онъ мнѣ братъ по своимъ гоненїямъ, другъ по его злосчастїю, сынъ по сиротству его въ семъ необитаемомъ жилищѣ. Ахъ! всѣ злополучные люди, должны составлять единое семейство и называться братїями; другихъ благоденствїе, а ихъ горести совокупляютъ. . . . Но пришелъ ли онъ опять въ себя? Пой-

ду

ду довершить его успокоеніе. Арнолій! не меня ли ты ищешь?

ЯВЛЕНІЕ II.

Д. ГАСТОНЪ и АРНОЛІЙ.

АРНОЛІЙ.

Что мы будемъ дѣлать съ симъ нещастнымъ юношею, которому ты жизнь возвратилъ, изверженному изъ морскихъ волнъ? онъ жить не хочетъ! очувствовался, и началъ ввергатися въ неограниченное отчаяніе, ищетъ смертныхъ орудій; слезы его не текутъ; но страшные взоры бросаетъ онъ къ небесамъ; приноситъ имъ пени; жалуется на насъ и на самое небо; рвется изъ рукъ нашихъ; бѣжитъ къ морю; ищетъ утопшія своея любовницы; ищетъ отца; ищетъ тебя, и хочетъ только умереть у ногъ твоихъ. Ахъ! какъ онъ кажется добродѣтеленъ, прекрасенъ и злополученъ; мы окружая его плачемъ!

Д. ГАСТОНЪ.

Плачу и я, о его и о моихъ злополучіяхъ; онъ своими нещастіями возобновилъ мои

горести; но онъ невиненъ . . . Мои бѣдствія всюду за мною слѣдуютъ, и души моей въ покоѣ не оставляютъ; но я жить хочу еще для него.

АРНОЛІЙ.

А мы соучастники твоихъ нещастій; твои служители, не отженные твоими отъ злодѣевъ гоненіями; не наскучившіе слѣдовать за тобою въ сію пустыню; любящіе твои добродѣтели и ушѣшаемые твоими собственными въ терпѣніи примѣрами; мы всѣ тебя просимъ! возвраши! какъ жизнь ты возвратилъ, возвраши успокоеніе сему нещастному пришельцу; онъ будетъ тебѣ вмѣсто сына, намъ частію замѣнитъ любезное твое семейство, котораго ты къ общей твоей и нашей горести лишился.

Д. ГАСТОНЪ.

Не вспоминай, мой другъ, прошедшаго нашего благоденствія; оно во вѣки къ намъ не возвратится; станемъ раздѣлять нещастія наши, и будемъ достойными имени честнаго человѣка, забывъ названіе человѣка щастливаго; приведите ко мнѣ сего неизвѣстнаго юношу;

шу; но се онъ идетъ! оставь Арноліи меня съ нимъ. Боже мой! сколько горестей на лицѣ его написано! какая смертная блѣдность! ахъ! . . онъ уже полумертвъ! удержимъ вылетающее его дыханіе. Другъ мой! успокойся! и живи!

ЯВЛЕНІЕ III.

Д. ГАСТОНЪ, и Д. АЛФОНСЪ.

Д. АЛФОНСЪ.

Нѣтъ! смерть, а не жизнь, мнѣ нужна! не могу успокоиться! не хочу живъ быть. Прости! я иду.

ГАСТОНЪ.

Мысли его востревожены. . . . Нещастный! куда идешь?

АЛФОНСЪ.

Къ симъ ужаснымъ берегамъ: взойду на нихъ и повергнусь въ море!

ГАСТОНЪ.

Отчаянный! воспомни твои цвѣтущія лѣта.

АЛФОНСЪ.

Ахъ! они мнѣ въ тягость становятся! покидаю свѣтъ.

ГАСТОНЪ.

Меня за что покидаешь? Постой! вспомни, что ты мною спасенъ!

АЛФОНСЪ.

За то и покидаю тебя. Ахъ! на что жизнь нещастнымъ; на что я тебѣ? на что я свѣту? въ немъ нѣтъ моей любезной и теперь ни я людямъ, ни мнѣ они не нужны. Пойду повергнусь въ сїи волны, которыя всю мою жизнь поглотили. . .

ГАСТОНЪ.

Малодушный! приди въ себя; внемли моимъ увѣщанїямъ, и знай, что я и тебя нещастнѣе.

АЛФОНСЪ.

Ты! . . . Ахъ! развѣ и ты потерялъ свою любовницу; но нѣтъ, ты живъ! и такъ не потерялъ ты ничего.

ГАСТОНЪ.

Больше потерялъ я, нежели ты, и хочу жить, но только ради тебя, ежели ты моимъ

имъ другомъ быть захочешь, и ежели отъ своего отчаянїя получишь свободу.

АЛФОНСЪ.

Другомъ! нѣтъ! больше нежели твоимъ другомъ: я хотѣлъ бы твоимъ быть сыномъ; но на что тебѣ такой нещастный сынъ? онъ твое уединенїе возтревожитъ.

ГАСТОНЪ.

Тѣмъ ты мнѣ нужнѣе будешь, что ты нещастенъ: я убѣгаю гордыхъ щастливцовъ и ищу страждущихъ, каковъ ты; чувства твои будутъ равны съ моими и наши взаимныя бѣдствїя взаимную любовь нашу составятъ; мы будемъ другъ другу ушѣшенїемъ.

АЛФОНСЪ.

Я! я! лиженный моей любезной, я могу ушѣшенїе приносить другому? Нѣтъ, государь мой! нещастїя мои всѣ презвошли мѣры; сердце мое горестью сжато, и нѣтъ въ немъ мѣста никакому дружеству; мысли мои полны моей погибели, и ни къ какому виду прилѣпиться не могутъ. Желанїя мои, ахъ! мои желанїя влекутъ меня къ моей смерти

и я съ охотою отдаюся ихъ волѣ. Вы отняли мои оружія; сіе море будетъ орудіемъ кончины моей; оно меня соединитъ съ моимъ другомъ, съ невѣстою и съ моимъ ушѣшеніемъ. Здѣсь, увы! здѣсь я спустилъ ея съ разрушаемаго корабля въ малое судно; ввѣрилъ надежнымъ пловцамъ, и самъ поспѣшая броситься за нею былъ отторженъ свирѣпою волною. Ахъ! здѣсь она въ очахъ моихъ погибла; слѣдую за нею! Прости!

ГАСТОНЪ.

Не удерживаю тебя: поди! оканчивай свой вѣкъ; но въ благодарность за мое о тебѣ попеченіе, подари меня нѣсколькими минутами твоей жизни; выслушай мнѣ во удовольствіе мои нещастія, и ежели они меньше твоихъ, позволяю тебѣ умереть. Умри! ежели ты меня нещастливѣе.

АЛФОНСЪ.

И по томъ ты врагъ мой будешь, ежели отъ смерти удерживать меня станешь.

ГАСТОНЪ.

Сядемъ на семъ камнѣ и внимай мнѣ! Я уже отъ тебя слышалъ *[оба садятся]*, что ты

ты потерялъ только невѣсту. Знай же, что жизнь моя есть наизлополучнѣйшее теченіе времени, какое съ рѣдкими людьми встрѣчается. Будучи вѣрный сынъ отечества, былъ я отторженъ отъ его объятій моими ненавистниками; обнесенъ Монарху, котораго сердце мое любило; изгнанъ по наущеніямъ отъ его лица; видѣлъ имѣніе мое доносителями моими разсхищенно; глава моя въ цѣну была положена моими злодѣями. Но все сіе мало; ахъ! все сіе мало передъ послѣднимъ нещастіемъ! Юноша! знаешь ли, что со мною послѣдовало? Увы! еще мои текутъ слезы! Врагъ мой, первый мой врагъ! скрылъ отъ меня мою супругу и любезную съ нею дочь. Съ ними послѣднее мое спокойство пропало, и я удалился отъ моихъ гонителей и нещасній въ здѣшній пустый островъ съ малымъ числомъ служителей.

АЛФОНСЪ.

Нещастный! кто ты? и кто твой врагъ?

ГАСТОНЪ.

Ахъ! я чаю ты слыхалъ имя Ренода и Гастона.

АЛ-

АЛФОНСЪ.

Не продолжай! такъ! я теперь узналъ тебя! ну! добродѣтельный Гастонъ, теперь ты меня удерживать не будешь отъ смерти; самъ ты меня къ ней погонишь. Ахъ! отвраши отъ меня глаза твои и убивай меня! Я сынъ Ренодовъ!

ГАСТОНЪ.

Сынъ врага моего! . . . Боже! что я слышу? ты сынъ моего убїйцы!

АЛФОНСЪ.

Такъ! его сынъ, и самъ я твой убїйца!

ГАСТОНЪ.

Изъяснись нещастный! увы! трепещу!

АЛФОНСЪ.

Да, я убїйца твой; сїя невѣста моя . .

ГАСТОНЪ.

Кто, кто она была? скажи!

АЛФОНСЪ.

Твоя дочь! она погребена въ семъ морѣ.

ГАСТОНЪ.

Вотъ еще громовый ударъ! Увы! члены мои не движутся! Ахъ что ты мнѣ сказалъ! но что

что я мѣшкаю? отмстимъ малую часть моихъ злощастій! Супруга и дочь моя примите сію жертву! [*хочетъ его заколоть*]. Умри злодѣй! Боже мой! что я дѣлаю!

[*остановясь*]

АЛФОНСЪ.

Грудь моя тебѣ отверзша: я врага твоего сынъ; рази меня, что мѣшкаешь? рази! вотъ сердце, гдѣ твоя дочь обишала! поражай его!

ГАСТОНЪ.

Поражай меня и ты нещастный; доверши мое злополучіе; скажи, гдѣ моя супруга?

АЛФОНСЪ.

Приготовся къ новому удару; она въ моихъ объятіяхъ жизнь кончила!

ГАСТОНЪ.

Любезная душа! такъ ты теперь въ Божіихъ объятіяхъ покоишся! и теперь ты видишь терзающееся мое сердце! О! нещастный, какія ты мнѣ приносишь вѣсти! но могу ли отъ крови Ренодовой ждать себѣ утѣшенія? повѣдай мнѣ кончину моей супруги.

АЛ-

АЛФОНСЪ.

Гонимая моимъ отцомъ, видящая дочь свою врагомъ твоимъ искушаему, влекому къ послѣднему злополучїю, воспоминая съ тобою разлученїе, не вытерпѣла она нападенїй таковаго злощастїя и скончалась въ нашемъ домѣ, отдавъ мнѣ руками любезную дочь твою и повелѣвъ мнѣ съ нею бѣжать отъ лица твоего гонителя.

ГАСТОНЪ.

Какъ! она сама тебѣ ввѣрила дочь мою, и Зеила съ тобою убѣжать согласилась?

АЛФОНСЪ.

Такъ: твоя супруга познала мои добродѣтели, а Зеила познала вѣрную и непорочную мою любовь; мы съ нею, съ нею бѣжали отъ моихъ и твоихъ гонителей, ввѣрились морю и море намъ измѣнило. Увы! здѣсь .... здѣсь я съ нею разстался, и тобою спасенный принесъ новое злополучїе во твой островъ; но еще не умираю! Чего ты мѣшкаешь? или ты малодушенъ, или не любилъ кровныхъ? убей меня! и докажи, что ты добрый супругъ и чувствительный отецъ. Рази!

ГА-

ГАСТОНЪ.

Ахъ! . . чувствую, что онъ невиненъ! . . . обними Алфонсъ меня, другъ мой! ты мой сынъ! ты, какъ и я, злощастенъ! тебя супруга моя не ненавидѣла, и Зеила могла тебя полюбить. Могу ли я твоимъ быть недругомъ? Нѣтъ, люби и меня, когда ты ихъ любить могъ. Прощаю тебя!

АЛФОНСЪ.

Но дочь твоя! . . . Гастонъ дочь твоя! посмотри: тѣнь ея выходитъ изъ мо́ря! видишь ли ее? Вотъ она! послушай: она проситъ у тебя отомщенїя; видишь ли тѣнь жены твоей? сїя страждетъ! . . . Я страждy съ ними и бѣгу соединиться съ любезной!

ГАСТОНЪ.

[удерживая]

Постой! . . . О! небо . . . онъ помѣшенъ въ разумѣ; едва и самъ ему не уподоблюсь! Боже! подкрѣпи меня! . . . Алфонсъ, опомнись! . . . я тебя ни въ чемъ не виню и хочу твоимъ быть другомъ.

АЛФОНСЪ.

Увы! нещастный отецъ! кого ты другомъ своимъ избираешь? злодѣя! но нѣтъ сына злодѣйскаго, и твоего печальнаго семейства обожателя. *[бросясь на колѣни]* Увы! отецъ мой! ты плачешь! ты блѣднѣешь! *[вставъ]* Ахъ! примирись съ моею вражескою кровїю дозволенїемъ мнѣ ввергнушься въ море, или самъ проливай ея.

ГАСТОНЪ.

Забываю въ тебѣ вражду отца твоего, прїемлю тебя вмѣсто сына и дщери моей; Алфонсъ! мнѣ уже больше терять нѣчего! Увы! я всего лишился; и ежели ты моимъ будешь другомъ, то отецъ твой довольно получитъ отомщенїя; ты его оставилъ, и со мною раздѣляешь бѣдность и гонимую добродѣтель.

АЛФОНСЪ.

Сердце мое твоей дочери принадлежало: теперь оно принадлежитъ тебѣ; принадлежитъ, но не надолго. Нѣтъ Гастонъ! безъ твоей Зеилы жить не могу. Въ умѣ! въ душѣ!

шѣ! въ мысляхъ! она и по смерти обитаетъ . . . Гастонъ! позволь мнѣ взойши на высокій бе́регъ. Ахъ! не увижу ли! . . . Кого уже́ увидѣшь? Увы! Зеила.

ГАСТОНЪ.

Уступи часшь и мнѣ твоей печали; ты съ нею раздѣлялъ чувства; раздѣли теперь со мною горести и бери примѣръ съ меня во твоемъ нещастіи. Я отецъ, а ты любовникъ; ты сынъ моего врага, а я родитель твоей любезной, ты имѣешь отца, а я всего моего семейства твоимъ лишился. Кто изъ насъ злополучнѣе? и кому жить хотѣшь меньше должно?

АЛФОНСЪ.

О! почтенный человѣкъ: нѣтъ! безсильно мое сердце тебѣ послѣдовашь; хотѣлъ бы я у тебя учиться не желашь смерши, и умѣшь жить будучи крайнѣ нещастенъ; но сохраняй ты мой животъ, ежели онъ тебѣ надобенъ для твоего ушѣшенія и твоей защиты.

ГАСТОНЪ.

Надобенъ онъ мнѣ для оплаканія Зеилы съ тобою.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЪ и АРНОЛІЙ.

АРНОЛІЙ.

Погибли мы Гастонъ! увы, погибли!

ГАСТОНЪ.

Какое нещастїе еще можетъ со мною случиться?

АРНОЛІЙ.

Увы! мы всѣ нещастливы! твой злодѣй! сей варваръ! извергъ рода человѣческаго! лютый Ренодъ!

АЛФОНСЪ.

Ренодъ! что онъ сдѣлалъ?

АРНОЛІЙ.

Нашелъ наше жилище!

ГАСТОНЪ.

И здѣсь ужѣ онъ!

АРНОЛІЙ.

Ахъ! выслушайте: посланные отъ него искать твоего убѣжища по всей Ишпанїи, достигли здѣшняго обиталища; подкупили одного

одного изъ твоихъ служителей, показавшаго имъ сей островъ; объявилъ онъ твое имя. Скройся, государь мой! увы! мы не всѣ подкуплены, и ради пролить за тебя нашу кровь. Ахъ! скройся, уже́ нѣкоторыя суда вокругъ о́строва являются и вѣщаютъ, что самъ Ренодъ съ ними.

ГАСТОНЪ.

Такъ ему моя жизнь надобна! пойдемъ!

АЛФОНСЪ.

Постой .... я иду къ нему и смерть твою предупрежду моею! ... Такъ, я или умру передъ нимъ, или укрощу его жестокое сердце.

ГАСТОНЪ.

Нещастный! что ты говоришь? Увы! онъ во изступленіи. Арнолій! бѣги собери всѣхъ моихъ служителей; не вели имъ вооружаться и ни съ кѣмъ не входить въ сраженіе, бѣги, я тотъ часъ самъ буду съ вами.

АЛФОНСЪ.

Пусти меня Гастонъ: нѣтъ я не допущу до сего. Какъ? мой отецъ убьетъ моего друга и родителя моей любезной!

ГАСТОНЪ.

Бѣги Арнолїй! онъ самъ не понимаетъ словъ своихъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ГАСТОНЪ и АЛФОНСЪ.

АЛФОНСЪ.

Ты меня и способовъ лишаешь, доказать тебѣ дружбу. Ахъ! такъ ли ты меня любишь?

ГАСТОНЪ.

Вотъ лучшей знакъ моей любви: я твою жизнь спасаю. Алфонсъ! теперь весь островъ во тревогѣ; ты по нескромности объявилъ самъ себя; служители мои узнавъ чей ты сынъ, могутъ на тебѣ отомщать злодѣйства отца твоего; сїи люди въ ярости отчаянны и щадить ни достоинствъ, ни добродѣтелей не станутъ. Укройся отъ нихъ, укройся въ моей пещерѣ!

АЛФОНСЪ

Я сїю подлость сдѣлаю, и при крайности тебя безъ помощи оставлю? Такой ли

ли благодарности ты ожидаешь отъ меня, и такъ ли я помнить буду любезную Зеилу?

ГАСТОНЪ.

Ея уже нѣтъ, а я еще живъ; докажи ей свою любовь, повинуясь ея отцу? Войди въ пещеру: тебѣ успокоенїе, а мнѣ осторожность теперь нужна; войди, требую сего отъ тебя, какъ другъ твой; повелѣваю какъ отецъ, и прошу о томъ, какъ нещастный человѣкъ, который тебя однимъ утѣшенїемъ имѣть хочетъ.

АЛФОНСЪ.

Ахъ! жестокїй другъ, коль сильны твои требованїя и сколь твои слова убѣдительны! но нѣтъ, лучш свозьми меня съ собою; я увижу отца моего, предстану ему въ моемъ отчаянїи, брошусь къ его ногамъ, возопїю изъ глубины сердца: родитель мой! не губи Гастона! я въ рукахъ у него былъ, а онъ не отомстилъ мнѣ за твои злодѣянїя; сохранилъ мою жизнь, сохрани и ты его, и будь, какъ онъ, великодушенъ!

ГАСТОНЪ.

Яростный отецъ твой не будетъ внимать твоему стону; онъ на тебя за побѣгъ твой и за похищенїе моей дочери озлобленъ, и мстя два твои преступленїя, свирѣпѣе поступитъ съ тобою и со мною, когда увидитъ насъ вмѣстѣ. Нѣтъ! . . . . оставайся! а я смерти не боюсь.

АЛФОНСЪ.

И я не боюсь ее, я ея ищу; но хочу умереть съ тобою. Не покидай меня!

ГАСТОНЪ.

Не разрушай моего намѣренїя; дай мнѣ увидѣться съ твоимъ отцомъ.

АЛФОНСЪ.

Какоежъ ты утѣшенїе въ семъ кроткомъ поступкѣ находишь?

ГАСТОНЪ.

Развѣ мало сего утѣшенїя, что небо при нещастїи моемъ подало мнѣ случай воздать за зло благомъ. Я приведу твоего отца къ сей пещерѣ; выведу оттолѣ тебя, скажу ему: вотъ сынъ твой; я узнавъ его, сохранилъ его

его жизнь; смотри какъ мало я злопамятенъ, и какъ надлежитъ отомщать за причиняемыя обиды. Поди, я слышу шумъ вкругъ береговъ. Поди! прости!

[Уходитъ.]

АЛФОНСЪ.

Затворюся, тебя и дочь твою оплакивать! Тѣнь, любезная! тѣнь вездѣ мнѣ встрѣчающаяся! слѣдуй за мною и ты въ пещеру.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ ночь; въ морѣ является небольшое морское судно, наполненное плавателями освѣщающимися небольшимъ фонаремъ.

Судно останавливается.

1. КОРАБЕЛЬЩИКЪ.

Земля! друзья мои, земля! мы достигли къ неизвѣстному пристанищу.

2. КОРАБЕЛЬЩИКЪ.

Здѣсь успокоится сія нещастная наша спутница, и мы слѣзы наши отереть можемъ.

1. КОРАБЕЛЬЩИКЪ.

Опомнись, прекрасная Зеила! выступи на сей бѣрегъ и успокой разстроенныя твои чувства. *[Они ея поднимаютъ и выводятъ на берегъ.]*

ЗЕ-

ЗЕИЛА.

[держимая лловцами лонемногу лриходитъ въ себя и вездѣ осматриваясь.]

Гдѣ я! . . . Кто со мною? . . . Вездѣ тьма! . . Ахъ! нещастная! . . .

1. КОРАБЕЛЬЩИКЪ.

[освѣщающій ея фонаремъ и видя лѣсъ и лещеру.]

Мы на спокойный сошли бе́регъ! мы съ тобою твои сопутники, слуги твои, и вѣрные друзья твоего Алфонса.

ЗЕИЛА.

Ахъ! уже́ его нѣтъ на свѣтѣ. О! бѣдная Зеила! Нещастные! на что вы жизнь мою спасли, почто отъ волнъ меня удалили? Они ближе меня съ моимъ любезнымъ соединяли: не хочу жить; пустите меня! . . .

1. КОРАБЕЛЬЩИКЪ.

Нѣтъ, мы тебя до отчаянія не допустимъ, умремъ у ногъ твоихъ, и кто бы ни сталъ твое нарушать спокойство, жиз-

нїю нашею тебя защищать будемъ. Но здѣсь нѣкакїй шумъ слышенъ. *[Пловцамъ]* Спрячьте огонь и сохраняйте Зеилу.

ЗЕИЛА.

[Они всѣ ее окружаютъ]

Нѣтъ, не хочу, ни отъ васъ, ни отъ самаго неба спасенїя! умертвите меня!

1. КОРАБЕЛЬЩИКЪ.

Друзья мои! вооружайтесь, здѣсь все подозрительно.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЪ и Д. АЛФОНСЪ

[изходящїй изъ лещеры.]

Д. АЛФОНСЪ.

[ни кого не видя, тихо]

Необычайный слышу вопль! конечно отца моего служители ищутъ здѣсь Гастона. Обману ихъ, и жизнь за Гастона кончу. *[вслухъ]* Самъ нападу на нихъ!

ПЛОВ-

ПЛОВЦЫ.

[въ слухъ.]

Здѣсь опасность есть! вооружимся!

АЛФОНСЪ.

Слышу ясно людскіе голоса, слышу стукъ оружій . . Ето они! . . пойдемъ . . Злодѣи! кого вы ищете? Я вашъ врагъ! . .

1. КОРАБЕЛЬЩИКЪ

[вооружась.]

Кто ты?

АЛФОНСЪ

[прибѣгая къ пилѣ.]

Я вашъ врагъ, я! . . .

ЗЕИЛА.

Чей голосъ я слышу! . . О! небо! ето онъ!

АЛФОНСЪ.

Чей голосъ я слышу! . . Ахъ! Зеила!

ЗЕИЛА

[приходишъ въ безпамятство, пловцы открываютъ фонарь.]

Алфонсъ!

АЛФОНСЪ

[упадая къ ногамъ Зеилы.]

Любезная моя! ты еще жива! Ахъ! ты ли ето? опомнись Зеила, опомнись! Увы! друзья

друзья мои, вы ли ето? и Зеилу ли я объемлю?

1. КОРАБЕЛЬЩИКЪ.

Ахъ! благодѣтель нашъ! ето Зеила, спасенная самимъ тобою; ето мы, мы твои вѣрные друзья, мы хранящіе паче своей жизни твою любезную; но не тревожтесь: оба вы спаслись отъ погибели, но спаслись не ради отчаянія и слезъ.

АЛФОНСЪ.

Ахъ! друзья мои, помогайте ей, и ея жизнію спасайте мою. Вы все мое щастіе сохранили отъ потопленія; сохраняйте и теперь . . Зеила! . . увы! Зеила . . ничего не чувствуетъ . . опомнись!

1. КОРАБЕЛЬЩИКЪ.

Дайте ей успокоиться: мы двои сутки по морю странствовали и не могли добиться твердой земли; взятою съ нами пищею подкрѣплялись . . . но твоя Зеила ничего не хотѣла вкушать; она кликала тебя по всему морю, рвала свои одежды, вопіяла къ небесамъ, требовала тебя отъ насъ, твое имя

имя непрестанно твердила и хотѣла съ онымъ въ волны броситься. Слезами, убѣжденіями и неволею удержали мы ея отъ самоубійства; будто чувствовали, что ты еще на свѣтѣ!

АЛФОНСЪ.

Ахъ! Зеила, такъ ты меня и послѣ мнимой моей смерти любила? Не уступилъ и я тебѣ. О! мои вѣрные друзья, спасенный однимъ благодѣтелемъ, хотѣлъ и я жизнь кончить; но онъ удержалъ меня. Ахъ! любите его . . . любите! какъ моего избавителя, и защищайте его: онъ теперь въ опасности. Мой отецъ сюда пришелъ; и я принялъ васъ за его сообщниковъ; *[обнимая всѣхъ]* сохранимъ нещастнаго, онъ мнѣ отецъ. Но вотъ и онъ!

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЪ и Д. ГАСТОНЪ

[входящій во время послѣднихъ рѣчей на театрѣ и держащій въ одной рукѣ пламенникъ, а въ другой шпагу.]

Ахъ! что я вижу! . . . Алфонсъ злодѣевъ моихъ объемлетъ *[бросясь на него]* бейся со мною измѣнникъ! шпага изъ рукъ выпадаетъ!

АЛФОНСЪ

[удержавъ пловцовъ]

Постойте! *[Гастону]* рази своего друга! умерши меня лучше, нежели меня подозрѣвай. Гастонъ сіе мои и твои друзья; вотъ мои сопутники.

ГАСТОНЪ.

Что я слышу! и какое сіе зрѣлище? Кто сія дѣвица?

АЛФОНСЪ.

Другъ мой! сіе дочь твоя! сіе Зеила!

ГАСТОНЪ.

Какъ, сіе дочь моя! . . . Увы! она бездыханна волнами на мои берега извержена! море

море ея мертву мнѣ возвратило. Ахъ! Зеила! *[бросается къ ней, обнимаетъ.]*

ЗЕИЛА

[пришедъ въ себя]

Боже мой! въ чьихъ я объятіяхъ? Алфонсъ! Алфонсъ! избавь меня.

АЛФОНСЪ

[бросясь къ ея ногамъ.]

Зеила! ты щастлива; здѣсь нѣтъ твоихъ враговъ.

ГАСТОНЪ.

Она имѣетъ голосъ! она жива! она чувствуетъ. Ахъ! что я вижу нещастная, знаешь ли ты меня?

ЗЕИЛА

[смотря на Гастона]

Нѣтъ! . . . Кто ты? . . . Алфонсъ! гдѣ мы? . . . Кто со мною?

ГАСТОНЪ.

Друзья твои! обними меня! Ахъ! нещастная. Я отецъ твой! я Гастонъ!

ЗЕ-

ЗЕИЛА

[бросясь въ его объятïя]

Кого я вижу! . . . Боже мой! не сонъ ли ето! . . . Батюшка! ты! ето ты! А я сего не почувствовала. О! сердце вѣроломное; ты довольно передъ родителемъ виновато, чтобъ не узнать его, будучи въ его объятïяхъ.

ГАСТОНЪ.

Сердце твое непорочно; я оправдаю его.

ЗЕИЛА.

Нѣтъ родитель мой! оно порочно, оно врага твоего полюбило.

ГАСТОНЪ.

Сей врагъ сдѣлался моимъ другомъ; я самъ его люблю, и тебя не отнимаю у него.

АЛФОНСЪ.

Зеила! укрѣпися, и умножъ твоимъ спокойствомъ наше благоденствïе.

ЗЕИЛА.

Укрѣпилась я, мой другъ! и сердце мое симъ свиданïемъ излѣченно. *[воздѣвъ руки на небо]* Праведное небо! коль непостижимы твои

твои судьбы! изъ смерти прехожу къ жизни, изъ нещастїя во благоденствїе; нахожу отца, котораго смерть я оплакивала; и вижу, что онъ еще меня любитъ; потерявъ любезнаго его обрѣтаю, и любить его, ни страха, ни угрызенїя совѣсти не имѣю. Могу ли послѣ сего чувствовать какое огорченїе, и не называться щастливою?

АЛФОНСЪ.

Я щастливѣе тебя: я изъ устъ самой смерти исторженъ помощїю твоего родителя; нашелъ въ немъ нѣжнаго друга и добродѣтельнаго отца, какого я не имѣлъ по нещастїю до нынѣ.

ГАСТОНЪ.

Я всѣхъ благополучнѣе, по тому что я всѣхъ васъ долѣ былъ нещастливъ; отчаялся въ жизни имѣть ушѣшенїе, и васъ теперь обнимаю! Столь я теперь обрадованъ, что на сїю минуту забылъ прошедшїя мои горести.

ЗЕИЛА.

Ахъ! родитель мой; но мать моя, а твоя супруга! ее одной не достаетъ . . . . Увы! ежели бы она была съ нами здѣсь!

ГАСТОНЪ.

Она теперь въ небесахъ, по многимъ страданїямъ сладкимъ сномъ покоится; оставимъ ея тамо, доколѣ сами съ нею со временемъ соединимся. Теперь намъ должно подкрѣплять другъ друга! о многомъ изъясниться надобно, а паче всего надлежитъ остеречься отъ находящаго нещастїя. Зеила! тебѣ всѣхъ больше успокоенїе нужно; войдемъ въ пещеру.

ЗЕИЛА.

Какое можетъ случиться еще нещастїе, когда я съ вами.

ГАСТОНЪ

[тихо Алфонсу]

Повели твоимъ служителямъ отсюда не отлучаться и быть готовымъ къ защищенїю нашему . . . Не вели именовать Зеилы. Пойдемъ, дочь моя.

АЛФОНСЪ

[чтиня приказъ ловцамъ]

Я первый готовъ къ вашему защищенїю.

[Уходитъ]

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПЛАВАТЕЛИ.

1. КОРАБЕЛЬЩИКЪ.

Очевидное мы имѣемъ свидѣтельство, что добродѣтели безъ награжденія не остаются. Кто бы думалъ, что бы мы, по разбитіи корабля, Алфонса жива увидѣли? Ждалъ ли онъ толь скораго свиданія съ невѣстою своею? Мыслила ли она, обнявъ своего возлюбленнаго, найти отца въ такомъ неизвѣстномъ жилищѣ? Надѣялись ли мы быть обрадованы такою нечаянною и радостною встрѣчею. О! мои друзья, вѣрьте мнѣ, что бесѣдуя съ честными людьми рѣдко мы не благополучны бываемъ, и спокойство всегда не далеко отъ добрыхъ сердецъ обитаетъ. Я люблю Алфонса и его утѣшеніемъ восхищенный забываю теперь всѣ мои труды и опасности.

2. КОРАБЕЛЬЩИКЪ.

Мы всѣ щастливы, когда нашъ покровитель щастливъ; его прекрасныя свóйства, его тихая и мирная душа, его ласковое

обращенїе, всякую дикую пустыню раемъ превратить могутъ; и мы ради съ нимъ въ семъ островѣ жизнь нашу кончить.

1. КОРАБЕЛЬЩИКЪ.

Коль нещастливъ отецъ, что не умѣлъ прилѣпить къ себѣ сéрдца толь добродѣтельнаго сына, и что сей достойный любви всего свѣта человѣкъ, гонимый своимъ родителемъ, принужденъ былъ въ насъ, во своихъ слабыхъ пріятеляхъ, искать тѣхъ доказательствъ дружбы, каковыя во своемъ семѣйствѣ каждый достойный родственникъ обрѣтаетъ; но мы не должны позабывать его повелѣнїй, намъ надобно быть осторожнымъ и къ его оборонѣ готовымъ. Вы слышали, что отецъ его и здѣсь сїю печальную семью гонитъ; конечно за похищенїе прекрасной Зеилы онъ чрезъ моря и гóры мщенїе на него простираетъ. Нѣтъ, не оставимъ Алфонса.

2. КОРАБЕЛЬЩИКЪ.

Жизнь мы за него и за его Зеилу положить готовы. Ренодъ! ты не отецъ Алфонсу, когда его гонишь, и мы учинимся твои-

ми

ми врагами, когда Зеила отъ тебя страждетъ: они, а не ты, души и сердца наши занимаютъ.

1. КОРАБЕЛЬЩИКЪ.

Но все тихо; отдохнемъ, друзья мои. *[они всѣ садятся]* Начинаетъ разсвѣтать, и ни какихъ сомнѣній не остается . . . Но ето какіе неизвѣстные люди!

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЪ и АРНОЛІЙ,

[Провождаемый другими служителями, со стремленіемъ вбѣгаетъ на театръ и увидя неизвѣстныхъ людей вскричалъ.]

Здѣсь! здѣсь еще остатки нашихъ злодѣевъ! *[бросясь на нихъ]* Умирайте разбойники.

1. КОРАБЕЛЬЩИКЪ.

Друзья мои! это враги Гастоновы, и наши злодѣи! Умирайте. *[Происходитъ сраженіе и крикъ отъ обѣихъ сторонъ: въ сіе время лещера отворяется, всѣ изъ нее выбѣгаютъ.]*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Д. ГАСТОНЪ, Д. АЛФОНСЪ, ЗЕИЛА, и ПРЕЖНІЕ.

ГАСТОНЪ.

Какой шумъ! что вы дѣлаете? *[разнимая ихъ и схватя руку Арноліеву]* ето не враги ваши; уймитесь!

АЛФОНСЪ

[удерживая своихъ.]

Постойте! нещастные постойте! вы должны быть друзьями; за что вы другъ друга умерщвляете?

ЗЕИЛА.

Боже мой! какія странныя приключенія! Ахъ! я въ отчаяніи!

ГАСТОНЪ.

[держа за руку Арнолія]

За что ты вооружился противу сихъ добродѣтельныхъ людей, спасшихъ дочь мою отъ потопленія, охраняющихъ здѣсь мое спокойство? Нещастный! такъ ли ты мнѣ служить обязался?

АР-

АРНОЛІЙ.

[бросясь на колѣни.]

О! Гастонъ! такъ я, спасая тебя, раздражилъ моего любезнаго господина? прости моему неосторожному усердію. Нѣтъ, я не твоихъ друзей, но враговъ твоихъ истреблять чаялъ, и учинился невиннымъ злодѣемъ. Простите всѣ мнѣ сію неосторожность.

ГАСТОНЪ

[подня въ его.]

Какихъ враговъ ты въ нихъ вообразилъ себѣ?

АРНОЛІЙ.

Государь мой! время терять не надобно... Ахъ! остерегайтесь: знайте, что нечестивый Ренодъ отсюду близко; мы увидѣли его людей, изходящихъ на берегъ. Между ими узнали его самого, напали общими силами на твоихъ непрїятелей, разогнали ихъ; они разсыпались по всему острову; и Ренода искавъ, мы съ сими людьми встрѣтились; неизвѣстность насъ обманула. Пойдемъ-те искать Ренода!

ЗЕИЛА.

Ренодъ здѣсь! все погибло, вся кровь во мнѣ застываетъ!

АЛФОНСЪ.

Любезная! не опасайся ничего: мы съ тобою и Ренодъ не ужасенъ.

ГАСТОНЪ.

Пойдемъ его встрѣтить. Алфонсъ, соедини своихъ людей со мною, предупредимъ нашу погибель. (*Къ дочери*) Нещастная Зеила. . . . Прости! Арнолій останься съ нею, и защищай сію печальную жертву злополучій.

ЗЕИЛА.

Какъ! я безъ васъ останусь? нѣтъ, родитель мой! хочу умереть съ тобою. Ахъ! Алфонсъ! Батюшка! не покидайте меня, жить не хочу безъ васъ.

АЛФОНСЪ.

Любезная! твое присудствіе опасно между людей бѣгущихъ на сраженіе. . . . Увы! останься! жизнію тебѣ отвѣчаю, что мы безвредны возвратимся. Прости.

ЗЕ-

ЗЕИЛА.

Нѣтъ! я бѣгу за вами. Ахъ! вездѣ Ремода ужасаюсь!

АЛФОНСЪ.

Прости.

ГАСТОНЪ

[Арноліѣ, которой пресѣкаетъ путь Зеилѣ.]

Сохраняй ее.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЗЕИЛА и АРНОЛІЙ.

ЗЕИЛА.

Ты удерживаешь меня! жестокій! ты меня съ отцемъ и съ любезнымъ моимъ разлучаешь!

АРНОЛІЙ.

Повинуюсь въ томъ волѣ моего благодѣтеля; ты его дочь и тѣмъ больше остерегать тебя я обязанъ.

ЗЕИЛА

[бросясь на колѣни.]

Ахъ! сжалься надо мною и пусти меня за ними!

АРНОЛІЙ

[удерживая ее.]

Прекрасная Зеила, что шы дѣлаешь? Встань, встань и не проси меня.

ЗЕИЛА.

Такъ шы надо мною не сжалишся? Бѣдная Зеила! море, воздухъ и земля, все тебя съ любезнымъ твоимъ и съ отцомъ твоимъ разлучаетъ! Сжалься *[къ Арнолію]* не удерживай меня!

АРНОЛІЙ.

Какъ! шы сія Зеила, шы сія нѣжная дочь, шы дѣва примѣрная въ добродѣтеляхъ, шы повелѣніямъ отца твоего не повинешся?

ЗЕИЛА.

Нѣтъ! я имъ повинуюсь; но сердце мое, замирающее во груди моей, духъ мой грустію упоенный, мысли мои разными мечтаніями разбитыя, все мнѣ вѣщаетъ нѣчто горестное, отчаянное и душу мою смертной тоской убивающее! Ахъ! конечно ни отца, ни Алфонса я больше не увижу. Пусти меня! пусть я умру съ ними.

АР-

АРНОЛІЙ.

Не унывай! отецъ твой много при себѣ вооруженныхъ людей имѣетъ; а жестокій Ренодъ съ малымъ числомъ служителей на берегъ выступилъ: ихъ мы разбили и самъ Ренодъ утекъ отъ насъ.

ЗЕИЛА.

Такъ пойдемъ взглянешь на торжество любезныхъ мнѣ людей. Увы! самое сіе торжество новыя печали мнѣ приключить можетъ . . Знаешь ли ты сына Ренодова?

АРНОЛІЙ.

Сына его? нѣтъ, гдѣ онъ?

ЗЕИЛА.

Сынъ его здѣсь; пойдемъ, я тебѣ его покажу: узнай его; пойдемъ.

АРНОЛІЙ

[къ сторонѣ.]

Такъ еще не всѣхъ нашихъ злодѣевъ я видѣлъ? надобно найти и сего, конечно онъ не скроется. Ежели ты на себя пріимешь мою вину и передъ отцемъ меня оправдаешь, показавъ мнѣ Ренодова сына, иду съ тобою.

ЗЕ-

ЗЕИЛА.

Пойдемъ скорѣе; вопль по всему лѣсу раздается! Увы! можетъ быть . . Ахъ! можетъ быть отецъ мой погибаетъ; смотри, тамъ сынъ Ренодовъ между древесами странствуетъ, пойдемъ скорѣе къ нимъ.

АРНОЛІЙ.

Пойдемъ на избавленіе твоего отца и для пораженія твоихъ злодѣевъ.

ЗЕИЛА.

Всѣ они тамъ: ахъ! поспѣшимъ скорѣе.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЗЕИЛА и РЕНОДЪ.

ЗЕИЛА

[съ раслущенными волосами и съ блѣдным лицемъ, выбѣгаетъ послѣдуема Ренодомъ.]

Боже мой! куда я сокроюсь! АхЪ! разверзись земля подо мною! . . .

РЕНОДЪ

[схвативъ ея.]

Постой! не убѣгай отЪ меня; постой Зеила!

ЗЕИЛА

[вырываясь.]

Пусти меня варваръ! видъ твой мнѣ ужасенъ. АхЪ! ГастонЪ, гдѣ ты родитель мой?

РЕНОДЪ.

Твой родитель живъ остается; а я, о! нещастный, я не нахожу моего сына; гдѣ онЪ? Зеила ты его отняла у меня, отдай мнѣ его!

ЗЕ-

ЗЕИЛА.

Нечувствительный человѣкъ! ты всего лишилъ меня: отца, матери, имѣнія, спокойства и чести; а отъ меня требуешь чистосердечія и сына. Ахъ! злодѣй! ежелибъ я могла быть тебѣ подобна, умертвила бы тебя своими руками.

РЕНОДЪ

[схвативъ ея руку.]

Ты и такъ меня умерщвляешь! увы! прекрасная Зеила, ты не знаешь, за чѣмъ я пришелъ сюда. Зеила! я у ногъ твоихъ лежу; злодѣйской ли ето поступокъ? Ахъ! но гдѣ мой сынъ?

ЗЕИЛА.

Нещастный! ласки твои, униженія и самыя кляшвы пуще меня раздражаютъ. Ты страшенъ мнѣ! пусти меня варваръ, не прикасайся мнѣ.

РЕНОДЪ

[удерживая ея.]

Отдай мнѣ сына и тогда ненавидь меня, ежели достоинъ буду ненависти . . .

ЗЕ-

ЗЕИЛА.

Ты давно ея достоинъ; но что за крикъ я слышу? Увы! встаньте!

[За кулисами слышенъ голосъ: умирай за отца твоего. *И послѣ Алфонсъ:* отстаньте отъ меня, я не врагъ вашъ.*]*

ЗЕИЛА.

Ахъ! нечувствительный отецъ! бѣги, спасай твоего сына, его голосъ. Онъ умираетъ; бѣги!

РЕНОДЪ.

Что я слышу! сынъ мой живъ и въ опасности. О! злополучіе, пойду и умру самъ за него. *[Уходитъ]*

ЯВЛЕНІЕ II.

ЗЕИЛА.

Сама я Алфонса погубила! пойду спасать его. *[Слышенъ голосъ за кулисами: Зеила, Зеила гдѣ ты]* Кто меня кличетъ? Ахъ! его батюшка! любовь уступаетъ природѣ; не въ опасности ли онъ? Увы!

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ III.

ЗЕИЛА и ГАСТОНЪ

[со стремленіемъ входитъ. Зеила бросается въ его объятія.]

ЗЕИЛА.

Ахъ, батюшка!

ГАСТОНЪ.

Любезная дочь! ты еще жива? но ты вся трепещешь, рыдаешь. Увы! что съ тобой сдѣлалось? Я живъ и не вредимъ. Ахъ! не Ренодъ ли! . . . Увы! не можетъ промолвить ни слова! . . . Дочь моя, ты умираешь!

ЗЕИЛА

[упавъ къ его ногамъ.]

Алфонсъ умираетъ!

ГАСТОНЪ.

Какъ? Алфонсъ умираетъ! гдѣ онъ, скажи, гдѣ онъ умираетъ?

ЗЕИЛА.

Такъ батюшка, можетъ быть его нѣтъ уже на свѣтѣ! Я видѣла нападающихъ на него

него нашихъ людей; я слышала его голосъ, онъ былъ умирающій! Ахъ! не ты ли? увы! Ренодъ отъ меня полетѣлъ къ его защищенію.

ГАСТОНЪ.

И я бѣгу туда доказать, сколь мало я мщу за обиды . . Но у меня оружія нѣтъ . . На что оно? довольно одного великодушія, для обузданія непріятельской злобы. Встань Зеила, отецъ твой добродѣтеленъ; не подозрѣвай его; прости. Я бѣгу спасать Алфонса и побѣждать Ренода.

ЗЕИЛА.

[вставъ]

Батюшка! не ходи туда, тамъ всѣ въ бѣшеномъ отчаяніи сражаются.

ГАСТОНЪ.

Я въ свѣжей памяти; и за тѣмъ иду къ нимъ. Прости!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЗЕИЛА.

Здѣшняя пустыня теперь мнѣ кажется еще ужаснѣе! Солнце здѣсь тускнѣетъ! . .

Удалюсь отсюда и прибѣгну во средину сраженія искать или смерти, или слезами укрощать озлобленныхъ непріятелей: ужѐ ли надо мною не сжалятся! . . Пойду! . . Но мои ноги трепещутъ! зрѣніе темнѣетъ! сердце движенія лишается! .... Вопль умножается . . не могу итти! . . Бѣдная Зеила! . . Ахъ! кто мнѣ теперь поможетъ! . . . Вся каменѣю! Гастонъ! . . Ахъ! Гдѣ всѣ они?

ЯВЛЕНІЕ V.

ЗЕИЛА и АЛФОНСЪ

[имѣя волосы склочены и лице блѣднос, въ крайнемъ отчаяніи].

ЗЕИЛА.

[бросясь къ нему]

Алфонсъ! ето ты! ты ли ето, другъ мой? но лице твое мертвѣетъ! зрѣніе потухаетъ! трепещешь! Ахъ, ты раненъ! умираешь! отвѣтствуй мнѣ Алфонсъ.

АЛФОНСЪ.

Скоро умру! но я не раненъ, а убіенъ смертнымъ отчаяніемъ.

ЗЕ-

ЗЕИЛА.

Что сдѣлалось . . . Боже мой! какое еще несчастїе?

АЛФОНСЪ.

Зеила! я пришелъ на вѣкъ съ тобою проститься, и проститься какъ твой злодѣй.

ЗЕИЛА.

Ахъ! понимаю . . . Не досказывай! ты убилъ отца моего! . . Увы! злодѣй, что ты сдѣлалъ?

АЛФОНСЪ.

Нѣтъ! отецъ твой живъ; но мой умираетъ! прости Зеила!

ЗЕИЛА.

Постой! Алфонсъ, постой! отецъ твой умираетъ? Кто его убїйца?

АЛФОНСЪ.

Твой отецъ! и ты моего врага дочерїю учинилась.

ЗЕИЛА.

Нѣтъ, я етому не вѣрю! . . . Какъ, отецъ мой умертвилъ твоего отца? . . . . Онъ пошелъ его и тебя спасать отъ смерти.

АЛФОНСЪ.

Такъ, онъ прибѣжалъ во смутномъ видѣ къ мѣсту нашего сраженія; увидя моего отца, меня защищающа отъ людей вашихъ, бросился ко мнѣ; вырвалъ изъ рукъ у меня шпагу; обратился на моего, и вскричалъ мнѣ: удались Алфонсъ и поди къ моей Зеилѣ, она умираетъ. Я кинулся разнять хотящихъ сражатися, но мой отецъ вопіялъ мнѣ: поди Алфонсъ и не препятствуй нашему намѣренію; все сіе въ едино мгновеніе совершалось . . . Я услышалъ твой вопль, чаялъ тебя въ опасности, и не зналъ куда обратиться; любовь влекла сюда, а честь, должность и дружба тамъ остановляла. Наконецъ мои глаза затьмились, и что я услышалъ! Боже мой! твой отецъ вскричалъ: отмщеніе учинено! Я охладѣлъ, и не знаю, какъ сюда могъ достигнуть! . . . Прости, Зеила! и прости на вѣки!

ЗЕИЛА.

Несчастный! я ли причина такому злополучію? за что меня покидаешь? Когда твой отецъ безвинно отнялъ моего у меня, убилъ

убилъ мать мою, похитилъ имѣнія и нашу славу; я съ тобою чрезъ горы и моря слѣдовала; а ты лишенный по его достоинству твоего отца, который всякое мщеніе отъ моего заслуживалъ, ты меня покидаешь!

АЛФОНСЪ.

Знать небо велитъ намъ быть злодѣями, а не друзьями; знать оно такъ велитъ, учиня родителей нашихъ врагами, а наконецъ и убійцами! Ахъ! Зеила, я люблю тебя и въ сію минуту еще больше люблю; но для того на вѣки съ тобою и разлучаюсь.

ЗЕИЛА.

Жестокій! мой отецъ твоего умертвилъ, а ты меня умертвить хочешь; убей меня сей разлукой, и докажи, что злоба отца твоего еще жива во твоемъ сердцѣ. Вотъ награжденіе за всю мою горячность!

АЛФОНСЪ.

Такъ ты хочешь Зеила, чтобъ я видѣлъ, непрестанно живучи съ вами, отца моего убійцу; чтобъ его кровавая тѣнь въ сей пустынѣ водворилась, и стенаніемъ своимъ,

напоминая мнѣ мою неблагодарность, совѣсть вашу угрызала; достоинъ ли я тогда любви твоей буду и могу ли тебя любить, не имѣя къ самому себѣ отвращенїя? Нѣтъ, Зеила! скроюсь отъ тебя, скроюсь отъ всего свѣта, погребусь во мрачной пещерѣ, буду оплакивать тебя, отца моего и злую мою судьбину.

ЗЕИЛА.

А я нещастная! куда сокроюсь, гдѣ бы тебя выгнать изъ мыслей умѣла? Нѣтъ въ мїрѣ такого мѣста! Ты будешь вездѣ со мною, по тому что все мое сердце ты одинъ занимаешь! Ахъ! Алфонсъ, не покидай меня!

АЛФОНСЪ.

Любезная! . . . Я хочу . . . и не могу съ тобою остаться! Прости!

ЗЕИЛА.

Ты бѣжишь отъ меня! жестокїй! Постой! увы! я умираю! *[приходитъ во безпамятство]*

АЛФОНСЪ *[бросясь къ ея ногамъ.]*

Зеила! любезная Зеила! ахъ! она вся хладѣетъ! Боже мой! что мнѣ дѣлать!

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЪ И ГАСТОНЪ

[влагая шлагу въ ножны]

ГАСТОНЪ.

Такъ да умираетъ каждый нарушитель общаго спокойствія.

АЛФОНСЪ.

Убилъ ты его!

ГАСТОНЪ.

Онъ теперь во своей крови плаваетъ, и все успокоилось.

АЛФОНСЪ *[указавъ на Зеилу.]*

Убійца! смотри на плоды твоей свирѣпости; а мнѣ взоръ твой страшенъ; бѣгу отъ него.

ГАСТОНЪ.

Боже мой, Зеила умираетъ! ... Алфонсъ! постой, мой другъ!

АЛФОНСЪ.

Не хочу твоимъ другомъ быть! Прости!

ЗЕИЛА

[говоря въ безпамятствѣ]

Алфонсъ! Алфонсъ! всегда ли будемъ мы нещастны!

ГАСТОНЪ.

Слушай! постой! она тебя зоветъ; возвратись! куда уходишь?

АЛФОНСЪ.

Умиратъ, лишась Зеилы!

ГАСТОНЪ

[удержавъ его]

Изъяснись нещастный, что съ вами сдѣлалось? Ахъ Зеила! *[уладаетъ лодлѣ нея, приводя ея въ чувство.]*

АЛФОНСЪ.

Или мало тебѣ изъясненія, что твоя дочь умираетъ, а я бѣгу отъ лица твоего. Ахъ! ты весь орошенъ неоцѣненной мнѣ кровію . . . . . Бѣгу! . . Но чей голосъ я слышу! . . . . . Кто ето! Ахъ! кого я вижу? Ренодъ!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЪ и Д. РЕНОДЪ.

РЕНОДЪ

[не видя Гастона]

Сынъ мой! тебя ли я обнимаю?

АЛ-

АЛФОНСЪ.

Батюшка! ты живъ? и ты меня лобызаешь .... Ахъ! что я здѣлалъ!

РЕНОДЪ.

Я живъ, и великодушїемъ Гастоновымъ отъ смерти избавленъ; онъ покололъ не меня, но своего слугу, хотящаго меня умертвить; сей слуга только раненъ и моимъ стараніемъ приведенъ въ чувство; онъ будетъ живъ; но гдѣ сей великій человѣкъ, при которомъ свѣтъ видѣть я стыжуся?

АЛФОНСЪ.

Вотъ сїя нещастная семья, которая любитъ ни тебя, ни меня отнынѣ не должна во вѣки.

РЕНОДЪ

[бросясь ко востающему Гастону]

О! великодушный недругъ, ты меня кротостїю больше побѣдилъ, нежели бы могъ побѣдить мщеніемъ и оружїемъ. Вижу въ тебѣ, каковъ долженъ быть человѣкъ; чувствую, что я передъ тобою малъ, и сїе почтенное титло теряю! Но гдѣ дочь твоя? .... Не она ли сего? .... Ахъ! Зеила!

я твоя убїйца! . . . Жива ли она? . . . . Боже мой! . . . . я въ отчаяніи. Зеила!

ЗЕИЛА

[приходя въ себя]

Не удаляйся отъ меня . . . . Алфонсъ! подай мнѣ свою руку . . . .

РЕНОДЪ,

Увы! она въ безпамятствѣ!

ЗЕИЛА.

Гдѣ я! и кто со мною? ахъ! Ренодъ! Поди отъ глазъ моихъ; но нѣтъ уже его на свѣтѣ! и тѣнь его мнѣ не даетъ покоя. Батюшка, гдѣ ты?

ГАСТОНЪ.

Здѣсь я! я съ тобою! Ренода я отъ смерти избавилъ, и ты безопасна!

ЗЕИЛА.

Батюшка! ты сверьхъ мѣры великодушенъ! но Алфонсъ меня покинулъ; увы! онъ меня уже не любитъ!

АЛФОНСЪ

[бросясь къ ея ногамъ]

Я не люблю тебя? ахъ! Зеила, ежели я твоего сердца стою, то я щастливѣйшій

въ

въ мїрѣ человѣкъ; прости моей невинной суровости! прости Гастонъ меня за причиненныя скорьби твоей дочери; ахъ! я въ томъ невиненъ; бѣгущїй сюда, увидѣлъ твоихъ служителей; они вскричали: вотъ сынъ Ренодовъ! бросились на меня и не хотѣли слушать моихъ изъясненїй. Я сражался, доколѣ отецъ мой, а по томъ и ты, прибѣгъ и отнялъ у меня оружїе; омраченный своею горестїю, пришедъ сюда, я увѣрилъ ея, что ты не слугу закололъ, а отца моего, и обманутое мое воображенїе охладивъ сердце и любовь мою, нудило меня съ нею на вѣкъ разстаться; я съ нею уже разлучался и сїе виною было ея отчаянїя и безпамятства; но виненъ ли я, что не умѣю быть отца моего ненавистникомъ?

РЕНОДЪ.

О! милосердое небо, благодарю тебя, что сынъ мой, толь гнусныя имѣя примѣры въ поступкахъ отца своего, и рожденный отъ такой, какъ моя, нечестивой крови, добродѣтельнымъ человѣкомъ учинился; удостоился овладѣть сердцемъ не-

оцѣ-

оцѣненныя Зеилы, и учинишься другомъ наилучшаго человѣка, которому я гонишелемъ былъ и шѣмъ вдвое передъ Богомъ и родомъ человѣческимъ виновенъ.

ГАСТОНЪ.

Сынъ твой недостоинъ былъ бы моей дружбы, за то, что о ней усумнишься могъ; а я узналъ еще прежде его имя, спасъ его жизнь; обрѣтенную мою дочь возвратилъ его сердцу; узналъ твое сюда пришествіе, наблюдалъ его отчаяніе, удерживалъ отъ запрещеннаго дерзновенія; спасъ тебя отъ смерши; Алфонса люблю, и тебя не ненавижу. Вотъ мое за гоненія отомщеніе, и вотъ какъ плачу за мои слезы.

[Всѣ трое улавъ къ его ногамъ.]

РЕНОДЪ.

Ты выше человѣка, и я ноги твои обнимать не стыжуся.

АЛФОНСЪ.

[обнявъ его колѣна.]

Ты отецъ Зеилинъ, и можешь ли ты быть недобродѣтеленъ!

ЗЕ-

ЗЕИЛА.

Батюшка! какъ я щастлива, что такого почтеннаго отца имѣю, и что ты меня дочерью твоею называть не гнушаешся!

ГАСТОНЪ.

Встаньте! и не стыдите меня! О! друзья мои, всѣ люди таковы быти должны; и я только тѣмъ передъ вами выигрываю, что, умѣя равнодушно сносить злополучїе, нахожу мое счастїе не въ наружныхъ видахъ, но во внутренности моего сердца. Ренодъ! твой сынъ меня уже любитъ, перестань и ты меня ненавидѣть!

РЕНОДЪ.

Ахъ! етого уже много, и ты Гастонъ съ лишкомъ меня обязываешь, чтобы я не краснѣясь на тебя взирати могъ. Но знай же великодушный страдалецъ, что ты не вовсе меня злодѣемъ почитати можешь; знай, что моего гоненїя была причиною любовь ко твоей дочери, которая меня ненавидѣла и которую ты не захотѣлъ выдать за меня. А моимъ орудїемъ были ненавистники твоихъ

ихъ добродѣтелей; зналъ я, что они не терпѣли въ тебѣ любителя истинны, вѣрнаго сына отечества и престола, защитника утѣсненныхъ и предстателя ими гонимыхъ людей; ихъ вооружилъ я противу тебя! они помрачили твою добрую славу, оклеветали тебя, лишили монаршей милости, и жаждущіе имѣній расхитили твои сокровища; а я ослѣпленный пагубною мнѣ любовію, разлучилъ тебя съ твоей супругой и съ твоею Зеилою.

ГАСТОНЪ.

Ты больше всѣхъ у меня отнялъ, нечувствительный мой гонитель! тѣ мои сокровища, а ты сердце, душу, и честь мою разграбилъ. Увы! сколь всѣ имѣнія тлѣнны передъ нѣжнымъ супружествомъ, дружбою и родственною любовію!

РЕНОДЪ.

Познался я сіе вскорѣ; рвеніе твоей супруги, отчаяніе твоей дочери, любовь моего къ ней сына, увѣрили меня, что я похитилъ у тебя неполезное мнѣ богатство; наконецъ смерть первой и сокрытіе обѣихъ

нашихъ

нашихъ дѣтей, довершили мое злополучіе; и безчестныя мои дѣла въ казнь мнѣ обратились: ежеминутно тѣнь твоей жены взору моему встрѣчалась, стонъ ея вездѣ мнѣ слышался, страданіе твое мнѣ явно казалось, плачущая Зеила всемѣстно воображалась, бѣгущій отъ меня сынъ тяжкіе удары оставилъ въ сердцѣ моемъ. Не вытерпѣлъ я таковыхъ пораженій: влекомъ печаліею, раскаяніемъ, угрызеніемъ совѣсти, бросился къ ногамъ монаршимъ; обнявъ его колѣна, пролилъ источники слезъ; признался ему во всемъ моемъ противу тебя злодѣйствѣ и въ ложномъ оклеветаніи моихъ сообщниковъ.

ГАСТОНЪ.

И сей добрый отецъ вѣрныхъ сыновъ отечества конечно сокрушался, что его окружаютъ недостойные люди?

РЕНОДЪ.

Онъ плакалъ внимая мои слова, и сказалъ: „такъ обманываютъ Государя, когда самъ „не разбирая подданныхъ, на чужихъ словахъ „онъ утверждается„. Сердце его разстрогалось; онъ погналъ меня отъ лица своего, и лишилъ

лишилъ милости твоихъ гонителей; а я соболѣзнующій о единомъ тебѣ и моемъ сынѣ, искалъ вездѣ твоего жилища; нашелъ его и объявилъ черезъ другихъ о томъ двору. Я хотѣлъ повергнувшись ко стопамъ твоимъ, просить за всѣ мои злодѣйства у тебя прощенія, оно мнѣ дороже монаршаго; онъ мною только оскорбленъ, а ты мною лишился семейства, добраго имени и сталъ всѣхъ людей нещастнѣе; но твои люди меня какъ злодѣя встрѣтили.

ГАСТОНЪ.

Ихъ усердіе все благополучіе мое составляло. Прости ихъ.

АЛФОНСЪ.

Никто не учинитъ Гастона нещастнымъ, душа его возлетаетъ выше всякаго злополучія.

ГАСТОНЪ.

И выше всякаго оскорбленія! я помню, что мы всѣ люди и всѣхъ извиняю. Но еще новый шумъ!

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢЖЪ и оставшіеся служители и плаватели.

[приводятъ посланнаго.]

АРНОЛІЙ.

Всѣ они здѣсь: ты Гастона и Ренода видишь; простите вы и насъ за дерзновенное наше усердіе.

ГАСТОНЪ.

Вы прощены, ибо и мы вражду оставили. *[посланному]* Но чего ты отъ насъ требуешь, и какую вѣсть намъ приносишь?

ПОСЛАННЫЙ *[вручая письмо.]*

Милость монаршую. О! почтенный Гастонъ, прими его писаніе и успокойся. *[Гастонъ читаетъ]* Любезный Гастонъ! я узналъ твою невинность и надѣюсь, что ты меня простишь за то, что я какъ человѣкъ былъ обманутъ; но теперь, какъ твой Государь, зову тебя въ мои объятія; возвращаю тебѣ твои достоинства и твои иждивенія; увѣряю при томъ, что ты больше враговъ не имѣешь и имѣть ихъ не будешь. Во удов-

летвореніе твое, казнь злому Реноду отдаю во твою волю; спѣши ко мнѣ, и опредѣляй ему смерть, или ссылку. *[прочитавъ, Реноду]* Дружбу тебѣ опредѣляю; обними меня.

РЕНОДЪ.

Нѣтъ, я сего недостоинъ, и самъ опредѣляю себѣ ссылку въ сей дикой пустынѣ.

ГАСТОНЪ.

Не отнимай ея у меня мой другъ! упавъ къ ногамъ монаршимъ, и представя дѣтей нашихъ, возвращуся сюда; въ городѣ я потерялъ милость монаршую и мое семейство, а здѣсь возвратилъ то и другое, и любить долженъ сію пещеру. За сіе отдаю Зеилу Алфонсу.

ЗЕИЛА.

Отлучусь ли я отъ тебя? нѣтъ! тебя никто замѣнить мнѣ не можетъ.

АЛФОНСЪ.

Съ вами жизнь я раздѣлялъ, съ вами и окончить ее желаю.

ГАСТОНЪ.

Отправимся всѣ вмѣстѣ и ты Ренодъ соединись съ нами. Я хочу передъ своимъ Госу-

Государемъ съ тобою такъ чистосердечно примиришься, какъ въ сей пустынѣ примирился, и просить о возвращенїи тебѣ его милости; вотъ какого награжденїя отъ него потребую. По томъ оставя нашихъ дѣтей за насъ дослуживать, водворимся въ семъ островѣ, преобратя сїе необитаемое мѣсто во спокойное, приятное и безмятежное жилище.

ПОСЛАННЫЙ.

Поспѣшайте почтенные люди, корабль уже готовъ, и всѣ добродѣтельные сыны отечества во пріятныхъ слезахъ вашего прибытїя ожидаютъ.

ГАСТОНЪ.

Мы всѣ къ отъѣзду готовы; намъ кромѣ добрыхъ сердецъ съ собою везти нѣчего.

ПОСЛАННЫЙ.

Все вы имѣете! есть еще честные люди въ мїрѣ! они при моемъ отправленїи все то въ корабль прислали, что въ путешествїи для васъ нужно и все то приготовили, что при твоемъ пріѣздѣ тебѣ потребно будетъ.

ГА-

ГАСТОНЪ.

Радостныя слезы у меня проливаются, слыша что человѣколюбїе еще не совсѣмъ изчезло. О! друзья мои, будьте увѣрены, что добродѣтель рано или поздно награжденїе свое получаетъ; и что гонимыхъ людей, въ обличенїе злыхъ и неправедныхъ, рука Божїя нечаяннымъ благоденствїемъ увѣнчиваетъ.

КОНЕЦЪ.

9519

41158

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМ.
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
имени А.В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР. ДРАМЫ

ОГЛАВЛЕНІЕ

VIII Части.

		Стран.
. Драмы	ПУСТЫННИКЪ - - -	3
II.	—— РОССЫ ВЪ АРХИПЕЛАГѢ	33
III.	—— ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ	97
IV.	—— ДРУГЪ НЕЩАСТНЫХЪ	177
V.	—— ГОНИМЫЯ - -	241